

Ж 73
К-54221

Николай Жирнов-Ибресь

Клад раздора

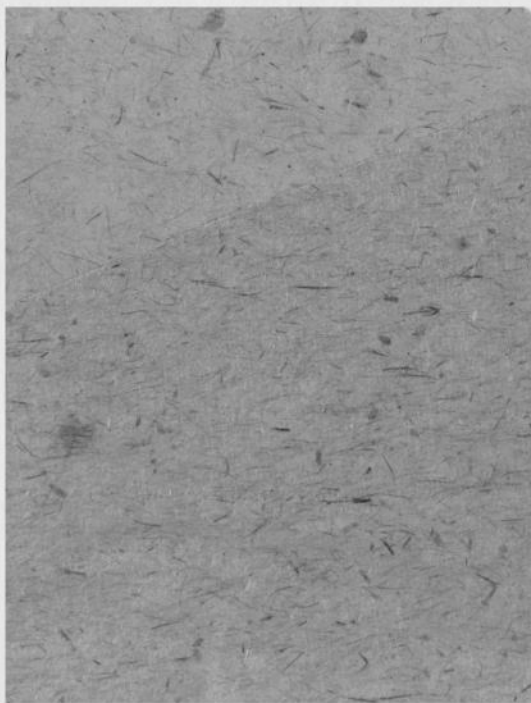
Рассказы

Национальная библиотека ЧР

к-054221

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСП.
ЭКЗЕМПЛЯР

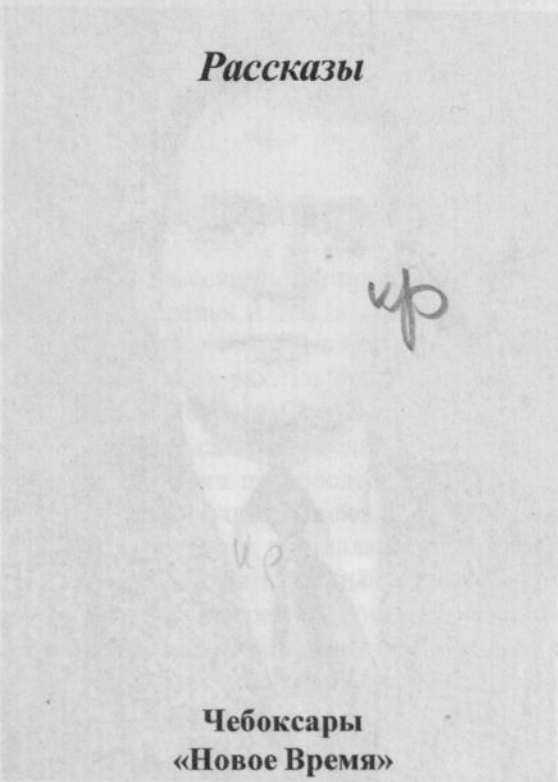
К84.09 (2Р)с

ЖЗЗ

Николай Жирнов-Ибресь

Клад раздора

Рассказы

чр

чр

**Чебоксары
«Новое Время»
2010**

РОБЕРЕНО

Л.В.В.В.

ББК 86.37-52

УДК 264

Ж 73

Николай Жирнов-Ибрес

Жирнов-Ибрес Н.Т.

Ж 73 Клад раздора: рассказы. Чебоксары: Изд-во «Новое Время», 2010. — 180 с.

Клад

© Жирнов-Ибрес Н.Т., 2010

Жирнов Николай Трофимович

К-54201
ЖИРНОВ-ИБРЕС Н.Т. РАССКАЗЫ

РОВЕРЕНО
010

Музыканты

Наконец наступил месяц июнь, пришла летняя пора. Природа вся преобразилась, деревья и земля покрылись густой зеленью. Воздух нагрелся до того, что можно было ходить раздетым, нагрелась и вода в прудах и озерах. Ребяшня всю купалась в пруду, малышня бултыхалась у берега. Они уже привыкли бегать босиком, и не могли не нарадоваться этому, ведь летом обувь для детворы — лишняя обуза. Даже ребята повзрослее пытаются перенять у них пример и после купания, поднимаются в горку и идут по улице босиком, неся в руках обувь. И им доставляет это удовольствие.

Внезапно с севера подул холодный сильный ветер, поднимая пыль с дорог и улиц. Вслед за резкими порывами ветра, пошел крупный сплошной дождь, можно сказать, что почти ливень. Крупные капли дождя, шумно били по стеклам окон. Люди попрятались по своим домам, а все живое — по своим укромным местам. Лило до самой глубокой ночи. Слышно было постукивание дождя по крыше. К утру дождь прекратился, но небо сплошь было покрыто темными тучами. Наступал серый пасмурный день.

Непоседливой ребятне пришлось надеть на себя теплую одежду, некоторые напялили даже фуфайки. Старшие ребята собирались у кого-нибудь и сидели у дома, азартно играя в подкидного дурака – благо, карты водились у каждого.

– Вот и дождались мы лета, даже некуда пойти в такую погоду.

– Хорошо тем, у кого есть телевизор, сиди целыми днями у ящика и гляди на экран.

– Если взять в среднем, то в поселке из десяти семей только у одной есть телевизор.

– До слишком-то к ним не зайдешь, смотрят косо.

– Богатые и есть богатые, они всегда были скупердяями и жмотами.

– Не будешь скупым, не обретешь богатства.

– Для чего же жить на свете, если не знать свободной радости? Что, в барахле наладить радости?

– Пусть живут, как хотят, это их воля. Жаль только, что нас нигде на работу не берут, а то бы малость приоделись.

– Были бы постарше, слов не было бы, а то, вон, кругом объявления висят, что требуются рабочие руки.

– Что будем делать, ребята, ведь так можно и усохнуть?

После этого вопроса трое – Леша Коренастый, Саня Белобрысый, Вова Длинный – уставились на своего заводилу Николая Черного.

– Пока не знаю, но к июлю месяцу пойдут ягоды и грибы, и нам некогда будет тут рассиживаться.

Опять наступила тишина, лишь слышны шлепки карт по столу.

– Вот придется бы нам хотя бы во что-нибудь простенькое, но обязательно новенькое, а то надоели эти старые в сплошных заплатках обношенные штаны, – мечтательно сказал Николай. В его словах было столько откровения, что и Леша размечтался:

– Хотя бы в дешевые шаровары.

Николай с серьезным видом, поочередно внимательно посмотрел на каждого и неожиданно предложил:

– Давайте, ребята, съездим в какую-нибудь деревню и для начала выступим с концертом?

– Ты что с ума сошел, ведь из нас никто никогда не выступал на сцене!

– Хочешь сказать, что горшки обжигают боги и простым смертным там нечего делать?

Николай настолько заразился своей идеей, что вскочил на ноги.

– Да, мы не музыканты. Это вон соседи у Леша покончили музыкальную школу. Но у них вечно нет времени, да и здесь неплохо устроились.

Опять наступило тягостное молчание. Все опустили головы и уперлись взглядом в землю, которую скребли истасканными своими башмаками.

– Нам надо заполнить эту пустую нишу, раз уж профессионалы не хотят заниматься своим делом.

Приподняв головы, все выжидающе уставились на Николая.

– Саня, ты на гитаре можешь что-нибудь изобразить?

– Так помаленьку по-любительски могу, для своей души.

– Хорошо, я тоже на барабанах помаленьку стучу, в школе немножко наблатыкался. Вова, кажется, на бас-гитаре может играть?

– Я не пробовал!

– Надо, ребята, хотя бы ритм отбивать нашустриться.

Все разом встали и пошли к Леше, который у соседей-музыкантов выпросил музыкальные инструменты.

Прорепетировали до трех часов, изрядно устали, болели кончики пальцев. В итоге получилось не очень-то складно, но зато в один ритм играть вроде бы научились.

– Нет, так не пойдет.

– Нам за такую игру деревенские ребята руки-ноги пообломают.

Все смолкли. Установилась продолжительная глубокая пауза. Никому ничего разумного в голову не приходило. Каждый понимал, что соблазн был велик.

По годам Николай был чуть старше других. Он понимал, что в случае чего вся ответственность ложится на него. Поэтому не находил себе места, все ерзал на скамейке, готов был протереть штаны до дырок.

– Если мы будем так киснуть, у нас никогда ничего не получится.

Он вытер рукавом вспотевший подбородок.

– Понимаю, что наша затея смахивает на авантюру. Но, как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает.

– Да мы понимаем, что у нас нет профессионализма.

– Что вы, ребята, на самом деле так переживаете? Не получится – деньги вернем назад.

– Попытка – не пытка. Давайте, ребята, выше головы.

После этих слов все оживились.

– Мы согласны, Николай, веди нас. Пропадать, так с музыкой.

Сложив инструменты, поехали на автобусе в самую большую деревню. У околицы вышли из автобуса.

– А куда дальше пойти?

– Как обычно, самый большой дом в деревне – это клуб, туда и двинемся.

И они пошагали к самому большому строению.

– Ребята, а мы не договорились о входной цене...

– Интересно, а сколько стоит у них вход в кино?

– Пять копеек, кажется.

– Ну а мы установим два раза дороже

– Почему?

– Да живые же они люди!

– Хватит рассуждать, значит, остановимся на десяти копейках.

С этим все согласились и споро направились к клубу. На удивление, улица была покрыта зеленой травой, которая возле крыльца клуба была изрядно вытоптана. По уличной тропинке бежал мальчишка, толкая перед собой ободок согнутой проволокой.

– Эй, малыш, подойди сюда!

Так же шустро толкая колесико проволокой, пацан подошел к ним.

– Что вам нужно, дяденьки?

– Скажи-ка, где заведующий клубом живет?

Показывая рукой вдаль центральной улицы, тянувшейся по всей деревне, малец неопределенно сказал:

– Тут рядом, недалеко живет.

– А ясней нельзя?

– А вы кто такие будете?

– Ясное дело, музыканты.

– Бесплатно пропустите, тогда сбегая за Геннадием Федоровичем.

– Молодей, малец, на ходу схватываешь.

Мальчишка недоверчиво посмотрел на ребят и отошел в сторону.

– Пропустим, обязательно пропустим, но при условии, если ты найдешь еще пяток таких же шустрых пацанят.

– А зачем еще нужно?

– Не торопись, слушай до конца. Сейчас ты сбегаешь к Геннадию Федоровичу вашему, а затем с ребятами пробежитесь по всем улицам деревни и сообщите всем, что через два часа в клубе состоится музыкальный концерт. Не забудьте всем сказать, что артисты прибыли из райцентра Ибреси.

– Вот здорово. А то у нас все вечера проходят только под гармошку. А проигрыватель Геннадий Федорович не покупает.

– Запомни, вход тридцать копеек.

– Все понял, ура!

Мальчишка вприпрыжку побежал по улице, через несколько домов забежал в добротный двор. Через несколько минут вышел оттуда со стройным парнем с галантными усами и неестественной улыбкой, которая при виде неказистых ребят тут же исчезла с лица.

– Это вы музыканты? Слишком уж молоды для такого серьезного дела.

В его голосе ребята почувствовали насмешливый тон, и сразу же опустили головы, зашмыгали носами. Но Николай не отчаивался, вышел вперед, вплотную подошел к завклубу.

– Ну и что ж, что молоды, зато энергии не занимать, хватит развеселить всех.

– Да, да, я понял. Вы хотите заработать.

– Да, вы правы. Мы не намерены скрывать этого.

– Поня-ятно. А теперь слушайте меня.

Он знаком руки пригласил ребят ближе к себе. Те мигом окружили его плотным кольцом.

– Мальчишка сказал, что за вход тридцать копеек. Я согласен с этим и все организую чин-чинарем. Но за аренду клуба требую половину выручки.

– Не слишком ли жирно будет?

– А где вы еще заработаете такие деньги?

– Круто живешь ...

– Скажите спасибо, что таких молоденьких допускаю к выступлению.

Ребята смолкли. По их лицам видно было, что они согласны играть на этих условиях. Но Николай рассудил по-своему и резко.

– Нет, так не пойдет. Условия ставим мы.

– Вижу, молодые да ранние.

– Тридцать процентов и никаких гвоздей. Это Вам за глаза хватит.

Геннадий Федорович молчал, сделав умное лицо, гнул свою линию.

Обняв ребят, Николай зашагал в сторону остановки. Видя такую решительность, завклубом опешил, готов был бежать за удаляющимися ребятами.

– Не спешите, я согласен с вами!

Геннадий Федорович был готов бежать за ребятами.

– А то односельчане не так поймут, скажут, музыканты приехали, а я их плохо встретил. Скажут, для чего тебя сюда поставили, кроме как веселить народ.

Ребята вернулись назад, настроение у них поднялось, на лицах появилась улыбка. Не менее был доволен завклубом, глаза масленно светились.

– Про деньги ни гу-гу, ни одни посторонние уши не должны слышать о них.

– Вас поняли, чай, не дураки.

Геннадий Федорович легко взбежал на крыльцо, достал большой ключ, открыл входную дверь, которая распахнулась со страшным скрипом, который, может, был слышен за десяток дворов.

– Располагайтесь поудобнее на сцене, она сегодня полностью в вашем расположении.

Тут в его комнатухе в шкафу, кроме усилителя, микрофона и одного колокола, ничего не было. Ребята все свои гитары включили в один усилитель и микрофон на выход, подключили и колокол. Получился однотонный звук, впридачу шипело и трещало неприятно на слух. Попробовали включить по-разному, наконец, убрали шипение. Но чистого звука так и не добились.

Подошел Геннадий Федорович с насмешливой улыбкой.

– Смотрю на вас и вижу, что-то не получается у вас хороший звук, не говоря уж про идеальный.

Ребята сразу застыли в беспокойстве, не пошлет ли он их подалее на три буквы.

– Вот что, горе-музыканты, думаю, для храбрости не мешало бы вам принять по сто граммов. Идите за мной.

Он завел их в свой кабинет, открыл сейф, из-за бумаг достал бутылку красного вина – «Белое» по одному рублю две копейки. Искусно открыл металлическую пробку за ушко.

– Давайте, ребята, по стопочке для храбрости.

Ребята остались совершенно равнодушными к предложенному.

Завклубом удивился, опешил.

– Вы что, мужички?

– Мы никогда не пробовали эту гадость.

– А надо, ребята, чтобы все получилось, не дай бог, еще провалите мероприятие.

Пили поочередно, насилиу глотая и кисло морщась.

– Ребята, так я побежал, слышите, голоса людей. Накопилось прилично народу, надо запускать в клуб.

Ребята остались одни, сидели молча, глядя друг на друга. Думали, ну и заварили кашу, как же из нее выбраться?

Прошло минут пять. У ребят порозовели щеки, на лицах появилась улыбка, глаза заблестели живым огоньком. Но ни один из них не решался выйти на сцену. Всем было боязно, ведь первый раз в жизни выступают перед такой аудиторией. Стакан вновь прошелся по кругу, оставшееся вино допили по глотку. Первым встал Николай.

– Поднимайтесь, ребята, будьте решительней, раз осмелились на такое дело, надо оправдать себя.

Первым на сцену вышел Николай с палочками в руках, подошел к барабану, прошелся палочками по нему, выбивая ритмическую дробь. Но страх, что затея может закончиться провалом, все еще не покидая его. Никогда не певший и не знавший слов выбитой дробью мелодии, он затораторил:

Тап-тудап, там-тудап, туп-тудап, тум-тутам, зибаб-зибаб, аб-аб, абаб-абаб ...

Войдя в ритмический раж, повторял все снова и снова ... Вроде бы получилось все складно, в такт ритма музыки. Вскоре вся группа играла в такт музыки за Николаем. Видимо, подействовало на них вино, или страх перед деревенскими ребятами, которые в случае провала могли бы здорово поколотить.

После вступительной части Саня спел русскую песню. За ним Леша спел чувашскую песню, и так складно, что ему зааплодировали. Из зала молодежь кричала:

– Давайте еще раз эту иностранную песню «Тан-тудан, там-тудап! ...»! Нам очень понравилось!

Снова заиграли вступительную мелодию, по своей сути сущую абракадабру. В зале стоял одобрителный свист и невероятный топот ног. Ребята вспотели, руки начали уставать. Саня, Леша и Вова то и дело поглядывали на Николая. Тот понял их намерение, сжалился и объявил по микрофону:

— Десять минут на перекур.

Зрители вышли на улицу подышать свежим воздухом. Уставшие музыканты положили инструменты на стулья и пошли отдыхать за сцену. Помочили высохшие губы водичкой. На сцену поднялся парень, видимо, один из деревенских шустралов. Поздоровался со всеми за руку.

— Ребята, вы прямо как битлсы, недавно появившийся на Западе ансамбль. Николай подумал, что это на них подействовало.

— А самогонку будете? — неожиданно предложил парень и из-за пазухи вытащил бутылку самогона. Ребята в замешательстве растерялись, не знали что и сказать.

— Да вы не переживайте, хотя она чуть мутноватая, но сделана из чистой картошки. Это в деревне считается самой мягкой и лучшей. А из зерна — сердце жмет.

— Раз так, то наливай свой местный коньяк.

Парень из другого кармана достал сверток бумаги и развернул.

— Вот остался кусочек шыртана, не побрезгуйте — закусывайте.

— Спасибо. это, считай, местный деликатес?

— Разбираетесь ...

— Как звать-то?

— Илья.

Самогонка пошла легче, но чуточку отдавала горечью. Илья орудовал шустро, стакан моментально прошелся по кругу. На сцену уже вышли деловито, осмелевшими. Игру на музыкальном инструменте каждый выделявал по-своему, вкладывая больше азарта, чем умение. Начали подмигивать девчонкам. Те улыбались, громко смеялись, махали руками и неистово визжали. Они были без ума от игры музыкантов, от их безудержного азарта, повскакали с мест, сгрудились около сцены, прыгали в танце ...

Очнулся Николай в телеге, лежащим рядом со своими дружка-ми-подельниками. Телега то и дело подпрыгивала на колдобинах. Лежащих в телеге трясло, особенно расслабевшие в шнях головы спящих музыкантов. Николай приподнял голову. Оказывается, подъезжают к райцентру, к своему поселку Ибреси. Но как они оказались в этой телеге? Он в страхе схватился за карман. К счастью, деньги были целы! Держа в руках вожжи, лошадь вел Илья. Тут и вспомнил Николай, как они завершили выступление, как рассчитывались с Геннадием Федоровичем, распрощались с многочислен-

ными провожающими, особенно девчонками, как Илья вызвался отвезти их на телеге. Заснули они уже в телеге по дороге домой. Илья заметил, что он пришел в себя.

– А-а, проснулся, Николай. Вчера вы здорово опьянели. Ты-то хоть держался более-менее, а твои гаврики совсем было раскисли.

– Что бы ты хотел, ведь пили первый раз в жизни.

– Ну, тогда для первого раза нормально.

Илья широко и добродушно улыбнулся, приятельски хлопнул Николая по плечу.

– Не переживай, все нормально, клевые вы ребята.

– Интересно, до сколько часов мы играли, и почему ты говоришь «вчера»?

– Не знаю, сколько было времени, когда мы вместе покинули клуб, но когда я запрягал лошадь в конюшне, время на часах конюха показывало уже за полночь. А играли вы где-то часа три.

– Поэтому ребята жаловались, что кончики пальцев болят. Я-то что, стучал себе палочками.

– Скажу откровенно, молодцами вы держались. Это молодежь наша не унималась, все требовала, давай да давай! Геннадий Федорович несколько раз объявлял последний танец, а наши каждый раз вставали на дыбы, им давай танцы до утра или до упаду.

– А чем кончилось-то?

– Ты что, не помнишь уже?

– Смутно, Илья, но не вполне.

– Да ты сам объявил, мол, хватит на этом, вон ребята набили мозоли на пальцах. Только после этого унялась молодежь, но осталась очень довольной и поручила мне проводить вас до дома на телеге.

– Вот спасибо. а это наш двор.

Николай слез с телеги.

– А этих где оставить?

– Вот тут же.

– Я думал развезти их по домам.

– Чтобы родителям на растерзание?

– Все, понял.

– Вот тут за столом на скамейку и посадим их.

Николай стал тормошить дружков, те были вялыми, не соображали, где находятся. Пришлось Николаю при помощи Ильи рассадить их вокруг стола. Те тут же положили сонные головы на стол,

так и не открыв глаза. У Николая кружилась голова. Он обеими руками схватился за виски. Это не прошло мимо глаз всевидящего Ильи.

– Николай, может чуток опохмелишься?

– Чем? И поможет ли?

– Как еще поможет. Ну а чем, это не твоя забота. Мы люди запасливые.

Тут Илья из-под соломы вытащил бутылку той же мутной самогонки. При виде этого Николая затосило. Он быстро побежал за ближайшее дерево, несколько раз рыгнул и вернулся к телеге, вытирая рот носовым платком.

– Все понял, – сказал Илья и сунул бутылку обратно под солому. – За все спасибо, ребята. Приезжайте к нам в деревню. Мы только будем рады.

– Там видно будет, жизнь покажет.

– Но, поехала, – дернул вожжи Илья и поехал своей дорогой.

Николай остался сидеть на скамейке и ждать, когда оклемаются дружки.

На восточном горизонте показалось золотистое солнце и озарило землю. начинался новый день ...

– Илья.

Купил машину

С недавних пор потайная мечта зародилась в голове Вени, не дававшая в последнее время покоя мысль купить машину, чтобы ездить к родителям в деревню. Они были уже старыми, постоянно нуждались в помощи по хозяйству. Родители постоянно снабжали сына продуктами, как могли старались для него. Если не ездить к ним, просто стыдно было перед ними, брать у них продукты задарма не позволяла совесть.

Ох как надоело Вене ездить на выходные дни на автобусе. На рейс выделяли маленький ПАЗик. По пятницам вечно он был набит пассажирами. Еле умещались в салоне люди, толкая друг друга, ругаясь теми словами, на чем свет стоит. А если бываешь с вещами, хоть караул кричи, приходится слушать одни упреки в свой адрес. Всем нужно ехать к своим родителям в свои деревни, села и поселки, потому-то все невольные пассажиры становятся непомерно злыми в эти пятничные дни.

Поэтому Веня три года копил на машину деньги, копейку к копейке. Иногда даже ущемляя свою семью. Про себя и нечего говорить, он отказал себе на эти три года во всех земных радостях и удовольствиях. Друзья и товарищи удивлялись такому внезапному странному поведению Вени, а узнав причину, искренне сочувствовали ему, некоторые даже жалели его.

Кончилась зима со своими обильными сугробами и наносами в этом году. К концу марта снег почти весь растаял под яркими и теплыми лучами солнца. У Вени больше не было терпения. Пробуждающаяся от зимней спячки природа щекожливо будоражила застывшую за длинные зимние вечера томную его кровь. Он нетерпеливо достал свою дорогую ему теперь сберегательную книжку. Оказалось, что им вложено в сберегательный банк двадцать тысяч рублей. Как были ценны ему сейчас эти деньги. Знали об этом только он и его семья.

Скинувшая зимнюю снежную шубу и дышащая паром земля еще не подсохла, поэтому пора помощи родителям не успела поспеть, не было большой нужды ездить в деревню. В один из выходных дней Веня отправился на Восточный авторынок, который раскинулся у тракторного завода со стороны модельного цеха. Рядом проходила автотрасса в сторону Новочебоксарска, а через дорогу расположился Восточный поселок.

Веня зашел в отсек, загороженный сеткой рабица. Внутри рядами стояли поддержанные машины, на лобовых стеклах которых скотчем были прикреплены бумажки с ценами на них. Веня медленно прошелся по рядам, просматривая машины. Приличные из них стоили слишком дорого, они были ему не по карману. А те, что стоили дешево, по его мнению, имели неприглядный вид и снаружи, и внутри, да и техническое состояние у них, видимо, совсем уж никудышное. Только на один ремонт они обойдутся в тридорого. Зачем тратить с таким трудом накопленные деньги на этот металлолом, думал Веня.

За выходные дни Веня обошел все авторынки Чебоксар, но все оказалось бесполезно. Просмотрел объявления в газетах, но тут оказалось еще дороже. Смотрел рекламу по телевизору, там одна фирма предлагала машины в кредит. Веня отправился туда. Пришлось отказаться и от услуг фирмы, потому что там предлагали заложить квартиру. А если что случись, останешься со всей семьей без крова над головой.

Видит Аня, как переживает ее муж, не спит спокойно по ночам, все ворочается в постели, по утрам встает рано, даже аппетит пропал у него.

— Да перестань ты так переживать, мой дорогой, — она обняла его, нежно поцеловала. — Обходились без машины и дальше проживем без нее.

— Молодой был, все было нипочем, а сейчас с возрастом хочется спокойной жизни и старость встретить достойно.

— Пусть тогда деньги останутся в сбербанке, хоть проценты буду копиться.

— Ошибаешься, дорогая, никакого толка нет, инфляция сожрет все наши деньги.

Смотрела Аня на мужа жалостливо и ничего не могла сказать.

— Пойми, Аня, цены на машины будут возрастать с каждым годом.

— Не знаю, что и посоветовать тебе, муженек, мой, самое главное, мне хочется, чтобы ты успокоился, не мучил себя.

Веня посмотрел на жену пристально и взбодрился.

— Честно говоря, Аня, не хочется волочиться в жизни, она и так коротка, но ничего хорошего не просматривается в ней.

— Да ты прав, я во всем с тобой согласна.

— С каждым годом все хуже и хуже, не знай куда катимся.

Тут Аня близко подошла к мужу, обняла его, ласково прижалась к нему всем телом и положила голову на его плечо.

– Все безобразия там наверху творят, грабят государство беспардонно, – зло махнул рукой Веня. – Эта бестолковщина не должна продолжаться бесконечно.

– Но ничего хорошо пока не видно.

– Вот ты сразу поняла, Аня. А помнишь наши прежние золотые денечки?

– Как не помнить, цены были постоянные, люди не слыхом не слыхали о какой-то там информации, копили себе деньги, покупали, что желали.

Оба как-то облегченно вздохнули.

– Да, были времена, каждый год без всяких проблем ездили на юг. Все это прошло как сладкий сон.

Так вспоминали свою молодость Веня с Аней, сожалея, что никогда уже не вернуть те золотые деньки.

– Думай, Веня, находи решение в этой неустроенной жизни, ты у нас все же глава семьи, чтобы найти лучший выход.

В комнате было сумеречно, но они не включали свет, вплотную обнявшись сидели на диване. Аня наклонила голову на плечо своего любимого Вени. Несколько времени сидели молча, чувствуя дыхание друг друга и близость родного тела. Под конец Веня проговорил тихо, с какой-то хрипотцой, выдавливая слова из души:

– Может, съездить к сестре в Москву, там все-таки большой выбор автомобилей?

– Не знаю, Веня, жулья этого везде много развелось, взять хотя бы наш город, ведь раньше такого не было.

– Да, ты права, Аня.

– Сейчас везде и всегда нужно быть бдительным, ходи да постоянно оглядывайся, тем более там, в огромном городе следует особенно остерегаться.

– Этих проходимцев везде хватает, особенно среди молодежи.

– А ты побольше слушай этих указчиков да советчиков.

– Этого дерьма везде полно, но все же надо попытаться съездить.

– Если не найдешь подходящей машины, то только зря протратишь деньги на поездку, нам их итак не хватает.

– Но если я не выполню задуманное, то буду ходить постоянно в сомнениях, мучить себя днями и ночами. Ничего нет хуже этого.

Аня понимающе посмотрела на мужа, но ничего не сказала.

– Никто нам не принесет машину на ладошке.

– Ты всегда прав, Веня, убедил меня, так дерзай, как умеешь, что нам трястись над этими деньгами, все равно ни туда, ни сюда.

Аня резко встала с дивана, вышла на балкон, занесла оттуда большую сумку, заполненную банками с огурцами, помидорами, грибами, вареньями из вишни, смородины, малины, привезенными из деревни. Это какая значительная помощь родителей Вени семье. В прошлом году уродился обильный урожай овощей, фруктов и ягод. Половина их запаса сохранилась аж до мая нынешнего года. Вот и расстаралась Аня для московской родни мужа.

– Вот собрала я тебе в дорогу, мой дорогой.

– Жаль, что не припасли гостинцев.

– Интересно знать, какие же именно?

– Наш зятек любит чувашский бальзам, особенно, Цивильский.

– Ой, совсем забыла про него, давай сходим за ним, хоть немного прогуляемся, а то в квартире что-то стало душно.

Мирно беседа, неспешно дошли до магазина, купили то, что считали нужным, и так же не спеша вернулись домой.

Утром Веня поспешил на тракторный завод, где он работал, и сразу же зашел к начальнику. Тот без всяких разговоров подписал заявление на административный отпуск. Если раньше с такой просьбой возникало немало проблем в цеху, то теперь нет никаких проволочек. Из завода Веня отправился на железнодорожный вокзал, купил билет на фирменный поезд до Москвы и в тот же вечер уехал на нем в первопрестольную столицу попытать счастья.

Прибыв в столицу ранним утром, чему способствовало хорошо продуманное расписание поезда, он первым делом оставил сумку у сестры и отправился по московским авторынкам в поисках соответствующей его финансам машины.

Обходил их три дня, под конец понял, что тратит время напрасно в поисках дешевой машины. Когда Вене надоело рыскать по этим рынкам, он купил газету «Из рук в руки», тщательно просмотрел ее и остановился на одном объявлении. Он тут же дозвонился и договорился с продавцом машины о встрече. Названная стоимость его устраивала.

Веня вышел на станции метро Каширская, недалеко от которой были расположены гаражи, куда он прошелся пешком. Ворота нужного гаража были открыты настежь, хозяин гаража ждал его у во-

рот. Внутри стояла автомашина «Жигули-06». Веня внимательно просмотрел ее. Внешний вид был хороший, техническое состояние тоже было нормальное. Всем этим он остался доволен. Хозяин продавал машину за пятнадцать тысяч рублей. Веня без лишних разговоров согласился с этой ценой и тут же заплатил деньги хозяину машины, затем сел уже в свою машину и медленно выехал из гаража. Тут откуда-то резко выскочила иномарка и резко остановилась задом перед набирающей скорость машиной Вени. От такой неожиданности он растерялся, не сумел вовремя притормозить, стукнул бампером в зад иномарке и разбил стекло сигнализации. Из машины неспеша вышли двое парней. По их бицепсам можно было догадаться, что это качки.

– Ты что, ослеп, мужик, ничего не видишь что ли?

– Ребята, будьте спокойны, я вам заплачу за стекло.

Но те не стали слушать его, внаглую поперли на него.

– Так, мужик, заплати за машину десять тысяч рублей.

– Вы что, парни, очумели что ли, я же не нарочно, вы же прекрасно видели, что все вышло случайно.

– Мы ничего не видели и ничего не знаем, сказано тебе понятным языком, заплати и весь сказ, и на этом разговор закончим.

– Всего— ведь лишь стекло разбилось, а вы такую сумму загнули, ему красная цена в крайнем случае тысяча рублей.

– Смотрю, много базаришь, можешь уйти отсюда вообще без ничего. — Перед Веней стояли два накачанных наглых амбала, мерно качаясь тучными телами.— Нас не волнуют твои проблемы и несколько не колышет. — Нагло уставились на Веню две пары отморозенных пустых глаз, похожих на кровавые глаза разъяренного бычка. — Если не можешь расплатиться, то давай свою машину.

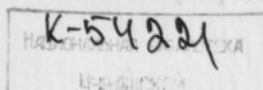
– Это уже слишком, грабеж среди белого дня.

– Тебя раз предупредили, если много будешь базарить, останешься без машины и сам останешься тут лежать, понял меня?

– Как не понять, ясно как дважды два.

Один из парней угрожая махал кулачищем перед носом Вени и пытался что-то объяснить. Веня молча отошел в сторонку и стал наблюдать за ними. Другой парень отогнал чуть в сторону только что купленную Веней машину и выкатил из ближнего гаража старенькую «Жигули»-копейку, которая пригодна разве только на металлолом, но, как видно, была еще на ходу.

– Вот на этой машине и поедешь. — Парни закатали ту машину

в гараж, забрали все оставшиеся деньги, заперли гараж и укатили на своей иномарке восвояси.

Веня слышал про такие проделки в Москве, но не думал, что и с ним такое случится. Вот и случилось. Это для него все равно что комок в горле. Он запомнил номера гаражей. У него по появилась мысль поджечь их ночью. Он тщательно обследовал обстановку, откуда будет подъезжать, где оставит машину и откуда будет вливать бензин в гаражи. Пусть больше другие не пострадают от этих негодяев. Веня сел в выкаченную из гаражи машину и завел, она еле дышала на ладан, дно машины проржавело от соли зимних дорог и было в дырах. Он неспеша выехал на дорогу. За гаражами начинался пустырь. Там на обочине стояла красная девятка. Веня заметил, что водитель ее машет ему рукой. Он не стал резко тормозить, боясь, что машина развалится, а проехал несколько метров, тормозив потихоньку.

– Вижу, старая машина, сразу подумал, значит, водитель с опытом.

– Да какой я шофер, ездил когда-то в армии. С тех пор сколько воды утекло. Вот недавно восстановил права, а сегодня первый раз сел за руль.

– Жаль конечно, что задержал я вас, можете ехать дальше.

– Зачем так сразу, все же я разбираюсь в машинах. А что у вас случилось? – Веня подошел к девятке, у которой был открыт капот.

– Да вот включаю зажигание, никак не заводится, стартер не берет, – сам качает ручным бензососом топливо.

– Слишком не увлекайтесь этим, забрызгаете свечи, потом от сырости совсем не заведет. Тут, видимо, причина в другом.

Веня повернул фуражку козырьком назад, чтобы не мешала, и полез к аккумулятору. Тут все было в порядке, клеммы сидели плотно. Обычно, когда клеммы мотаются, нет контакта, вот и возникает проблема с зажиганием.

– Я никогда не ремонтирую машины, езжу три года, продаю и покупаю новую, – он шлепнул ладонью по кабине. – Мне нравится девятка «Жигули», хотя есть возможность приобрести любую иномарку.

Веня, щупая пальцами, проверил все провода, идущие к ключу зажигания. Все было нормально, но один провод показался ему подозрительным, это место он прижал двумя руками.

– Попробуйте завести еще раз.

Хозяин девятки сел в кабину и нажал на стартер, машина тут же завелась.

– Ой спасибо, что помогли мне.

– Не глушите, пусть немножко поработает и высушит свечи, вы их славно полили, чувствуется обогащенность, – сам все еще зажимал провод двумя руками. – Можете глушить.

Хозяин девятки заглушил двигатель и вышел из машины.

– Не пойму, в чем дело?

– Вот перебит один провод. Когда двигатель не работает и он холодный, оболочка провода стягивается, а когда работает и нагревается, оболочка растягивается, от такой перемены и может быть разрыв, что в данном случае и получилось.

– И что можно предпринять в данном случае?

– Изолента у вас есть?

– Конечно, всегда лежит в багажнике, как положено, в наборе.

– Заодно прихватите, пожалуйста, и нож.

Оторвав провод, Веня зачистил концы, соединил их и для уверенности зажал плоскогубцами, затем плотно заизолировал.

– Теперь можете ездить спокойно, ничего не боясь.

– Хорошо, что встретил вас, а то в последнее время большинство владельцев машин не разбирается в их устройстве.

– Вообще, вы правы, им ремонтируют другие.

– Вы говорите, что за двадцать лет первый раз сели за руль, а соображаете как истинный специалист.

– Правду говорю, хоть верьте, хоть нет, просто соображалка хорошо работает.

Улыбнулся хозяин девятки, достал из машины кейс, вынул оттуда пятьсот рублей и с довольным видом протянул Вене

– Спасибо, мне как раз потребуются для бензина.

– Смотрю на вас и вижу, что у вас вид какой-то невеселый, лицо кислое и глаза грустные.

Веня взял да рассказал, что с ним случилось за последнее время, излил всю душу чужому человеку, и сразу стало легче на душе. Хозяин девятки искренне возмущился сложившимся положением дел Вени.

– Такого не должно быть, грабить работягу – это самое последнее подлое дело. – Он резко захлопнул капот девятки. – Эти хапуги толстосумы – все ворье, им ни грамма не жалко, когда трясут их карманы.

Хозяин девятки разволновался от услышанного, не мог стоять на месте, ходил взад и вперед около машины.

– Дайте-ка мне эту газету.

– Вот тут карандашом отмечены номера их телефонов.

– Пока никуда не уезжайте от своей сестры.

– Вон там за пустырем находятся их гаражи, в середине одного ряда, номера их шестьдесят четыре и шестьдесят шесть.

– Дайте мне полную информацию, чтобы я узнал конкретно.

Веня достал записную книжку, написал в подробностях, что с ним сегодня случилось, оторвал эти листки и подал хозяину девятки. Тот сунул их в карман и тут же уехал.

Грустный вернулся Веня к своей сестре, внутри у него была какая-то пустота, ничего ему не хотелось делать, была полная апатия. Только успел зайти в квартиру, а зятек уже из зала кричит:

– Давай, шурин, обмоем твою машину, чтобы она подольше бегала по нашим российским дорогам!

– Что ее обмывать, такое старье?

– А почему такую купил?

– Да что рассказывать-то, – Веня досадно махнул рукой, он знал, если рассказать зятю всю правду, он будет смеяться над ним до окончания дней своих. Веня вспомнил о своей сумке, через три дня которую утром оставил в прихожей. Он понес ее на кухню, достал привезенные гостинцы и разложил на столе. А у самого кошки скребли на душе. Думал, вот выпью и успокою свою душу, а завтра с утра потихоньку выеду в Чебоксары.

Сестра готовила на кухне ужин и закуску. Веня пошел в зал смотреть с зятем телевизор – хоть чем-то немного успокоить себя. Тут несколько раздалась нетерпеливые звонки в прихожей, которые неприятно отозвались в ушах Вени. Зять пошел открывать дверь. А за дверью стоял здоровенный парень спортивного телосложения.

– Веню можно позвать?

– Конечно, только минуточку подождите здесь.

Зять вернулся в зал с сердитым недовольным видом.

– Там тебя зовут, Веня. Но предупреждаю, такого больше не делай, без моего ведома никому нашего адреса не давай, запомни это навсегда.

– Да я и не думал, что все получится так всерьез.

Веня вышел на лестничную площадку. Там стоял парень, который днем нагло забрал его «Жигули-06» и деньги.

– Извини, пожалуйста, вышло недоразумение. Вот ключи от твоей машины, вот деньги твои. – Парень из разных карманов вытащил ключи и деньги и протянул их Веня. Веня узнал свои пятисотки по их номерам. – А мне отдай ключи от той машины, на которой сюда приехал.

Веня быстро отдал парню то, что тот просил. Сзади стоявший зять нетерпеливым тоном сказал:

– Пойдем вместе с ним, проверим машину.

Спустились на первый этаж на лифте. Во дворе около подъезда стояла почти новая автомашина, но другой марки: «Жигули-04». Веня спешно открыл дверцу машины. В бардачке лежали документы на машину и пачки денег. Он быстренько пересчитал их, оказалось равно двадцать тысяч рублей. От нахлынувшей радости Веня просто очумел, не зная, что и делать. У него загорелись глаза, он был готов обнять весь мир. Зять требовательно дернул за рукав.

– Пойдем выпьем на радостях, надо же обмыть покупку.

– Теперь уж нет, вот покушаю на дорогу и сейчас же выеду в Чебоксары.

– А ты поживи у нас немного. Когда еще подвернется такой случай.

– Нет, нельзя упустить фортуна, пока она идет, надо скорей домой сматываться, – Веня шлепнул зятя по плечу. – Если надо, сами приедете к нам, вот тогда и погуляем на всю катушку у матери в деревне.

Безработица

В поселке Ибреси почти все работавшие раньше в полную силу предприятия теперь закрыты, не считая нескольких еле дышащих производств. Раньше бывало, молодые ребята работали в СХТ, выпускали несколько двигателей в день, а сейчас еле выпускают один двигатель в день. В лесокомбинате раньше для обработки возвышались горы леса, а сейчас царит пустота. Некоторый раз привезут пару лесовозов, и их тут же распилят. Много людей работало в тарном цехе. А теперь государство выпускает пластмассовую тару, и деревянные стали не нужны, потому цех закрыли. Было много стружек для ДСП, теперь их нет. Сейчас еле-еле дышит лесокомбинат. Почти все поселковые молодые девчонки работали на ЗИПе в две смены. Теперь на заводе закрыли конвейер на втором этаже, и он пустует. Только на первом этаже льют эксцентрики для мебели. На том работает небольшой коллектив из взрослых семейных людей. Так что молодежи в поселке нечем стало занять себя. Сами не знают, чем заняться от безделья, бродят кучками по поселку, сидят во дворах на скамейках, режутся в карты. Вот в одном из дворов сидят четверо здоровенных парней, скучают от безделья.

— Что будем делать, Костя?

— Не знаю, ничего умного не приходит в голову, даже мозги становятся ленивыми.

— Давай опять в карты резать?

— Во как надоело, — Костя досадливо провел ладонью по горлу.

— Хочется выпить, развеять тоску-печаль, развеселить душу, чтобы море было по колено.

— Эх ты, раскатал губы. Больше ничего не хочешь? Вначале заработай деньги на выпивку.

— А где зарабатывать, когда семейным-то негде приложить руки?

— В наше время это неразрешимая для молодежи проблема. Родители наши вон как хвалят прошлое, сравнивая с нынешним положением.

— Что же нам остается делать?

— Только стырить там, где плохо лежит.

Ребята все плевались, оплевали землю вокруг скамейки, аж во ртах у всех пересохло.

— Пойду к колодцу, хоть воды напьюсь вдоволь, — вздохнул Саня.

Крутя барабан, достал из колодца полное ведро воды, которая лилась через край и с шумом падала обратно в колодец. Растопырив ноги, чтобы капли воды не забрызгали брюки, раза два глотнул студеной воды из края ведра, отчего заломило зубы, ударило в мозги.

– Вот сразу освежилась голова, заработала мякина, – облегченно вздохнул Саня, поглаживая шею. – Есть у меня хорошая идея, но не знаю, понравится ли вам, – он вопрошающе смотрел на ребят.

– Давай выкладывай, не тяни резину, все взгляды были обращены на Саню.

– В одном дворе я видел кучу цветного металла.

– Чего мы тогда прохлаждаемся тут, пошли туда.

Все разом встали. Саша шел впереди, остальные трое шли за ним. Открыли калитку, зашли во двор, но никто из хозяев не вышел, стояла полнейшая тишина. Тут действительно лежало много цветного металла. Костя быстрым взглядом оценил выгоду.

– Так, ребята, старайтесь набрать больше алюминия, он ценится и нести удобнее.

Вчетвером алюминиевых проводов набрали столько, сколько каждый мог унести. Им уже было известно, где в поселке находится пункт приема цветного металла. Гуськом завалились туда, без проблем сдали металл и выручили достаточную для разгульной попойки сумму. Подсчитав деньги, Костя бодро сказал:

– Гульнем, ребята, развеем тоску, навеянную бездельем.

Так же гурьбой зашли в магазин, в один пакет набрали водки, в другой – закуски. Вышли из магазина и обратили взоры на парк.

– Теперь куда пойдём?

Все молчали, отворачивали головы в сторону.

– Саня, по-моему, ты говорил, что твои родители уехали в Чебоксары к родственникам.

– Да вон напротив расположен парк, почему бы не пойти туда?

– А ты не понимаешь, что после выпивки такого количества водки что-либо может случиться с нами на общественном месте? Да еще к тому же – при знакомых?

Опять круговое дружное молчание.

– Саня, почему не хочешь пригласить нас к себе?

– Да мама строго настрого наказала никого не приводить.

– Что она так беспокоится за свой дом?

– Она с прошлого раза все ворчит на меня, до сих пор не может успокоиться.

– Подумаешь, погуляем тогда, зато все остались довольны, так ведь, ребята?

– Ребята согласно кивнули головами.

– После этой гулянки родители целую неделю убирали в доме грязь и блевотину по всему двору.

– Давай не жмись, на этот раз скромнее поведем себя.

– Это сейчас вы так говорите, а как выпьете, так тут же потянете контроль над собой.

– Не ломайся как девица, ты же сам будешь с нами.

Взяли с двух сторон Саню под руки и силком повели к нему домой.

– Ведите себя прилично, чтобы порядок был после нашей выпивки, до приезда родителей сами должны навести марафет.

– Ладно, уберем, какой может быть разговор.

В доме все купленное выставили и выложили на стол. Кто порезал хлеб, кто колбасу. Быстро накрыли стол и расселись за ним.

– Не подумайте, что я жадина, – сказал Саня и выставил на стол банки с огурцами и грибами. Костя разлил водку по рюмкам.

– За что будем пить, ребята?

– Конечно, за удачный поход за металлом.

Загуляли ребята на всю ночь, громко крутили музыку вплоть до утра. Когда стало светло на улице, кто-то требовательно постучал в окно. Подумали, что вернулись родители Сани, все вскочили и начали убирать со стола, а Саня поспешил к двери. А за дверью стоял милиционер, за его спиной стояли приемщик металла и еще один мужик.

– Это они?

– Да, как раз эти ребята.

Пришедший с ними мужик, оказывается, был хозяином металла.

– Допрыгались, бездельники, давайте собирайтесь, пойдём в отделение милиции.

Ребята, как чумные, еле протерли глаза, нехотя начали собираться, никак не могли найти туфли, Костя свои обнаружил во дворе, остальные отыскивали в сенах.

– Ребята, я вас заколебался ждать, – нетерпеливо торопил их милиционер. – Сразу видно, что не служили в армии.

Наконец, все четверо собрались. Милиционер повел их в отделение и посадил в камеру.

Родители искали своих детей по всему поселку, пока не встретили знакомого милиционера, от кого и узнали, где томятся их чада, и отправились туда. Там и узнали подробности вчерашних приключений их детей. Посовещались на улице и решили пойти к хозяину металла умолять, чтобы тот забрал свое заявление из милиции. Но слезные мольбы женщин не подействовали на него, он упорно стоял на своем, наставительно твердя:

– Если вовремя не пресечь их проделки и не проучить, то они что-нибудь еще похлеще могут выкинуть, помните мои слова.

Так и ушли матери ни с чем, расстроенные еще пуще. Им было стыдно перед поселковыми жителями, что вырастили таким разгильдяев. Как смотреть теперь людям в глаза? Только об этом и говорят теперь в поселке. Невольно пришлось родителям посоветоваться и сообща нанять адвоката, не жалея заработанных своими мозолистыми руками денег.

Наконец, настал день суда. Некоторые пророчили, что ребят на несколько лет посадят в тюрьму. Потому родители в зале заседаний сидели в слезах. Подсудимым все это было нипочем, будто они не понимали, что же происходит с ними. Судья присудил им два года условно. Ожидавшие худшего, родители были удовлетворены этим приговором.

Из зала судебного заседания мать повела Костю домой почти за руку. Строго настроено наказал никуда не выходить из дома, смиренно сидеть в квартире. Но, придя с работы, Вера не застала сына дома, диван и кровать пустовали. Вначале она расстроилась, потом подумала, куда он денется, все-таки молодой, погуляет и вернется. Она нетерпеливо ждала сына Костю, на время забросила все домашние дела, то и дело подходила к окну и глядела на улицу. Оказалось все напрасно, сын опять не явился домой. Вера переживала за него, вдруг придет участковый милиционер отметить, а Кости нет дома.

– Что же мне делать? – вслух проговорила Вера, а сама не находила места, все ходила по комнате. Ей показалось, что закружилась голова, и она присела на табуретку. Когда ей было тяжело, она всегда вспоминала свою добрую работающую сестру Луизу. Жила она одна, без мужа воспитывала детей, не покладая рук с утра до вечера, старалась для них.

Пришел муж Веры, изрядно выпивший. Вот кому ничего не надо в жизни, наштамповал троих детей и как с гуся вода. Вера удивля-

лась, глядя на своего мужа, откуда находит он деньги на эту заразу? Ведь нигде не работает. Она заглянула в спальню. Муж вовсю храпел, беззаботно выводя свою музыку. У Веры опустились руки. Она наказала младшему сыну:

– Сиди дома, никуда не уходи. Если придет дядя милиционер, скажи, что ушли в гости к тете Луизе.

– Мам, а мне можно идти с тобой?

– Нет, сынок, это я к слову сказала, а иду я искать твоего брата разгильдяя.

Она со злостью хлопнула дверью. Хорошо еще, что второй сын учится в Чебоксарах, скоро заканчивает учиться. За него не болит душа Веры. Пospешила к сестре. Она сидела в спальне и нянчила внучку.

– Я вижу тебя постоянно с ней.

– Для меня это в радость, она продлевает мою жизнь.

– Я все удивляюсь над тобой, все стараешься только ради дочек, пожила бы для себя, – Вера толкнула в бок сестру. – Еще молодая, а уже списалась в бабушки.

– Кому я нужна такая старая? Вон в поселке даже молодые девушки не могут найти себе парней.

– Не знаю что и сказать, ты не в нашу мать, она была постарше тебя, когда нашла вон какого здоровенного мужика.

– Мне приснился во сне мой муженек, говорит, ни с кем не ходи, продолжай любить только меня.

– Перестань болтать всякую чушь.

– Что тебе от меня надо, вижу не зря прибежала? Ты меня вспоминаешь только тогда, когда что-то случается в семье, а когда все хорошо, ты забываешь обо мне.

– Оставь свою внучку второй дочке.

– Ты толком объясни, что у вас там стряслось?

Вера подробно рассказала сестре Луизе о проделках сына Кости и его дружков, о суде и приговоре и о его отсутствии сейчас дома. Луиза успокаивающе сказала:

– Я примерно знаю, где его искать.

– Откуда, сестра?

– Наверное, среди людей живем, слухом земля полнится.

– Что сидим тогда, пошли поскорей?

Сестры поспешно вышли на улицу и направились к окраине поселка. В конце улицы уличные фонари не горели, хорошо еще, что в

домах еще горел свет и окна сумеречно освещали улицу. Так в пути еще ели нашли нужный дом, и то потому, что там гремела музыка и горел свет во всех окнах. Дверь была заперта. Луиза стала звонить, но им не открывали. Тогда сестры в четыре кулака начали барабанивать в дверь, но и это было бесполезно. В отчаянии Луиза крикнула:

– Если не откроете, сейчас же позовем милицию!

Видимо, слово милиция подействовало, гремя замками и задвижками, открыли дверь. В одной комнате лежали двое пьяных парней, в другой находился один хозяин квартиры, который еще держался на ногах. Луиза пошла дальше искать своего племянника Костю по всем углам, где мог прятаться тот, вышла на балкон. Тут, прижавшись друг к другу, присядку дрожали от холода две девушки, у обеих в зубах были сигареты. Глаза прикрывали шапками, опущенными со лба до носа. Луиза поочередно сорвала с них шапки, посмотрела, чьи они, эти девочки-развратницы. Те пытались прятать глаза, прикрываясь ладонями. Луиза взяла крайнюю к себе девушку за подбородок и приподняла ее лицо.

– Где Костя?

– Вон, через балкон убежал.

– Теперь узнала вас и о том, чем вы тут занимаетесь.

В квартире продолжала греметь музыка. Луиза на ходу схватила со стола магнитофон и устремилась к выходу. Вера еле успевала за ней. На улице догнал их мальчишка.

– Ей, тети, верните чужую вещь?

– Ничего, обойдетесь, поменьше будете заниматься развратом.

Парень лез в драку, махался кулаками.

– И не стыдно тебе лезть на женщину кулаками?

Но тот был неугомонным, нечаянно свалил Луизу на землю, не удержавшись, и сам упал на нее и все тянулся к магнитофону. Видя такое, Вера, недолго думая, вырвала из руки сестры магнитофон и отчаянно стукнула им парня по голове. Тот свалился набок, но вскоре очухался, встал на ноги, отряхнулся и вновь потянулся за магнитофоном. Луиза взяла магнитофон из руки Веры и изо все силы ударила им по забору, тот рассыпался вдребезги. Только тогда отстал парень от женщин.

– Тьфу с вами, женщинами, что толку драться?

По пути домой все-таки успели схватить Костю за шиворот.

– Что ты делаешь, негодник, бестолковая голова, мозги хоть есть у тебя?

– Гуляю, пока молодой.

– Ты понимаешь, что делаешь, если придет проверять участковый, а тебя нет дома, особенно ночью, Костя?

– Не придет, он поехал в Чебоксары в гости к своим родным.

– Откуда только все знаешь?

– У нас свое осведомление действует.

Костя вырвался из рук тети и вновь убежал от них в свою компанию. Женщины стояли обессиленные, они понимали, что с парнем они ничего уже не могут поделать. Со слезами разошлись по домам.

Вера терзалась навязчивыми думами, как же теперь жить дальше? Раньше жилось хорошо, все работали, не беспокоясь о будущем дне, каждый месяц регулярно получали аванс и получку. А сейчас жди зарплату месяцами, как говорится, соси лапу. Раньше дети по окончанию школы свободно могли устраиваться на работу, поехать учиться в города. А теперь взрослые-то с трудом находят работу, а учеба в ВУЗах платная, стоит очень дорого, и большинству родителей это не по карманам. Большинство молодежи безработное, ничего им не остается, как слоняться по улицам в поисках приключений, напиваться, сесть на иглу, накуриться наркоты, насилловать. Наглядятся этих заграничных видиков с ужасами, насилуют, эротикой и давай сами беситься, не почитая ни отца, ни мать. Раньше стыдились слова плохого сказать старшим, тем более грубить.

Разве об этом мечтают родители, рожая детей? По идее, человечество должно становиться умней, должно жить лучше, а получается все наоборот.

Несерьезный разговор

Снег растаял в городе Чебоксары и на полях. Только в лесу остался небольшими островками, особенно в оврагах. Давно Петр не гулял со своей женой в лесу. Нынче прошлись по высохшей тропинке. Трава и первые цветы успели пробиться и радовали глаза, поднимали настроение. Как приятно было стоять посередине пригородного лесочка и дышать весенним свежим воздухом. Нагулявшись около часа, пошли домой.

– Ты, Петр, иди в магазин за хлебом, а я за это время успею почистить картошку и пожарить.

– Умница ты, девочка моя.

Поцеловал жену свою и пошагал в сторону магазина. Шагая к домам, Петр заметил, что из-под растаявшего снега освободился всякий мусор, чего тут только не было. А ведь все это дело рук человеческих, даже противно было глядеть на все это. Раньше хоть субботники были. С этой демократией теперь никому ничего не нужно. Плохо, когда дела идут самотеком. Хотя бы клич кинули за чистоту города. Конечно, городские работники дойдут и сюда, но сколько времени пройдет до этого, появятся у них столько других дел, что рабочих рук не будет хватать. Думая так, Петр дошел до магазина в кирпичном здании. В дверях чуть не столкнулся лоб в лоб с кем-то.

– Ей, осторожно на поворотах, мужчина.

Петр поднял голову и застыл на месте.

– Ой, давненько не видела тебя, Петр.

– Да все работаю, вот сегодня впервые в эту весну погулял по лесопарку, а так некогда прохладиться, Галя.

– Интересно, как это в наше время мужчины работают, обычно большинство из них ходит без дела.

– Если платят копейки, кому охота работать?

– Не говори так, Петр, человек все равно должен чем-то заниматься, хотя бы и за гроши.

– Такое мышление только у вас, как у дилетанток, или женская психология такая, чтобы мужчина лишь бы чем-то занимался?

– Что не так, у вас, у мужчин, сразу виноваты женщины.

– Давай не будем спорить, Галя, не то можем и разругаться.

– Ой, извини, Петр, совсем заболталась с тобой.

– Ничего, это бывает с женщинами.

Галя улыбнулась женской лукавой улыбкой.

– Хотела бы спросить тебя, Петр, где ты работаешь?

– Да на стройке, с ней я связан с детства, еще отец учил меня, когда был жив.

– Замечательно, когда отец, оставляет после себя такого же специалиста, как он сам.

– Начинается лето, сезон строительных работ.

– Мне как раз нужно пристроить веранду к дому.

– Без проблем, будет сделано.

– Ты сейчас свободен?

– На данное время да.

– В таком случае поехали ко мне на дачу, посмотришь своими глазами, на словах все не объяснишь.

– С удовольствием готов оказать добрую услугу знакомым людям.

На краю дороги стояла машина Жигули-десятка серебристого цвета. Сели в машину. Галя по деловому сидела за рулем. Она так сильно гнала машину, что быстро доехали до места. Здесь было хорошо, повеяло свежестью леса, где на деревьях лопались почки. С одной стороны дачи был лес. Внизу, в овраге, раскинулся пруд, оттуда поднимался холод.

Стоял обычный двухэтажный дом, как невзрачный столб, в нем ничего притягательного не было.

– Вот на этой солнечной стороне мне нужна веранда.

Галя показала рядом с домом участок земли, мерила шагами площадь, где должна быть веранда. Петр следовал за ней молча и забивал палочки в землю, которые валялись тут же под ногами.

– Внизу, разумеется из кирпича, а наверху из дерева.

Петр все обследовал и нарисовал план на бумаге.

– Вот такой подойдет!

– Вполне, меня такое устроило бы.

– Галя, у вас есть калькулятор?

– Конечно, обижаешь меня, Петр.

Галя пошла к машине, принесла дамскую сумку, оттуда достала калькулятор и подала Петру. Тот быстро начал считать, по ходу спрашивая, где что должно быть. Сосчитав, изложил на бумаге список с указанием количества необходимых материалов и подал Гале.

– Все хорошо, даже не ожидала, что так быстро сосчитаешь.

– Мне это не впервой проделывать.
– Понятно, меня интересует, сколько может стоить вся эта работа?

– Примерно восемнадцать тысяч рублей за все труды.
– Слишком дороговато, нельзя ли скосить?
– Это уже несерьезный разговор получается.
– Мне обещали местные мужики за десять тысяч рублей построить.

– Совсем несерьезный разговор, Галя, сама подумай.
Она смотрел на него в упор, не отводя глаз.
– Это не специалисты, они не серьезно относятся к этому делу, а я вам итак сбавил, как знакомой.

– Все равно дороговато.
– Хозяйка – барыня, ей видней.
Галя еще раз посмотрела на место, на бумажку, которую держала в руке.

– Ты им не верь, они или болтуны, или алкаши.
– Показалось, вроде нормальные мужики, один из них так грамотно разговаривал со мной.

– Вижу, что получается несерьезный разговор, только бесполезно трачу время.

Петр полез в карман, достал бумажечку и что-то чиркнул.
– Вот номер моего телефона, возьмите на всякий случай.

– Хорошо, я поняла вас, но куда вы торопитесь?
– Да у меня летом каждый день дорог.

Она положила бумажку в записную книжку.
– Тебе куда, Петя?

– Конечно домой, жена послала за хлебом, а я тут с вами.
– Ой, как нехорошо получилось.

– Ничего, у меня жена понятливая.
– Сейчас мы поправим эту оказию.

Галя довезла его до гастронома, оставила у самых дверей, на прощанье махнула рукой.

Прошла неделя. Петр со своими ребятами поставил забор по заказу на одной даче. Закончив работу, один день решил отдохнуть. Полулежа на диване, попивал чайку, смотрел телевизор. Стояла жара, только этим восточным напитком утолял жажду. Спиртным Петр не увлекался, только изредка употреблял, когда приходили гости, или сами бывали в гостях.

На столе работал вентилятор, от него дуло прямо в лицо Петру. Не хотелось делать лишних движений. В прихожей раздался телефонный звонок. Петр не спеша встал и взял трубку.

– Алло, слушаю вас.

– Это я звоню, Галя. Вы помните, я предлагала вам построить веранду?

– Так бы сразу сказала, а то ни фамилии и ничего, сколько их у меня, знакомых Галь.

– Мне с вами срочно нужно переговорить.

Петр посмотрел на время, во дворе сейчас как раз час пекла, неохотно лениво ответил:

– Я сейчас как раз отдыхаю.

– Через полчаса я подъеду к вашему дому.

– Так тому и быть, хорошо, к тому времени я спущусь.

Петр не спеша начал одеваться. Сначала надел шорты, затем легкую тонкую рубашку с короткими рукавами, застегнул только две пуговицы, чтобы продувало ветром. Спустился на лифте, сел на скамейку в тенечке под деревом. Здесь было относительно прохладно, густая крона дерева защищала от солнечных лучей. Но воздух был все равно сухой и теплый.

Отсюда хорошо проглядывалась дорога. Вот на горизонте появились Жигули-десятка. Петр встал и пошел навстречу машине.

– Ой, здравствуй, Петр. Вы в прошлый раз прямо как в воду глядели у меня на даче.

– А в чем дело?

– Наняла тех местных мужиков – строителей, о которых я говорила вам.

– Ну и что скажете хорошего?

– С первого дня ежедневно пьют и постоянно требуют аванса.

– Вы же сами хотели построить подешевле, чего хотели, на то и напорились.

– Смогли бы вы дальше продолжить эту работу?

– Теперь такса выросла, на эту работу я не пойду за восемнадцать тысяч рублей.

– Сколько же вы хотите?

– Если дадите двадцать четыре тысячи рублей, то только тогда решусь ну эту работу.

– Хорошо, хорошо, только возьмитесь за эту работу, только возьмитесь, постройте мне веранду.

– В народе не зря говорят, что скупой платит дважды.
– Пускай хоть что говорят, но я больше не намерена на себе испытать этот эксперимент. – Вытерла платочком свое безморщинное гладкое лицо. – Не хочу, чтобы на лбу появились морщины от этих переживаний. – Галя сидела за рулем вся встревоженная. – Во сколько к вам подъехать сюда?

– Часам к девяти утра, вас это устраивает?

– Вполне, даже замечательно, и мне это удобно.

На этом и расстались.

Из ребят днем никого не застанешь. Только вечером всех застал дома. Утром они своей артелью поехали на дачу Гали. Приехав, осмотрели, что успели сделать горе строители? Фундамент был залит криво. На него выложили четыре ряда кирпича, почему-то грязных, ни один кирпич не лежал ровно, как это положено.

– Галя, давайте разберем эти четыре ряда кирпича?

– Пусть лежат, кирпичей жалко, внизу все равно не видно.

– Мы не привыкли так работать.

– Я с вами не спору, не иду против ваших принципов, но прошу, после этих рядов сделайте остальное по-своему.

– Лады, в таком случае.

Устроились в доме, на первом этаже, тут им было уютно. Сразу начали работать. Галя, успокоившись, уехала на своей машине. Петр своим ребятам сказал:

– Не пойму эту женскую психологию, на этих четырех рядах хочет выиграть, а на другом больше проиграет.

– Чего не понять, это просто женская скупость, может, даже жадность.

– Давайте, пока ее нет, разберем эти четыре ряда.

– Ты прав, Петр, как говорит мой учитель дядя Ваня, как положишь первый кирпич, так и продолжится дело.

Взял лом, разобрали эти четыре ряда. Раствор еще не успел высохнуть полностью, потому легко было разбирать.

На следующий день, приехав на дачу, Галя сразу же заметила, что прежние кирпичи были разобраны и ровно выложено по новой пять рядов, было чисто и красиво, ряды уложены под расшивку. Ничего не сказала, но по ее лицу было видно, что она довольна. После этого она не вмешивалась в их дела, только с Петром ездила несколько раз за материалом.

За три недели втроем подняли два этажа. Окна на первом эта-

же сделали квадратными, в середине – античного стиля. На втором этаже окна сделали арочными. Выглядело очень красиво. Сделали крышу, подогнали под дом. Внутри обшили вагонкой, снаружи второй этаж обшили сайдингом.

Галя не могла нарадоваться их работой. После завершения всех работ она рассчиталась с ними полностью.

– Спасибо, ребята, теперь у меня нет никаких забот и проблем по даче, душа радуется от вашей работы.

– Как платят, так и работают.

– Для вас мне не жалко этих денег.

Галя на своей машине с удовольствием развезла ребят по домам.

Богачи

Половина поселка Ибреси расположена в лесу, другая половина примыкала к полям. Внизу в окружении сосен стояли три каменных трехэтажных дома. Здесь всегда было прохладно и свежо, дышалось легко. Тут жилось хорошо, как в санатории. Чуть спустишься – полно земляники, особенно на поляне. Перейдешь овраг – начинался густой лес.

В жару не очень-то хотелось выходить из дома. Но в холодильнике продукты кончились. После обеда, когда чуть спала жара, Луиза пошла на рынок за продуктами. Здесь не было деревьев, стояли одни киоски. Еще солнце палило вовсю. Встретила одноклассницу Глафиру, с которой росли в одном доме, учились вместе. Раньше были как родные, повсюду ходили вместе – не разлей вода. Чуть ли не столкнулись лбами.

– Ба, вот так встреча! – удивленно воскликнула Луиза.

– Ой, давно не виделись, – не менее была удивлена Глафира.

– Ты на Севере, а я тута.

– Но я все лето живу здесь. Муж у меня на пенсии, пока там на Севере с детьми.

– Дети, наверное, уже больше?

– Я давно уже бабушка.

– А я нынче стала ею.

– Мы теперь обе бабушки. До пенсии мне осталось еще пять лет, вот отработаю их и вернусь сюда.

– А ты все такая же полная, ничего тебя не берет.

– Стараюсь всегда быть спокойной. Вот ты худеешь, все стараешься для своих девочек, когда сама для себя будешь жить?

– Наверное, когда умру.

– Ну и дура, жизнь нам дается один раз.

– Давно ли такой умной стала?

– Жизнь заставляет быть разумной.

Посмотрели друг на друга каждая своей усмешкой.

– Я никогда не была толстой. Это ты у нас в школе была самой спелой, и во дворе ребята всегда липли к тебе.

– Ой, когда это было, я давно забыла об этом. Что-то руки устали от тяжести, пойдем в тень.

Пошли под козырек киоска, Глафира повесила своим пакеты на перила.

— Живем в одном поселке, ты ни разу не была у меня в гостях. Поставили новый дом, в нем живем уже пять лет, а ты ни разу не соизволила посетить меня, — укоризненно сказал Глафира.

— Ты богатая, а я бедная. Одним словом, у вас улица Миллионеров.

— Да брось ты, мы же свои, я жду тебя в гости, приходи обязательно, если сможешь, хоть сегодня.

— Как появится свободное время, непременно приду.

— Жду с нетерпением, Луиза.

— Пока, до встречи.

Луиза прошла вдоль торговых точек, набрала два пакета продуктов. Шла по тротуару вниз по улице Энгельса в сторону Черноречки. Навстречу шла другая подруга Соня, с которой сблизилась в последнее время.

— Ой, Соня, ты куда такая нарядная?

— Хочу пройтись вверх по центру поселка.

— Нашла время переться в такую жару.

— Что ты понимаешь в колбасных отрезках?

— Лежала бы лучше у Чернореченского пруда и загорала.

— А кушать что буду? Муж послал перевод, надо получить.

— Сразу бы так сказала, — Луиза взяла оба пакета в левую руку, а правой шутливо толкнула Соню в бок. Обе заливисто рассмеялись.

— Ты, Соня, загляни после своей прогулки ко мне.

— Что-то случилось?

— Да вот Глафира приглашает в гости.

— А я тут причем?

— Как причем, мы же все трое учились в одном классе.

— Надо подумать.

— Она очень просила придти к ней в гости и посмотреть их новый дом.

— Ладно, подруга, загляну примерно в три часа.

— Это меня устраивает.

На том и расстались. Пришла Луиза домой, выложила продукты на стол, быстропортящиеся положила в холодильник, крупы — по своим коробкам и в шкаф. Начала готовить еду на кухне. Жили вдвоем с младшей дочерью. Продуктов уходило мало, тем более в такую жару. Кроме жидкого, ничего особенно не хотелось. Но когда приходили старшая дочь с зятем, вот тогда и приходилось раскру-

чиваться на кухне на всю катушку. Луиза приготовила необходимую для двоих еду, решила немного отдохнуть на диване. Только легла было, уложив рядом с собой кошку и закрыв глаза в дреме, как в коридоре раздался звонок. Луиза вскочила, пошла к двери, а там стоит Соня с пакетиком в руке и удивленно глядит на нее.

– Ну ты даешь, подруга, я-то думала, что ты ждешь меня при всем параде и наряде, а ты, оказывается, дряхнешь.

– Мне недолго собраться, надеть платье – и все дела, сама знаешь, краситься не люблю.

– Давай в темпе, я подожду.

– Проходи на кухню, что найдешь, то и ешь, пока я одеваюсь. Действительно, пока Соня попила чай, Луиза была готова.

– Что будем брать из гостинцев?

– Я взяла бутылку водки «Акатуй», думаю что нам хватит.

– С моей стороны все-таки что-то нужно прихватить.

Луиза полезла в кладовку, оттуда с полки достала банку грибов, банку огурцов и банку помидоров. Получился внушительный пакет.

– Осторожно, не успеешь опомниться, как порвется ручка пакета, посмотри, нет ли чего покрепче?

– Что я мучаюсь, у меня же есть тряпичная сумка, она все выдержит. – Уложив все три банки, взяла сумку в руку. – Теперь не стыдно идти в гости.

Чтобы сократить путь, пошли напрямую через парк мимо лескомбината, через железнодорожный переезд, мимо стадиона и больницу. Так и добрались до улицы Миллионеров. Дом оказался большим, зашли, как повелось в поселке, без стука. Глафира стояла у плиты, готовила щи, это ощущалось по запаху капусты. Муж ее Сергей лежал на диване, отдыхал и смотрел телевизор.

– Можно ли к вам, встречайте гостей, – сказала Луиза с порога, уже зайдя в избу. За ее спиной стояла Соня.

– Конечно, можно, пройдите пока на кухню. Пока я была на базаре, нежданно-негаданно приехал муж, даже не предупредил телеграммой, теперь, вон, отдыхает с дороги у телевизора.

Соня достала из пакета бутылку водки 0,75 литра и поставила на стол, а Луиза выставила свои банки. Из зала вышел Сергей, сладко потянулся, почесал живот.

– Вот и гости, это хорошо, когда все готово, почаще приходили бы такие.

Глафира молча посмотрела на Сергея. Тот тоже молча устро-

ился за столом. Глафира усадила гостей. Три женщины выжидательно посмотрели на хозяина дома.

– Давай разливай, Сергей, ты же хозяин дома.

– А я думал, что гости хозяева бутылки и им командовать, пардон, извиняюсь. – Сергей встал, раскупорил бутылку и разлил по рюмкам. – Так за что будем пить?

– За то, что через долгие годы встретились три одноклассницы.

– За это можно выпить первую рюмку до дна.

Все залпом выпили, стали закусывать.

– Ой, простите, девочки, в доме даже хлеба нет, все лень выходить из дома.

– Ладно уж, свои люди, все понимаем.

После третьей рюмки Глафира начала хвалиться, как много денег лежат у них на книжках, водила по большому дому, показывала рукой на громадный телевизор, на импортную мебель и тому подобное. Часа три хвалились Глафира с Сергеем, даже щей не налили и ничего своего не предложили. Выпили принесенную водку, съели грибы, огурцы и помидоры. Уже все уши прожужжали своим хвастовством хозяева. Ничего не дождавшись, гости вышли из-за стола. На прощанье Глафира поочередно обняла одноклассниц.

– Приходите еще в гости.

Луиза про себя подумала, что больше никогда не переступит порог этого дома, но проявляя вежливость, сказала:

– Зайдем, если будет время.

– Вот видите, как хорошо мы посидели, – не без гордости сказала Глафира, будто сама угощала гостей.

Луиза и Соня вышли на улицу, обсуждая поведение Глафиры и Сергея, дошли до перекрестка рядом с парком и остановились. Тут им предстояло расстаться. Соня предложила:

– Пойдем ко мне в магазин, Луиза?

– Не знаю, что и сказать и делать.

– Ничего делать не надо, просто посидим, детей малых у нас с тобой нет, вырастили уже. Погуляем на свое удовольствие, а то все равно пойдут однообразные мрачные дни.

– Тогда пошли, гулять так гулять, как говорится, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

Обе засмеялись, взяли за руки и пошли вниз в сторону Чернореченска. Луиза в полголоса тихо запела.

– Ты что, завтра будет знать полпоселка, как мы с тобой пели песни.

– Пусть знают, – продолжила петь дальше: «Как же мне рябине перебраться к дубу?..»

Под конец песни обе заплакали. Так добрались до магазина, она еще работала. Дома Соня поставила на стол бутылку наливки. Девочки как раз сварили картошку, нарезали селедку, вовремя подошли к столу. Выпили по рюмке, начали смеяться.

– Вот и иди после этого в гости к богачам, даже щей не предложили.

– Больше сроду не пойду к богачам в гости.

– Лучше к простым людям идти, что у них есть, все выставят на стол.

– Верно ты говоришь, подруга.

– Сколько было подруг, все разбежались по миру, только мы с тобой и остались, верные друг другу, ничто нас не разъединит, кроме смерти, и никто не разлучит, кроме самого Бога.

Опорожнили бутылку, но тоску с души не сняли. Только песней можно развеять женскую тоску. И вот они в полголоса тихо запели.

Банкир

Город Чебоксары находится на правом берегу великой реки Волга. Место для города предками выбрано удачно. Со стороны реки город смотрелся красиво, от Северо-Западного высокого бугра до Центральной низины и далее до Восточного холмика, а в центре до Южных высот. Центральный старый район города с низкими домами окружен со всех сторон современными высотными зданиями. Да и тут в последние годы появились высотные дома. Со стороны реки бросалась красивая панорама: купола нескольких церквей, здания театра, музеев. И это никого не оставляло равнодушным. В совокупность к старинным зданиям появилось еще одно новое здание, это — здание коммерческого банка.

Директором банка был молодой шустрый красивый чуваш. Все кипело у него под рукой. Он находился в постоянном движении. У него клеилась любая затея. Чего достиг за короткое время, того не ожидал Николай Николаевич. Дела банковские шли прекрасно, как говорится, хозяйство процветало.

Одно только беспокоило директора банка: не было у него надежного финансового помощника, на которого можно было бы полностью положиться и доверить все коммерческие дела. Все работники оказались пришлыми, не местными. Это тревожило Николая Николаевича. Он перебрал в голове сотни знакомых, но так и нашел достойного кандидата на должность главного финансиста банка.

Однажды, в субботу, собралось землячество. Понаехало земляков со всех городов и районов республики. Многих Николай Николаевич не видел и не знал в лицо. Но большинство собравшихся, особенно из городов Чебоксары и Новочебоксарска и из поселка Ибреси, ему были знакомы. Кое с кем он не виделся уже несколько лет. Теплая встреча с ними радовала его душу.

Общительный от роду Николай Николаевич не мог наговориться с каждым, его так и тянуло на откровенный разговор со всеми земляками. Выпрашивал телефонный номер у того, у кого он был, и охотно давал свой, чтобы хоть изредка созваниваться и немножко пообщаться. Концерт землячества затянулся на целых пять часов, непрерывно шло выступление то городских, то районных, то деревенских и поселковых коллективов. В конце организовали модный сейчас шведский стол. Тут-то и встретил Николай Николаевич своего закадычного друга детства Володю.

- Где ты до сих пор был?
- Да здесь же в зале.
- А почему я тебя не заметил до сих пор?
- Разве к тебе подберешься, окруженному со всех сторон плотным кольцом поклонников и подхалимов?

Отошли в сторону. Глядя друг на друга, изумились: как же изменился каждый из них за то время, за которое не видели друг друга. Голова у Николая Николаевича была вся седая, но шевелюра осталась красивой и шла ему. А Володя как был чуть ниже его, таким и остался. Зато морщин оказалось больше, чем у Николая Николаевича. Видимо, в этом современном жизненном хаосе ему доставалось больше других.

– Ну как дела у тебя, Володя?

– Да сижу дома без дела, не знаю даже, чем заняться, хотя в голове перебираю сотню вариантов, – шмыгнул он носом и продолжил дальше, – хорошо еще, что жена понимает, поддерживает морально и материально, но мне очень неудобно перед ней.

– А я вот как раз ищу для себя заместителя в своем банке.

– И никак не находишь?

– Вот и появилась только что идея пригласить тебя на эту должность.

– А не шутишь, Коля?

– Какие тут шутки, Володя, я замучился, крутятся день и ночь.

– Ты что, Коля, я не смогу потянуть это серьезное дело.

– А ты хорошенько подумай, не Боги же обжигают горшки.

Подошли земляки и потянули к общему столу:

– Хватит вам шушукать тут втихаря, пойдем дернем за здравие землячества.

За общим длинным столом, вернее, столами, сдвинутыми в один длинный ряд, все было готово для общего веселья. Гуляло землячество до позднего вечера. Кому нужно было поехать в свои районы, все разъехались вовремя, а городских развезли уже на нанятых по телефону такси и маршрутках.

Был выходной день. Для Володи он, разумеется, был безразличным, а для жены был днем отдыха. Потому-то он, лежа рядом с ней, не тревожил ее, лежал и думал, как отреагировать на предложение друга. Вечером он рассказал об этом жене. Под музыку гимна она открыла глаза и догадалась, что он давно уже не спит.

– Ты что, Володя, все еще раздумываешь, давай беги, займи предложенное место.

– Могу не потянуть, это же серьезное дело.

– Люди дуrom ваяют на такое престижное место. Со временем наберешься опыта, у тебя же большой жизненный опыт, деньги считать умеешь. Потянешь и тут, больно уж заманчивое предложение.

Володя не стал перечить жене, считавшей себя мудрее его во всех жизненных вопросах. В понедельник с утра она подготовила его к серьезной встрече, погладила рубашку, брюки, достала надлежащий галстук и проводила до дверей, окрестя его со спины.

К дверям банка Володя подошел рановато. Они еще были закрыты. Он прошелся вокруг здания банка, убивая время. Вот наконец подъехала ко входу банка иномарка, шурша шиной. Из машины вышел Николай. Костюм на нем сидел аккуратно, несколько не заметно, что он выходные провел не дома. На вид был свеж и бодр.

– Вот это мне нравится, я люблю деловую аккуратность.

Охрана пропустила их в банк беспрепятственно, охранник даже вытянулся в струнку перед Николаем Николаевичем. Зашли в просторный кабинет, оборудованный по последней моде.

– Вот твое новое рабочее место теперь.

– И кем же я буду числиться в твоём арсенале?

– Моим замом.

– Да, должность ответственная.

– Может, тогда пойдешь простым рядовым служащим, обтерешься, узнаешь что к чему, а там видно будет?

– Если, конечно, я оправдаю твое доверие.

– Мне нужен надежный помощник, понимаешь?

– Будет тяжело, могу не потянуть.

Николай Николаевич недовольно посмотрел на Володю.

– Как так не потянешь, ты же хваткий по натуре человек, должен быть уверенным и в финансовых делах. – Николай Николаевич улыбнулся и положил ладонь на плечо Володи. – Ничего, будешь хорошие деньги получать, начнешь стараться за них.

Володя подумал, где же он может получать такую зарплату в этом заштатном городе, и согласился, но сказал напрямиком:

– В банковских делах я, как говорится, профан, кто-то должен мне помочь.

– Хочешь, я тебя отправлю на стажировку?

– А куда же, интересно знать?

— В какую страну хотелось бы тебе отправиться?
От такой перспективы Володя был ошарашен. Он думал, что будет обучаться где-то в одном из районов Чувашии, или в крайнем случае, в близлежащей области. А тут — заграница.

— В какую же страну я могу поехать?

— Думаю, что самая стабильная страна — это Англия. Фунт-стерлинг там всегда устойчив. Надеюсь, что скоро там научишься разбираться в финансах.

— Разве такое возможно с бухты-барахты?

— Нет проблем, сегодня же созвонюсь с Москвой, прозондирую это дело.

— Да ну тебя, Коля, кому мы там нужны, в этой элитной стране?

Так прошла неделя. В начале второй Николай Николаевич вызывает к себе в кабинет Володю. Не успел он слово сказать своему начальнику, как тот объявляет:

— Собирайся, Володя, в дальнюю дорогу, в самую расхваленную Англию.

— Да, оперативно решаешь дела.

— Заграничный паспорт есть у тебя?

— Должен быть, как-то ездил в Польшу челноком, тогда целый месяц бегал за оформлением, достаточно помотал нервы свои.

— В таком случае я оформляю тебе командировочные на девять месяцев, носи сюда свои документы.

Как будто чувствовал Володя, что нужны будут документы, прихватил их с собой, и вот теперь тут же выложил на стол.

— Сейчас можешь идти домой проститься с женой и детьми. — Николай Николаевич из своего кейса достал несколько крупных купюр и подал Володе. — Оставь их своей семье на пропитание, это от меня лично, а командировочные получишь в кассе.

Володя молча положил деньги во внутренний карман костюма.

— Я подъеду на железнодорожный вокзал к отходу поезда и провожу тебя. Прихватю с собой все необходимые для тебя в длительной командировке документы.

— Хорошо, Коля, не знаю даже, как тебя отблагодарить.

— Вернешься оттуда, и там видно будет.

Провожать Володю на железнодорожный вокзал пришли почти все близкие и знакомые, живущие в столице. Николай Николаевич вручил ему все необходимые бумаги и распрощался с ним еще до отхода поезда: деловой человек он и есть деловой — тут ничего не

поделаешь. Зато родня пришла провожать с гармошкой, как принято в народе. Гармонист играл на своей трехрядке, а другие пели родные с детства чувашские песни вперемежку с русскими. Вели родственные беседы. Володя так расчувствовался от них, что ему расхотелось уехать в чужую страну на такой длительный срок.

В аэропорту Шереметьево не пришлось долго ждать, вскоре подали самолет на Лондон. В Англии была совсем иная жизнь. Погода стояла сырая, мерзкая, дули ветра. Такая погода в Чебоксарах бывает только осенью, и то один раз в несколько лет. Из зала Лондонского аэропорта, расположенного в Хитроу, не хотелось выйти на улицу. Тут и встретились с представителем банка, который держал в руке плакат с названием их фирмы и фамилии представителя. Информация в Европе доходит очень быстро, не то, что у себя дома, где иногда не дозвонишься до своей деревни, хотя, вроде, и находишься рядом. А тут, на таком отдалении от дома, уже встречают тебя.

Встретил его высокий худощавый светлый мужчина в очках и длинном пальто. Он думал, что встретит его человек в высокой шляпе, а этот оказался в фуражке. Володя пока еще плохо владел английским языком, поэтому то и дело заглядывал в разговорный словарь, врученный ему предусмотрительным Николаем Николаевичем вместе с документами.

– Не мучайся, Володя, я хорошо владею русским языком.

– Откуда вы знаете русский язык?

– Да я целых три года прожил в России, в Чебоксарах.

– Я сам родом оттуда, лет двадцать живу в Чебоксарах. Надо же, как мир бывает тесен.

– Вот и хорошо, как раз мне хотелось еще раз побывать в Чебоксарах. – С лица англичанина стерлась мрачность, оно стало спокойным, глаза загорелись интересом. – Побольше хочется узнать о современном городе Чебоксары. – Посмотрел куда-то вдаль, не спеша продолжил разговор. – Живут там чувашаи, очень трудолюбивый народ, таких я больше не встречал в мире. Если бы им не мешали, они жили бы очень богато и процветали бы.

– Да, вы правы, понаехали туда со всего света народ и лезут все в руководящие органы и в чиновники, в крайнем случае, в торговые организации и рынки, только бы не быть простым рабочим, пусть мол, местные пашут. Живут в престижных квартирах, а чувашаи живут в засыпушках и не знают, когда оттуда вылезут.

– Наверное, еще выкачивают деньги из вашей республики?
– Совершенно верно говорите.
– Это плохо, своей республикой должны править свои представители.

Оба замолчали, выжидательно смотрели друг на друга, не зная, о чем дальше вести речь. Все-таки первым заговорил Володя.

– Спрашивайте я буду отвечать на ваши вопросы.

– Во время войны я работал на электроаппаратном заводе в Чебоксарах вместе с чувашами. Добрые были люди, последним куском хлеба делились. Как сейчас там завод?

– Расширился завод, на старом месте не хватило места для новых корпусов, построили современные корпуса на новом месте напротив старого автовокзала.

– Наверное, теперь не узнать город Чебоксары?

– Конечно, напротив старой заводской площадки через улицу построили трехэтажный ЦУМ.

– Понятно, время идет, все меняется. Хотелось бы еще раз побывать в Чебоксарах, встретиться с теми, с кем работал на заводе. Те тяжелые годы навсегда запечатлелись в памяти.

– Наверное, многие вами знакомые ушли в мир иной.

– Само собой разумеется, сколько лет прошло с тех пор.

– Сейчас не узнать прежние Чебоксары, город намного расширился, разделился на три района.

– Так в добрый путь этому городу и процветания. Мне приятно принимать представителя из тех краев, из Чувашии, тем более, из самих Чебоксар.

Халява

Утро было холодное. В квартире чувствовалась прохлада. Князь посмотрел в окно на ясное зимнее небо, поежился. Опять юркнул в постель, зарылся под одеяло. Но покоя не было, болела голова, самочувствие ухудшалось. Больше не было сил выдержать эти муки. Невольно пришлось опять встать с постели, одеться и выйти к гастроному.

– Прошелся по магазину, замедлил шаги у винного отдела, надеясь встретить кого-нибудь из знакомых, но никого не заметил. Опустив голову, как обиженный ребенок, вышел в пространство между уличными и внутренними входными дверями. Тут было тепло, из вентиляционной коробки дуло теплым воздухом от калориферов. Через большие внутренние стекла отсюда хорошо просматривался винный отдел. Он с завистью глядел на тех, кто покупал спиртное.

– Зашел Хромой Сварщик.

– А, Князь, чего тут стоишь?

– Будто не знаешь, лучше угощай, видишь ведь, что страдаю от похмелья.

– Да ты не спеши, вот у жены выгреб мелочь, дай посчитать.

Руки у него тряслись, он с трудом посчитал мелочь.

– Немножко не хватает на красненькое, около полторы тыщенок.

– Сейчас найдем.

Заходит молодой человек, одет интеллигентно, все на нем сидело исправно.

– Эй, мужчина, дай пару тыщенок, не хватает на бутылку.

– Ребята, вам бы надо работать, такие лбы, на вас пахать надо, а вы ушиваетесь тут и деньги клянчите с протянутой рукой. И не стыдно после этого?

– Вы же нас безработными сделали.

– Было бы желание, работу всегда можно найти.

– За бесплатно? Спасибо уж, наработались досыта.

Мужчина небрежно посмотрел на них еще раз и ушел, хлопнув дверью. Появился пожилой мужчина, был он задумчив, шел, не обращая ни на кого внимания.

– У Вас не найдется пару тыщенок? А то у нас на бутылку не хватает.

– А, что сказали? – Вскинул голову, посмотрел рассеянным взглядом.

– У нас чуток не хватает, не найдете мелочи?

– Видать с похмелья, мужчины? Да, понимаю вас хорошо.

Полез в карман, достал горсть монет, отсчитал пару тысяч.

– Вот спасибочки, выручили Вы нас.

Князь и Хромой поспешили в штучный отдел. Хромой купил бутылку красненького, подал Князю. Тот откупорил бутылку и с горлышка опрокинул половину содержимого. Хромой приложился к горлышку, рука его тряслась, вино проливалось. Он схватил бутылку обеими руками, кое-как допил, часть вина текло по подбородку.

Вышли опять в междверье, закурили. Щеки Князя чуточку зарумянились, а у Хромого остались неизменными, бледными. А глаза у обоих потеплели, им стало лучше, сразу захотелось жить. Хромой несколько раз жадно затянулся и отбросил окурочек.

– Ну, я побежал, Князь. У моей жены постельный режим, на днях выписалась из больницы.

– А что с ней случилось?

– Вырезали одну грудь, сказали, что рак. У нее такой безнадежный вид, едва ли выживет.

– Ладно уж, иди занимайся своим делом, береги жену.

Князь опять остался один. Из вентиляционной сетки дуло теплом. Люди хлопали дверями, сновали туда и обратно, выходя на улицу, осторожно ступали на обледенелую приступку. У него промелькнула мысль, вырвать у какой-нибудь видной женщины сумку, убежать подальше отсюда и вдосталь напиться. Но живу рядом, милиция сразу вычислит меня и тут же арестует. Затем засудят и посадят. Лучше не рисковать, здраво рассудил Князь. Хватит, пару раз отсидел уже за такую мелочь, киоски обчистили. Сыт по горло, больше не заманить меня туда никакими соблазнами.

Неожиданно кто-то толкнул его в плечо. Он испуганно обернулся. Перед ним стоял подтянутый молодой парень, к тому же – стройный, видно, что одежда его сшита по заказу специально на него.

– Что, мужик, хочешь выпить?

– Да, дружок, не отказался бы.

– Тогда пойдем со мной, составь компанию, а то одному не пьется, да и не привык я пить без собеседника.

– Всегда пожалуйста, я только рад такому случаю.

Зашли в магазин, купили бутылку водки.

– Закусывать что прихватим?

– А мне все равно.

– Как это тебе безразлично?

– Все зависит от содержимого кармана.

Тот удивленно кивнул головой, махнул рукой. Набрал в купленный тут же пакет, колбасы, сыр, хлеб, минералку. Вышли в то же междверье. Князь остановился.

– Ты что, я не привык распивать, где попало.

– Тогда пойдем ко мне, я живу напротив.

– Возражений не будет.

Зашагали рядом.

– Как звать-то?

– Князь.

– Это что у тебя, кличка что ли, как у собаки?

– Нет, моя фамилия, только чуть сокращенная.

– А меня Валерой зовут.

Так разговаривая, дошли до подъезда, зашли в квартиру.

– Ну и грязи у тебя тут, можно по уши утонуть.

– Да некому убирать, а у самого руки не доходят.

– Логично, но со стола-то можно бы и убирать.

Найдя тряпку, начал сам же убирать со стола всякий мусор, крошки. Тут раздался звонок в дверь. Князь подошел к двери, отпер замок.

– О, Банифаций! Что без шапки в такой мороз?

– Шевелюра у меня густая, никакой шапки не нужно, да и не натянешь на голову, а стричь неохота.

– Хватит вам там болтать, присаживайтесь к столу. Тут беседуйте, сколько хотите.

Стол был накрыт: закуска нарезана на кусочки, разложена по отдельным тарелочкам, водка разлита по рюмочкам, в стаканах пузырилась минеральная вода.

За беседой и не заметили, как опорожнили бутылку, Валера достал из кармана внушительный кошелек, полный бумажными купюрами. У Банифация загорелись глаза, он вопрошающе смотрел на Князя, кося глазами на Валеру, Князь понял его и отрицательно кивнул головой.

– Возьмем литруху, чтобы больше не бегать. Кто сходит? – спросил Валера.

Сбегал Банифаций, да так быстро, что оставшиеся не успели выкурить сигареты. Вскоре выпили и эту литруху. Банифаций сбегал еще раз. Так втроем они опустошили пять бутылок водки. Совсем

окосяли, движения были медленными, неуверенными. Валера никак не мог усидеть на месте, все ходил около стола взад и вперед и кричал.

– Больше находиться здесь не могу, хочу немедленно домой!

Пьяные-пьяные, но кое-как сумели посадить его в такси и вернуться обратно в пустую без Валеры квартиру. Князь лег на кровать. Банифаций устроился на кухне на маленьком диванчике.

Проснулся Князь к вечеру и сразу метнулся на кухню. Все бутылки и рюмки были пустыми. Пошел к вешалке проверить карманы, нет ли какой-нибудь мелочи, хотя прекрасно знал, что карманы его пусты. Тут он в углу заметил какой-то пакет, подумал, откуда он тут мог взяться? Из любопытства заглянул туда и глазам своим не поверил: там лежали пачки денег и мешочек с золотыми изделиями. Князь испуганно положил пакет на место. Из-за спины послышался хриплый голос Банифация:

– Давай возьмем бутылку?

– Все магазины уже закрыты.

– В киоске всегда можно выпросить.

– Сам подумай, чужие деньги, нельзя брать.

– Да брось ты ерунду городить, он нечаянно забыл о них. Да едва ли вспомнит, где их оставил, ведь в дупель пьяный был.

– А если вычислит милиция, куда он может заявить?

– Он не из нашего микрорайона и даже не из нашего района. Когда сажали его в такси, он назвал поселок, расположенный на другом конце города и в другом районе. Пусть там и ищет.

– Все равно подождем. Человек нас напоил, накормил, а мы такую гадость допустим.

– Ты что, предлагаешь страдать с похмелья, когда под рукой такие бешеные деньги?

Поморщившись, Князь потрогал свой лоб, он горел огнем, от давления стучало в висках.

– Уговорил, только на литр водки возьмем, чур, больше не трогать. Завтра пойдем искать нашего благодетеля Валеру в его поселок.

Вышли на улицу. На морозе ни души. В окнах нигде не горел свет. У киоска толкалось несколько человек с такими же опухшими рожами. Выпив литр водки, дружки опять легли спать.

Утром у двери раздался звонок, затем еще несколько раз, потом уже непрерывный. Оба проснулись, но никто не хотел встать

первым. Князь догадался, что это появился его близкий друг. Собрав все силы, он встал, шатаясь и скользя рукой вдоль стены, еще не протрезвевший, припелся до двери и открыл.

– Ты что, забыл что, нам же сегодня надо ехать на работу за восемьдесят километров?

– Какая еще работа, голова разламывается.

– Наверное, всю ночь пропьянствовал?

– Ты давай не ругай, а оставь адрес, где мы должны работать. Я подъеду, как войду в нормальное состояние.

– Ты давай бросай это дело. Такую хорошую работу нашел. Запомни, твоя пьянка ни к чему хорошему не приведет.

– Извини, Шурик, сегодня меня сколько ни стыди и ни тряси, не могу идти с тобой на работу.

– Смотри, потом пеняй на себя. Когда в кармане будет пусто, ко мне же прибежишь занимать деньги.

Князь молчал, сопя, тянул сигарету.

– Если работать не будешь, откуда возьмешь деньги на выпивку? Воровать начнешь быстро посадят.

Видит Шурик, что уговоры бесполезны, молча хлопнул дверью, и был таков.

Банифаций приподнял голову, посмотрел в его сторону и еле выговорил, почти что промычал:

– Друг у тебя, Князь, прекрасный мужик, заботится о тебе, ты его никогда не обижай, держись за него обеими руками, такие добрые люди редко попадают в жизни.

– Мы с ним еще с интерната друзья.

– Вот и хорошо, за это надо выпить.

– Возьмем бутылочку, и на этом хватит, пора и отходить от пьянки.

В магазине купили бутылку водку, по пути к дому встретили двух знакомых женщин. Вот и пошло-поехало, пьянке не было конца. При спуске с горы ослабь вожжи – так и лошадь понесет во всю прыть, и обязательно телега опрокинется. Так и тут, пьянка продолжалась до тех пор, пока в квартире не появился Валера с друзьями.

– Где мои деньги, золото, шапка норковая?!

– Деньги пропили, шапку тоже, а вот золото целехонько.

– Нехорошо поступили с чужим добром.

Четверо пар мутных глаз выжидающе уставились на них.

– Я вас напоил, накормил, а вы меня разули!

Князь что-то хотел сказать, но пробормотал что-то невнятное.

– А ну-ка, ребята, прочтите-ка его, – распорядился Валера.

Два амбала с первых же ударов повалили Князя на пол и стали пинать в бока, живот, спину. Видя такое, Банифаций боком-боком пробрался до двери, шустро шмыгнул на лестничную площадку и смылся домой. Князь лежал неподвижно в отрубке. Женщины тихо удалились восвояси.

– Выносите, что есть ценное, грузите в машину.

Сходу вынесли цветной телевизор с пультом управления. Забрали хрустальную посуду и кое-что из ценностей.

– Валера, а картины брать? – услышал Князь сквозь шум в ушах. Он с трудом приподнял голову, хотел открыть глаза, но они спеклись. С усилием Князь прохрипел.

– Картины оставьте, их я сам рисовал. Для вас они не представляют никакой ценности. А для меня они, как детки мои.

– Молчи, свинья неблагодарная!

Резко получил удар ногой по переносице и тут же вырубился.

Придя в память, Князь хотел открыть глаза, но веки не поднимались. Он ощупью добрался до ванной, промыл холодной водой лицо, протер глаза. В них появился свет. Посмотрел в зеркало, переносица была проломлена, под глазами чернели синяки. Глотнув водички из-под крана, прошелся по квартире, она была полупустой. Нажитое долгим трудом испарилось в считанные минуты. На душе скребли кошки, не хотелось жить. Все происшедшее с ним казалось кошмарным сном. Жалко было картины, в которые он вложил частицы своей души.

Страшно болела голова, в ушах шумело, все тело ныло. Ему даже почудилось, что голова трескается. Надо было срочно похмелиться. Еле передвигаясь, он поплелся к Банифацию. Дверь открыла его жена.

– Банифаций дома?

– Нет, уехал в деревню.

– Когда успел?

– Меньше пить надо.

Она захлопнула перед носом дверь. Князь вышел на улицу, никого из знакомых не встретил. Без надежды на успех, зашел к соседям. На удивление, те без лишних разговоров дали нужную сумму. Черепашьими шагами сходил в магазин, купил бутылку водки, поднялся на лифте на свою площадку. Тут его ожидал Валера с теми же лбами.

– Куда запропастился? Ну, открывай свою дверь!

Опять получил удар в челюсть. Еле удержался держась за стену.

– Шевелись быстрее, свинья!

Получил сильный пинок ногой в задницу, влетел в квартиру и ударился всем телом в стену. Самое главное, старался сохранить бутылку целой.

– Что у тебя еще можно взять? – Валера хозяйским взглядом прошелся по квартире. – Может быть, отобрать у тебя квартиру?

Князь жалостно посмотрел на него.

– Пожалуйста, оставь меня в покое.

– Тебе не жалко было меня ни грамма. Был бы ты человеком нормальным, тогда другой разговор был бы. А что ты сделал со мной?

– Ничего не соображал пьяной головой.

– Я вас напоил, накормил, а вы с твоим паршивым дружкой обокрали меня в подчистую. Это по-человечески?

– Ты же сам оставил пакет у раздевалки.

– Еще что-то доказываешь!

Князь получил резкий удар в поддых. В глазах потемнело, не хватало воздуха.

В это время открывается дверь и заходит Шурик. Обликом он тоже был похож на амбала. Нос был неестественно придавленным, что говорило о том, что перед вами стоит профессиональный боксер. Валера с дружками сразу притихли.

– В чем дело, ребята?

– Да вот приходили в гости, навесить дружка знакомого.

Они переглянулись и покинули квартиру.

– Спасибо, Шурик, выручил ты меня, а то точно пришибли бы.

Князь в подробностях все рассказал Шурику.

– Я же тебя предупреждал, что пьянка к добру не приведет.

Хлопая глазами, Князь молчал.

– Тебя жадность твоя чрезмерная губит.

Князь покосил глаза на Шурика.

– Поехали со мной на работу, сказал я тебе утром. А ты отказался, тебе гулять надо было. Если бы ты меня послушался, ничего этого не было бы.

– Не ругай слишком, я сам все понимаю.

– Близок локоть, да не укусишь. Прежде чем что-то делать,

надо думать, взвесить. Сладкая жизнь просто так не дается, за нее надо горбиться до седьмого пота. Убедился теперь, чем для тебя обернулась бесплатная водка, халява, как говориться?

– В следующий раз поговорим, сейчас у меня башка болит. Постараюсь больше ошибок не делать.

– Если понимаешь, то закрывай свою квартиру на оба замка, и пошли отсюда.

Вышли на улицу. Напротив подъезда стояла шестерка «Жигули». Шурик пристально посмотрел на сидящих в ней. Заметив это, те завели двигатель и уехали восвояси.

– Вижу, Князь, тебе пришла хана.

– Что же мне делать, Шурик?

– Раньше надо было думать, теперь надо искать временную крышу.

– У меня есть друг Борода.

– Вот у него и заройся, пока все утихнет и уляжется.

– Шурик, ты не богат?

– Сколько тебе нужно, бери.

Шурик достал из кармана деньги.

– Сколько?

– Вон те три бумажки.

Тот отсчитал и подал Князю.

– Разбогатею – отдам.

– Свои люди – сочтемся.

– Спасибо за все, Шурик.

– А этому Банифацию надо врезать по ушам, чтобы в следующий раз не подставлял товарища. А то затеял, сам смылся.

На этом друзья разошлись. Постепенно все утихло, Князь вновь зажил в своей квартире прежней спокойной трезвой жизнью.

Стеснительный

В Москве Николай жил уже полгода. Но все еще не было у него девушки. Сам не зная, почему, он стеснялся девушек, потому и сторонился от них. При девушках у него краснели уши, щеки становились пунцовыми. В таких случаях он пуще обычного избегал их, не выходил из комнаты, все читая книги, и, разумеется, мечтал о красивых девушках.

Однажды пришли ребята с работы, умылись, поели и решили пойти в кино. Не отстал от них и Николай. По пути шумно разговаривали, гоготали. Девки шарахались от них. После сеанса ребята разбрелись по своим девушкам. Никто из них не предложил Николаю пойти с ним. Да и понятно это, куда они идут, там третий лишний.

Николай вернулся в общежитие. Но в комнате стояла тишина. Он взял в руки книгу. Но сегодня, почему-то не читалось. От скуки он никуда не мог деться. На работе он слышал, что ребята – москвичи собираются в Сокольники на закрытие летнего сезона. Наверняка, будут там и танцы, где можно познакомиться с девушкой.

Николай ополоснулся в душевой, чтобы от него не пахло потом. Надел чистую белую рубашку, выглаженные брюки. На плечи накинул японскую куртку. У зеркала прыснул на себя «Шипр». Посмотрел в зеркало. На него глядел чернобровый молодой парень с привлекательной внешностью. Николай остался довольным собой.

Он запер дверь, быстро спустился вниз, вышел на улицу и почти бегом дошел до остановки. Николай боялся, что кто-то из знакомых увидит его в таком наряде, а ему этого не хотелось.

Сев в подъехавший автобус, поехал в сторону ближайшей станции метро. В автобусе было свободно, но сидячие места все были заняты. Встал он на задней площадке. С обеих дверей прошли контролеры, проверяя наличие билетов. Николай показал свой общий проездной. На следующей остановке контролеры вышли.

Зашла в автобус стройная девушка с литой фигурой, которая была заметна даже под ее белым плащом. В желтой кофточке, в белых туфлях на каблучках. Волосы белые, глаза голубые, небольшого роста. Выглядела миниатюрной. Веки были чуть подкрашены карандашом, но почти незаметно. Ничего не скажешь, девушка была красивой.

Николай посмотрел на нее и тяжело вздохнул. Подумал, что она явно не для него, слишком уж была хороша. Да и сам он не плох в этом наряде, выглядел бравым. Тем не менее он отвернулся назад и через окно смотрел на обгоняющие автобус легковые машины. На встречающихся иногда выбоинах автобус подбрасывало, Николай невольно подпрыгивал. Неожиданно он почувствовал прикосновение руки по плечу. Он обернулся, и, увидев ее перед собой, застыл на месте.

– Я уже несколько раз обратилась к Вам.

Николай ошалело смотрел на нее, как на картинку. Язык прилип к небу.

– Случайно не знаете, где тут поблизости продают самовары?

Стоял Николай все еще неподвижно и неотрывно глядел на нее. Ей, видимо, стало неудобно, она слегка опустила голову, захлопала ресницами. Сейчас она была похожа на сказочную Мальвину.

Ничего не говоря, Николай несколько раз отрицательно мотнул головой, мол, не знаю. Так молча, доехали до станции метро. Она вышла первой. Николай будто бы забыл про нее, спокойно шел к подземному переходу. Девушка замедлила шаг, когда Николай поравнялся с ней, поинтересовалась:

– Вы не спешите?

Николай еле выдавил из себя:

– Нет.

– Подскажите, пожалуйста, где могут находиться магазины, в которых продавали бы самовары?

– Этим ни разу не приходилось интересоваться, в общезитии мы прекрасно обходимся чайниками.

– Вот наконец заговорил. Откуда такой стеснительный взялся?

– Из Чувашии.

– Простые люди, не наглые, мне они нравятся, к тому же трудолюбивые.

– Откуда знаете про чувашей?

– У меня есть подруга, мать ее чувашка. Она такая добрая, всегда потчует пирожками или ватрушками. У них всегда чисто и пахнет печеным.

– Мне приятно слышать такое.

– Я всего-то лишь правду говорю.

– Сама откуда будешь?

– Здешняя, коренная москвичка.

- А магазины плохо знаешь.
- Я плохо ориентируюсь в Печатниках, это новый район.
- Как попала в этот район?
- Приезжала подружка, все звала посмотреть, как она устроилась в новый квартире после коммуналки.
- Ну и как?
- Я бы сказала, что прекрасно. Все просторно. Не трехкомнатная квартира, а просто царские апартаменты.
- Оба улыбнулись.
- Меня зовут Николаем.
- Вот и хорошо. Я все думала, какие же парни в Чувашии? Вот и увидела.
- И как же?
- Очень симпатичные, женихов выбирать только в Чувашию следует ехать.
- Спасибо на добром слове.
- Она посмотрела на парня лукаво и тихо проговорила:
- Меня Наташей назвали, в честь бабушки.
- Так, болтая, зашли в метро. Николай прошептал Наташе на ухо:
- Выйдем на Пролетарской, там недалеко от метро есть хороший универмаг. Я туда часто заглядываю, когда что-нибудь нужно мне.
- Обязательно заглянем.
- На нужной остановке вышли из вагона, поднялись наверх. Перед ними высился многоэтажный универмаг. Они вдвоем прошлись по всем этажам. Побывали и в отделе посуды, но самовара так и не нашли. Ни с чем покинули магазин. Увидев напротив аллею, прошли туда и сели на скамейку. Тишину нарушал рев проезжающих машин, постукивание по рельсам трамвая, даже земля дрожала.
- Наташа, может, уйдем отсюда?
- А что тут тебе не нравится?
- Вот этот транспортный шум.
- Я привыкла к нему, без него даже скучно бывает иногда.
- У Николая сохли губы, и во рту было сухо.
- Я сейчас, на одну минуту.
- Почти бегом зашел в магазин, в гастрономическом отделе на первом этаже купил две бутылки лимонада. Одну тут же быстро опорожнил, вторую вынес Наташе.
- Вот молодец, угадал мое желание.

Наташа глотнула несколько раз и поставила бутылку на скамейку. Остатки допил Николай. С полчаса просидели молча, просто отдыхали.

– Теперь куда пойдём, Николай?

– Знаю один хороший комиссионный магазин.

– Интересно, где же?

– Около станции метро Октябрьское. Может быть, кто-нибудь сдал туда самовар?

– А говорил, что плохо знаешь город. Вижу неплохо ориентируешься в Москве.

Взбодрилась Наташа, даже привстала со скамейки.

– Между прочим, хорошая идея, Николай.

Она взяла со скамейки свою дамскую сумку. Добрались до места. В магазине все полки были заполнены всевозможными разношерстными вещами. Народу было много, все сновали туда и сюда, приглядывались, прицеливались. Кое-кто и покупал понравившуюся вещь.

Стояло несколько старых самоваров. Новых не было. Наташа не стала покупать. Вышли из магазина, встали около стеклянного витража. За Фрунзенской набережной солнце заходило за горизонт. Начинало темнеть, вокруг стало сумрачно.

– Теперь что будем делать, Николай?

– Ничего умного не приходит в голову.

– Зато я знаю.

Прошли несколько шагов и увидели вывеску кафе «Шоколадница».

– Зайдем сюда, немножко отдохнем.

Николай промолчал, потому что в кармане имел только один рубль. Зарплату будут выдавать только на днях. Если бы знал, что будет такой исход, занял бы у кого.

– Ты что, Николай, не хочешь зайти?

Николай неопределенно передернул плечами, ему было неудобно перед Наташей.

– Ну ты что, хочешь бросить свою даму?

Николай молча последовал за Наташей в кафе. У раздевалки Наташа сняла плащ. Швейцар принял плащ и повесил на вешалку. Пришлось и Николаю сдать свою куртку. Он взял из рук швейцара номерки. В зале было чисто и уютно, со всех сторон освещали бра. За небольшими столиками расположились пары, им ни до кого не было

дела и ни от кого, кроме официанта, ничего не нужно было. За специально поставленным для компаний большим столом расположилась небольшая компания девчат. Видимо, отмечали что-то лично свое. В сторонке поодиночке сидело несколько парней. Но четвертая часть кафе была свободна. Наташа прошла во второй зал, расположилась у окна. Здесь было уютнее, спокойнее, тихо играла музыка.

Николай взял со стола меню, быстро просмотрел цены. Его рубля хватало на две порции мороженого. Ушедшая в пятку душа вернулась на место, он вроде бы успокоился. Наташа досконально просмотрела все меню. В это время подошел к столу официант с блокнотом в руке.

— Я вас слушаю, что будете заказывать?

— Так, две порции мороженого, сверху не забудьте подсыпать шоколадной пудры, лимонад, пирожное, коктейль. Николай, тебе что заказать?

— Ничего.

— Как, совсем ничего? Может, что выпить?

— Нет, ни в коем случае.

Наташа все заказывала, Николая чуть не хватил мандраж. Но он молчал — будь, что будет.

Официант быстро ушел и не заставил долго ждать. С небольшим промежутком принес два подноса. Стол полностью был заполнен сладостями. Наташа аппетитно ела, слушая музыку. А Николаю было стыдно, он то краснел, то бледнел, пока Наташа уплетывала одну сладость за другой. Не знал, куда деться, готов был провалиться сквозь землю, если это было бы возможно. Он и щупать-то карман перестал, потому что без того знал, что там, кроме случайно завалящегося рубля, ничего не найдешь. А на столе было чуть ли не на червонец. Николай ломал голову, как же теперь ему расплачиваться, ведь обычно всегда расплачивается мужчина. На худой конец, были бы с собой часы для залога, но, как на грех, он их оставил сегодня, дабы собирался в Сокольники и предполагал возвращаться поздно. А поздно ночью, чем черт не шутит, между тем, как говорить, береженного Бог бережет. Вот и в этом опростоволосился сегодня Николай. Так, в мучительных раздумьях ни чему не притронулся и ни к какому решению не пришел он.

Наташа справилось со всеми принесенными сладостями, вытерла губы салфеткой.

– Ты что, Николай, ни к чему не притронулся?

– зуб болит.

– Лечить надо.

– Официант, подойдите, пожалуйста.

От неприятного момента Николай весь задергался, от стыда не знал, куда деть глаза, и не соображал, как будет выходить из создавшегося положения. А официант уже подходил.

– Счет пожалуйста.

– Уже готов, с вас девять рублей.

Наташа из сумки спокойно достала кошелек, который, было сразу заметно, был туго набит, слегка нажала пальцем, кошелек раскрылся, оттуда показались четвертаки и полтинники. Наташа не сразу нашла червонец. Наконец отыскала десятки и протянула равнодушному официанту.

– Без сдачи.

Наташа встала и пошла первой, подошла к раздевалке. Николай подал номерки, хоть этим-то окажет какую-то услугу. Швейцар кинул Николаю куртку, а плащ Наташи понес перед собой, как какую-то драгоценность, вышел из-за барьера, галантно помог девушке одеться. В благодарность Наташа вытащила из кармана плаща рубль и сунула в протянутую ладонь швейцара. Пока Николай от удивления разевал рот, Наташа уже вышла из кафе. Наш стесняга поспешил следом.

На столбах уже всюю горели фонари. Ежась от прохлады, Наташа ждала его. Увидев его, не дожидаясь пока он подойдет, остановила проезжающее такси. Машина остановилась, открылось окошечко дверцы, и послышалось:

– Вам куда?

Наташа подбежала к дверце, нагнулась к окошечку и спешно ответила:

– На Кутузовский проспект.

– Такси вечернее, будет подороже.

– И сколько же примерно?

– Где-то пять рублей.

– Нам подойдет.

– Располагайтесь на заднем сиденье.

До нужного проспекта домчались с ветерком. По пути Наташа прижалась к Николаю, одной рукой держалась за его пальцы.

– Здесь остановите.

Вышли около большого дома, построенный, по внешнему виду, еще при Сталине.

— Вот тут я живу.

Наташа бесцеремонно потянулась и открыто зевнула.

— Что-то сегодня устала, отчего, сама не пойму, наверное, по-маленьку набралось.

Николай стоял и молчал, с него все не сходила краска стыда.

— Николай, ты завтра чем занят?

— Как обычно, работаю на заводе, стою смену за станком.

— Когда кончается рабочий день?

— В три часа.

— Вот и хорошо, подъезжай сюда к четырем часам.

— Не знаю, что и сказать-то.

— Так не пойдет, ты мне конкретно отвечай.

— Ну-у, постараюсь.

— Дальше меня провожать не надо.

Она шустро скрылась из входа, только был слышен стук каблуков. Николаю хотелось узнать, в какой же квартире она живет? С этим намерением он вошел в ее подъезд. Но за дверью стоял мужчина и тут же загородил ему дорогу.

— Куда Вы идете, товарищ?

— Да вот только что зашла девушка.

— Но посторонним сюда нельзя, только по специальным пропускам.

— Ладно, понял.

Он с досады махнул рукой и ушел восвояси. Вскоре вернулся к себе в общежитие. Ребята все еще резались в карты, никто не ложился спать, видимо, ждали его из любопытства, ведь знали, что так поздно он никогда не возвращался, всегда являлся первым. Вот и пришлось ему все рассказать, где был да что делал.

— Вот теперь не знаю, что мне делать?

— А она тебе нравится?

— Да, даже очень.

— Тогда иди на свидание, тем более, что назначила она сама.

— Она слишком богата, а на мне все то, что у меня имеется.

— Конечно, это нас, мужиков, немножко унижает.

— А если дело дойдет до женитьбы, и потом она начнет попрекать, что приняла голяка?

– Возможно, в жизни все может случиться, никто не застрахован от ошибок.

Тут началось бурное коллективное обсуждение. Находили аргументы в пользу и одной, и другой стороны. Одни поощряли Николая, другие остерегали. Да самой полночи так и ни к чему не пришли.

– Эй, вы, судьи человеческих душ, – нашелся один из них, – завтра рано на работу нам!

Так ни с чем разошлись по кроватям. Вскоре все засопели и захрапели. Одному Николаю не спалось. Он проворочался всю ночь, лишь к утру немножко вздремнул. На работе целый день был рассеянный, все думал о предстоящем свидании. Под конец, рассудил по-своему разумно. Если ему вчера в кафе так было неудобно и стыдно, то такое чувство может остаться на всю жизнь, а подобные ситуации могут повторяться. Таким образом, Николай не пошел на свидание, решил рубить концы, пока не поздно. Чтобы, как ночная бабочка, не опалить крылья манящим в темноте к себе пламенем ночного костра.

Гадюшник

Наступила долгожданная весна. С каждым днем становилось все теплее. Солнце своими яркими лучами старательно грело освободившуюся от снега черную землю, жухлую траву и прошлогоднюю листву. Сквозь эту темноту и гниль пробивались зеленые ростки, не останавливаясь ни перед чем, тянулись к солнечному свету. Солнце дольше задерживалось на горизонте. В лесу трава росла быстрее. На деревьях листья стали темно-зелеными, одеваясь в зеленый наряд. После подснежников появились и другие цветы на полянах. На склонах, где мало хорошей земли, росли цветы мать-и-мачехи, постепенно покрывая глинистую почву сплошным ярко-желтым цветом.

Но вот подул холодный северный ветер, и сразу стало пасмурно. Темные тучи заволокли все небо. Дождя не было, но холод пробирал. Вся желтизна исчезла, потому что закрылись бутоны цветов. Пасмурная и холодная погода стояла три дня, затем ветер утих, вокруг опять стало тихо. Небо очистилось от туч, солнце сильнее прежнего пригревало землю. Отцвели белые цветы земляники, появились ягоды, которые вскоре поспели. Дети и взрослые начали их собирать и носить домой. Мяли в стаканах с сахаром, запивая затем молоком. Ели и наслаждались. Вот наконец настало лето, самые настоящие теплые дни для поселка, тепло чувствовалось даже ночью.

Встал Аркаша рано утром, ему никак не спалось, после вчерашней пьянки болела голова. Один пить не мог, вышел немного пройтись, авось для компании встретит кого-нибудь из знакомых. Походил по улице, остановился у дома своего друга Саши. Гадал, где может находиться жена друга Лена. Прошелся вдоль ограды и увидел Лену в огороде с мотыгой в руках. Она полола сорняки на грядках. Только тогда Аркаша поспешно зашел к другу Саше.

Саша лежал на диване, у него тоже болела голова, но сильнее, чем у Аркаши, видимо, вчера напоролся на сурогатную водку. Вчера шел он с товарищами с работы домой. Около лесокомбината их остановил один мужик.

– Ребята, я приехал с Яльчиков за дровами, вот и выписка есть, – он показал им бумажку.

– Нам-то она к чему?

– Мы бы сами загрузили вдвоем с шофером, но у него рука болит, не зажила полностью после аварии. Помогите, пожалуйста, загрузить наш КамАЗ.

Саша посмотрел на своих товарищей. Те в знак согласия кивнули головами.

– Мужик, а сколько отвалишь за работу?

– Ребята, вам сто рублей хватит?

– Конечно, вполне хватит, сам-то, наверное, не слишком богат, от нужды приехал сюда.

Около штабелей дров стоял КамАЗ. Ребята открыли боковой борт. На кузов залезли приехавшей мужик и водитель машины. Ребята снизу подавали им метровые чурбаки, которые на кузов ставили стоймя. Где-то за час загрузили полный кузов дров. Мужик отблагодарил ребят, всучил Саше сто рублей. Ребята посмотрели на эту купюру.

– Чего нам ее делить и нести по домам, ведь сегодня пятница? Сам Бог дал нам отдохнуть вместе.

Купили в магазине водку и закуску и гурьбой отправились в поселковый парк, там устроили зеленый ресторан на природе. Вскоре выпили всю водку, но им показалось этого мало. Кто-то из ребят с рук купил водку, которая, видимо, оказалась самопалом.

Вот теперь охал Саша и держался за голову. Правда, выпил с утра рассол от огурцов, но он недостаточно подействовал на организм. Хорошо было бы выпить капустный рассол, который славно помогает, но его уже нет, кадушку капусты съели еще зимой. Саша попросил у жены денег на похмелье, но она отказала ему.

– Где с кем пил, там с ними и похмеляйся!

– Все-таки пожалела бы мужа своего.

– Лучше пойдем на огород, поработаешь там, и в момент пропадет твоя хмель.

– Я не узнаю, Лена, ты шутишь, или правду говоришь, но нет сил поднять голову.

– Да ну тебя, алкаша. – Фыркнула жена и убежала с мотыгой в руке на огород. Там она орудовала на грядках с мотыгой в одном купальнике. Хоть тут позагорает, чтобы не было стыдно перед подругами, если вместе где-нибудь да придется раздеться. Она пропалывала сорняки и вешала их на заборе, чтобы просушить. У нее во рту все высохло, она решила попить холодной водицы и заодно проверить, как там чувствует себя ее благоверный. Сначала зашла на кух-

ню, со злости с шумом хлопнув дверью, выпила не из ведра холодную воду, а из горлышка чайника кипяченную. Затем с таким же шумом ворвалась в большую комнату. Саша даже не поднял головы, так сильно она болела у него. Вот оно что такое настоящее похмелье. Ему даже не хотелось шевельнуться на диване, для него мир был не мил. Лена была готова разорвать его за бездеятельность.

– Вот этого еще не хватало в сезон огородной страды, бездельник!

Саша повернулся к стене, лишь бы не слушать ее нотаций.

– Понимаешь ли ты, мой бестолковый муженек, в наше такое время люди наоборот бросают пить. – Взяв его за плечи, она повернула его к себе.

– А я от безысходности пью, кучка людей ограбили народ, превратили в быдлу. Нет на них никакой управы.

– Надо работать.

– Что толку, все заработанные деньги съедает инфляция, поэтому их невозможно копить. – Саша схватился за голову, ему не хотелось говорить. Но Лена настырно стояла перед ним. – Получается, ты работаешь за гроши, но они моментально тают. Выходит, ты работаешь бесплатно.

– Тебе бы только причину находить.

– Правильно, хоть на эти гроши попью, получу себе удовольствие от водки, в такие моменты ничего не надо от жизни нашей поганой.

– С тобой, Саша, невозможно разговаривать.

Лена, уходя, хлопнула дверью с такой силой, что где-то на кухне что-то с грохотом упало от сотрясения стен. Затем опять стало тихо. Только слышно было, как ритмично тикали настенные часы. Тут бесшумно открывается дверь и, так же тихо ступая по полу, входит Аркаша.

– Саша, ты дома?

– Кого еще нелегкое принесло сюда?

– Это я, Аркаша, уже полчаса ушиваюсь около твоего дома.

– А, заходи, дружок, я всегда рад твоему приходу. – Саша приподнялся на диване и сел, ему неудобно было разговаривать с другом, лежа на диване.

– Пойдем за ягодами в наш лес, а то мне одному скучно, хоть оторвемся от дома. – Аркаша присел рядом с Сашей. – Отдохнешь душой в лесу, все дурные мысли улетучатся.

– Какие там ягоды, когда голова трещит, что белый свет не мил.

– Могу обрадовать тебя, Саша, у меня осталось от вчерашнего, – сказал Аркаша, почесывая лысый затылок. – у меня полпузыря запрятано. Пойдем ко мне похмелиться.

– Это можно, только где ты до сих пор был?

– Да я все причину искал, что сказать твоей Лене.

– Это плохо, что у нас телефонов нет, а так позвонил бы и сказал, где встретиться, и делов-то всего лишь.

Саша пошел на кухню, взял трехлитровый бидон, за ручку завязал широкую лямку, чтобы вешать на шею, тогда обе руки будут свободны собирать ягоды. Они вышли из дома и пошли к Аркаше. Около его дома Саша остановился и не входит.

– Что с тобой, дружище?

– Твоя, чай дома, будет ворчать на меня.

– Она с дочерью с утра ушла на рынок и не вернулась еще. Тратить мою зарплату на свои шмотки тоже нужно время, вот и ходят почти полдня.

– Тогда ладно, можно быть спокойным.

Они зашли на кухню. Из холодильника Аркаша достал пару соленых огурчиков.

– Порежь их на куски.

– Ты что, самый смак есть их целыми.

– Тогда режь хлеб, – сказал Аркаша и вышел в сени. Там он чем-то гремел и вскоре появился с бутылкой в руке и повеселившийся.

– Нашел родненькую, стояла на месте, где ее вчера спрятал. – Он разлил водку в граненные стаканы. – Я всегда прячу в одно и то же место, а то сосед мой запихает деньги каждый раз в разное место, а на следующее утро ищет их и никак не может найти.

Саша вытер вспотевший лоб рукавом, слушал Аркашу, не отнимая взгляда от налитых стаканов.

– Говорит, один раз даже спрятал деньги в поддувало печки. А дело было осенью, во дворе стояла сырая погода. Жена возьми и затопи печь, чтобы испечь пироги, пока муж валялся в кровати. Так и сгорело ползарплаты. Ох и дорогими получились пироги.

Саша положил нарезанный хлеб рядом с огурцами.

– Давай выпьем за то, чтобы всегда можно было похмелиться водкой, чтобы не мучиться от головной боли.

– Вот это хороший тост, от которого водка уляжется на место.

В момент опрокинули стаканы, занюхали хлебом и захрустели огурцом. Сразу стало легче. Беседуя между собой, пошли в лес по ягоды. Походили по березовой роще. Тут ягоды были еще неспелыми.

– Знаешь, Саша, я знаю одно место, где ягоды рано поспевают и бывают крупными.

– Интересно знать, где же это место?

– А помнишь, в один год стояла жара и возникали лесные пожары. И наш лес горел, там образовалась поляна. Там земляники всегда полно.

Прошагав еще с километр, два друга набрали на большую поляну. Здесь палило солнце. Это сразу чувствовалось после лесной прохлады.

– Смотри, что я тебе говорил, – Аркаша нагнул, сорвал несколько ягод и съел их. – Да, сладкие какие. Под таким солнцем простоят недельку и начнут сохнуть.

Саша нехотя и с ленцой начал собирать ягоды в свой бидон. Ему даже не хотелось пробовать их. Было только одно желание: лечь где-нибудь на траву под деревом, где прохладно в тенечке. С утра было прохладно, и они надели лёгкие куртки. А теперь под палящем солнцем было жарко, все тело потело, с лица капало.

– Говорят, один стакан земляники – на целый год витаминов.

Саша пошел в сторонку, где поверхность поляны чуть повыше. Ягоды тут уже переспелые и послаще. Подумать только, там в лесу ягоды еще не доспели, а тут уже переспелые. Об этом Саша никогда не задумывался.

Попробуй, сними куртку, комары тут же все искусают. Перед тем, как начать собирать ягоды, Аркаша смазал лицо и руки мазью от комаров. Но обильный пот смыл ее. Пот жег глаза, трудно было глядеть. Аркаша спустился к ручью, всполоснул лицо водой, попил холодной водицы. Сразу стало легко и хорошо, он облегченно вздохнул во всю грудь. Он решил больше не мазать лицо мазью.

Вдруг сверху раздался истошный крик Саши, отчего Аркаше стало страшно, будто там режут друга. Он быстро побежал наверх, цепляясь руками и ногами за землю. Вскоре добрался до поляны и увидел, что Саша неестественно махал руками и топтал на месте ногами, не в силах сделать шаг в сторону и уйти с этого места.

Подбежав к нему, Аркаша ужаснулся. Вокруг Саши вились гадючие змеи.

— Ой, как больно кусаются, помоги, Аркаша!

Саша был в кедах. Змеи вползали в штаны и по ногам поднимались все выше.

— Ой, больше не могу терпеть, нету уже сил!

Он грохнулся на землю как скошенный и как раз на клубок змей. Увившиеся друг с другом в большой клубок змей вдруг стали кидаться на Сашу. Как назло у Аркаши под рукой ничего не оказалось, чтобы отбрасывать и отгонять змей. В это время змеи, сворачиваясь в клубок, начали кидаться на Аркашу. Хорошо еще, что он был в сапогах, на которых стали заметны следы от укусов и подтеки слюны. Совсем обнаглев, они стали увиваться вокруг сапогов. Аркаша еле успевал их скидывать с ног, но их ползучих гадюк становилось все больше. Волосы поднялись дыбом, по спине побежали мурашки, стало не по себе. Но сработал инстинкт самосохранения. Он с трудом скинул с ног змей и скорей бегом подальше отсюда, пока самого не сожрали.

Прибежал Аркаша в поселок, прошелся вдоль улицы несколько раз, от испытанного страха голова ничего не соображала. Молодежь была на пруду. Аркаша поспешил туда и сообщил, что случилось в лесу. Собралось много народу, кто с прутиком, кто во что горазд. Захар прихватил с собой ружье. Пошли всей толпой на ту поляну. К сожалению здесь застали они лишь Сашины кости. Захар несколько раз выстрелил дуплетом мелкой дробью в клубок гадюк. Змеи расползлись в разные стороны и вскоре не осталось ни одной на том месте.

Собрав кости своего друга Саши в мешок, Аркаша понес их в поселок. Лена накинулась на него с кулаками.

— Кто тебя просил вести его с собой в лес? Лежи он спокойно на диване, сейчас был бы жив!

— Что, у самого Саши головы на плечах не было что ли? Сама подумай, Лена, ведь он не ребенком был, — ответил за Аркашу Захар, стоя за его спиной. Тот не был в состоянии что-либо сказать. Был в таком шоковом состоянии, что страшно было смотреть на него. Был бледен как белое полотно. Стоявший рядом с ним сосед рассудительно сказал:

— Видно, судьба такая, видно, на роду так написано, не утонуть в воде, или не повеситься, а умереть от змеиного яда.

— Вон из моего дома, раскудахтались как бабы!

Мужики ушли. Их сменили соседские женщины, пришли знакомые и родня. Вместе оплакивали Сашу. Читали молитвы по очереди. Кости уложили в гроб и тут же крышку забили гвоздями.

— Давайте, мужики, выпьем. Это сейчас необходимо особенно Аркаше, — предложил кто-то, когда мужики покинули дом Лены.

Когда мужики брали дома деньги, жены их кричали:

— Вам только дай повод выпить!

Мужики все равно, не глядя ни на что, к вечеру были хороши.

Хоронить кости своего друга Саши Аркаша пришел, старался во всем помочь Лене. Она подошла к нему и тихо сказала:

— Прости, Аркаша, за все, это я не со зла накричала, а от безысходности положения.

Аркаша стоял перед заплаканной Леной и ничего не мог сказать. Его мучило сожаление и раскаяние, зачем он позвал с собой Сашу в этот гадюшник?

Премия

Наступила осень. Хотя и стояли солнечные дни, но прохлада наступающей осени уже чувствовалась. Деревья начали менять наряд. Зеленые листья в считанные дни стали желтыми на одних деревьях и красно-бурыми – на других. Они с шелестом падали на землю. Вот и пришла пора листопада. Дворники не успевали подметать листья, упорно собирали в кучи, носили корзинами в мусорные ящики, к которым подъезжали мусоровозы и вывозили их на свалку.

В курилке сидели мужики и громко хохотали от рассказываемых Славой анекдотов. За открытой дверью мелькнул силуэт бухгалтерши. Увидев ее, Слава поспешил за ней, догнал ее в конце коридора.

– Анна Ивановна, мне там в честь праздника что-нибудь причитается?

– А как же, как положено – премия.

Слава последовал за Анной Ивановной в бухгалтерию. Здесь все были деловыми, не обращая ни на кого внимания щелкали клавишами компьютеров, не отрываясь от экранов.

– Аля, выдай-ка Славе премию, – распорядилась Анна Ивановна.

– Сейчас.

А сама все щелкала на клавишах.

– Прекрати, Аля, человек ждет.

Аля неохотно оторвалась от экрана, недовольным видом открыла сейф, достала оттуда ведомость и подала Славе. Причиталось двести рублей. Аля не глядя отсчитала две купюры по сотенной.

– Все-таки молодцы, что не забыли нас к празднику, всем за это спасибо.

– Работайте еще лучше, видите, вас не забывает начальство.

Получив деньги, Слава положил их в задний карман брюк и поспешил к выходу. Решил он заглянуть к своему свояку, посидеть вдвоем за столом, потому что это был общий праздник. Думал, где бы поближе от его дома купить водку, чтобы не таскаться по городу с пакетом. Вышел на остановку. Как раз подъехал троллейбус, который направлялся в ту сторону, где жил свояк. Не раздумывая, Слава сел в этот троллейбус. Глядя в окно, он думал о своем. Проехали две остановки. Народу набилось полный троллейбус, толкали друг друга. Водитель кричал в микрофон:

– Освободите двери, этот не последний троллейбус на маршруте!

Вроде не настал еще час пик, куда же едет столько народу? Было такое ощущение, что в городе вообще никто не работает. У каждого были свои дела. Слава почувствовал, что в его ягодицу уперлась сумка. Не обращая на это внимания, он не стал оборачиваться, продолжал крепко держаться за поручень. У дверей кричали входящие в троллейбус новые пассажиры:

– Что столкнулись у дверей, в середине свободно же!

Слава продвинулся к середине, там действительно было свободно. Сумка последовала за ним, толкая сзади. Тут он подумал, что не может быть такого, когда стояли тут не так уж плотно. Слава обернулся. Перед ним стоял симпатичный чернобровый парень с тонкими усами. В руке у него не было никакой сумки. В голове вдруг ударила мысль, что не ушивался ли он около его кармана, где лежали деньги. автоматически зашарил по карману, но он был пуст.

– Отдавай мои деньги!

– Ты что, мужик, не по адресу обращаешься.

Схватив парня за грудки, Слава притянул парня к себе. У того глазки воровато бегали:

– Ну, отдавай по хорошему.

– Говорю же тебе, что не брал, – он показал раскрытые ладони.

– Ах так, не понимаешь по хорошему, – Слава со злостью сильно ударил того в лицо, второй удар прошелся по носу.

Из носа парня потекла кровь, капала на пол. Парень стоял без движения как парализованный. Рядом стоявшие женщины закричали на весь салон.

– Караул, убивают человека!

– Остановите троллейбус, вызовите милицию!

– Правильно, не выпускайте никого!

Слава плюнул в сторону парня.

– Тоже мне, такое дерьмо этот мальчик, и не подумаешь, что способен залезть в чужой карман.

Но женщины не переставали вопить.

– Чем кричать без толку, разобрались бы сначала, он из моего заднего кармана вытащил двести рублей.

– Кто докажет, может, он врет? – оправдывался симпатичный парень.

Рядом стоявший мужчина сказал:

– Чьи тут деньги валяются под ногами?

– Конечно, мои, вот видите, двести рублей. Мне сегодня на работе премию выдали в честь праздника. Но не могли же они выпасть сами из застегнутого кармана. Наверняка, этот хмырь их вытащил, а теперь выбросил, чтобы не было улик. – Слава еще раз врезал парня по шее.

– Хватит бить, жалко ведь, мы больше верим этому симпатичному молодому человеку, чем твоей небритой толстой морде, – опять заголосили женщины.

– Кого защищаете? Если бы у вас вытащил деньги этот симпатяга, то вы не так еще завопили бы. – Слава махнул рукой. – Что вам, женщинам, объяснять, вы только симпатичное лицо видите, а что у него за душой, не желаете знать.

На следующей остановке Слава вышел из средней двери. Из задней двери вышли два парня. Один из них щелкнул выкидным ножом.

– Что дядя допрыгался? Больше никогда не будешь распускать свои руки.

Долго не думая, Слава схватил стоявшую рядом урну и ударил ею одного, затем другого. Оба упали на землю. Слава быстро запрыгнул в подъехавший троллейбус, чтобы быть подальше от неприятностей, а то может приехать милиция. Потом докажи им, что ты не верблюд. Хотя премия осталась при нем, но праздничное настроение было окончательно испорчено.

Причина

В ясную погоду, когда вокруг все цвело и пахло ароматом, природа открывалась во всей своей красоте, пели птицы, копошились муравьи, резвились рыбы в водоемах. В самый разгар лета вдруг все изменилось. Подкрались темные тучи, заволокли все небо. Пошел мелкий и теплый дождь. От нагретой земли шел пар. Но это было только в первый день. Постепенно земля остывала, воздух становился прохладней. Лил непрерывной дождь, то усиливаясь, то утихая. Вроде лето во дворе, должны бы стоять солнечные дни, греть землю, радовать все живое на земле своей теплотой.

Это продолжалось целую неделю, но все еще не видно было конца. Земля отсырела, вода хлюпала под ногами, воздух был тяжел. Миша стоял на кухне, глядел в окно на темные тяжелые тучи. Рядом у плиты стояла жена.

— Когда же установятся погожие дни, непонятен этот нынешний феномен, считай, лето почти уже кончается.

— Грешными людьми стали мы, ничему не верим, все нам ни почем, потому всевышний обижен на нас и посылает напасти.

Рая крошила лук на отделочной доске, раза два вытерла глаза, шмыгала носом.

— Никакой морали не подчиняются люди.

— Успокойся, Рая, ведь в большинстве случаев виноваты женщины, ведь это мимо глаз не пропустишь.

— Ну и наглец ты Миша, почему хаешь одних женщин? — Работая руками, она не переставала говорить. — Без нас, женщин, и дня не можете прожить на этом белом свете.

— Да, в этом ты права, моя любимая. — Миша приблизился к ней сзади и поцеловал в шею.

— Уйди, видишь, я работаю, — недовольно фыркнула Рая, продолжая свое дело. — И одним нам женщинам тоже тужо без вас, — Рая тяжело вздохнула, пустила лук в суп.

— Возьмем, к примеру, твою знакомую Любу, гуляла направо и налево, ни перед чем не останавливалась.

— Потому и развелась с мужем, а какой он хороший человек.

— За сыном не было никакого присмотра, в семье не хватало крепкой мужской руки, вырос избалованным. — Миша прошелся по кухне от окна до дверей. — В итоге что получилось? Умер

единственный сын. Вроде ему все купили, машину, квартиру, радуйся, живи – не хочу в свое удовольствие.

– В жизни ей очень не повезло.

– Просто надо было придерживать свои страсти, жить нормально со своим мужем.

Наступила тишина, на улице шел дождь, капли дождя стучали по железному сливу, отдавалось как по барабану. Было подавленное настроение, хотелось спать. Миша зевнул, тихо проговорил:

– Приготовь мне еду, а то я опаздываю на дежурство.

– Давно лежит в портфеле, все хорошо уложено.

– А что положила туда?

– Как обычно, кусок мяса, яйца, понемножку всякую зелень.

– Спасибо, дорогая, заботишься обо мне.

Поцеловал в щеку свою жену, скрылся за дверью. Пыхтя и не торопясь, спустился по лестнице вниз. Вышел на улицу. Миша не любил носить зонтик. Когда закапали сверху капли дождя, было неприятно, он с дрожью дернулся, накинул капюшон. Хотелось быстрее добраться до остановки, подпрыгивая обходил лужи. Добежал до остановки, двери троллейбуса были еще открыты, Миша сходу запрыгнул в троллейбус, стал отряхиваться. Кто-то нежно прикоснулся за плечо, он резко обернулся и увидел знакомое лицо.

– Ба, Нина, сколько лет, сколько зим не виделись! – Готов был заключить ее в объятия, на душе было приятно, но просто улыбнулся ей.

– Да, в брежневские времена жилось хорошо, могли себе позволить многое в свое удовольствие, – она тоже улыбнулась ему.

– Да были вечерники и гулянки. Сейчас лишний раз не купишь бутылку водки. Недавно простудился, так не хватило денег на одну бутылку, вот до чего дожили, дальше уже некуда.

Нина в ответ тяжело вздохнула, опустила веки вниз.

– Раньше с вами на каждой вечеринке бывали вместе, время проводили весело, – согласно кивнула головой Нина.

– Что ни разу не заглядываешь? Хоть просто чайку попили бы, поболтали по душам.

– Сейчас не то время, нет никакой радости в нашей жизни.

– Все равно будем рады вашему появлению.

– Да разве с вами, мужиками, остановишься на час, все равно уговорите на бутылку, а там пошло-поехало.

– Давайте приходите со своим мужем Николаем к нам в гости на эти выходные.

Нина отвернулась к окну, через некоторое время провернулась лицом к нему. Глаза ее были влажными. Она грустно проговорила:

– Ты что, не знаешь ничего про моего Колю? Вот дожили, его уже нет в живых, полгода как похоронила.

– Такой здоровый мужик был, а что же случилось?

– Сейчас одна болезнь у вас, не выдержало его сердце от излишней выпивки. Говорил, что пьет для успокоения, а вышло вон что.

– Весь этот бардак начался в нашей стране с этой перестройки.

Оба помрачнели, у обоих испортилось настроение. Хотелось выговорить, что осело на душе.

– Одни обещания, особенно Ельцин этот добивает народ, люди мрут как мухи.

– Успокойся, теперь не надо ждать, как прежде, когда положат в рот кусок, самим нужно шевелиться. Вон, какой здоровый мужчина.

– Старался, да все без толку, бьется как рыба об лед, какие-то слова придумали: инфляция. Вот она и съедает все наши деньги.

Даже голос повысил Миша, стал разъяренным. Пассажиры начали поглядывать на них. Нина сразу почувяла это и решила сменить тему разговора.

– Куда собрался, Миша?

– На работу, еду дежурить, – тряхнул перед ней портфелем Миша. Она посмотрела на него лукаво.

– Гостей принимаешь? – она сделала хитрые лисьи глаза. А он своей простотой улыбнулся почти до ушей.

– Конечно, Нина, какой может быть разговор.

– Только в какое время удобно явиться?

– Приходи примерно часам к десяти вечера, к этому времени народ как раз рассосется и не будет лишних глаз, – он подробно объяснил ей как дойти туда и куда зайти.

– Поняла, дальше можешь не объяснять, – она кивнула головой и вышла раньше его. Так они расстались. Миша глядел на нее в окно. Пришел на место работы, принял дежурство, как положено. Расписался в журнале, что все нормально. С утра рабочий день проходил так бурно, что минуты и часы летели быстро. Под вечер, проверив все, сел читать книгу.

Послышался осторожный стук в окошко по стеклу. За день Миша забыл было о Нине. Увидев ее, он махнул ей рукой, приглашая зайти. Пошел открыл дверь и встретил ее, пропуская вперед. С ног до головы Нина была мокрая, с нее на пол капала вода. Выделялась стройная фигура, сохранившаяся в ее годы.

– Как ты сумела так вымокнуть?

– Ждала, когда в соседней комнате потухнет свет и оттуда выйдет мужчина.

– Умница, правильно поступила.

– У вас тут поблизости негде укрыться от дождя, – она со лба смахнула капли дождя.

– Сними свой плащ, давай повешу на вешалку, быстрее высохнет.

Он аккуратно распрямил плащ на плечике и повесил у дверей. Из шкафа вытащил масляный радиатор, включил его и поставил перед ней.

– Ты меня прости, Нина, я забегался за день, и ты вылетела из головы, даже забыл подготовить стол для встречи.

– Можешь не беспокоиться, Миша.

Она из своей женской сумки достала бальзам «Парне», мясо отварное, уже нарезанное на куски в разовые тарелки, готовый салат из помидоров и огурцов и круглый черный хлеб. Все это находилось в пакетах, тоже в разовых тарелках. Сморщив лицо, Миша выговорил.

– Вот все прекрасно, ничего не надо, только одно не так.

– В чем дело, Миша, говори, не стесняйся, мы же свои люди?

– Надо было лучше купить водку нашу.

– Обижаетесь, Миша, я ради тебя старалась, во-первых, от бальзама не пахнет перегаром изо рта, когда разговариваешь с кем-то. – Нина загнула палец. – Во-вторых, он полезен, в-третьих, не болит голова на следующий день. Могу еще продолжать о его плюсах.

Только сели за стол и налили в рюмки бальзам, кто-то постучал в дверь. Миша подошел и открыл. Зашел его подчиненный Витя.

– Все сделал, что вы сказали.

– Молодец, этого и ожидал от тебя.

Миша с Витей вышли из комнаты.

– У меня к тебе одна просьба, Витя, позвони часа через три, чтобы на минуту отвлечься.

— Зачем это вам нужно? — парень смотрел на Мишу непонимающе.

— Чтобы выпроводить даму, сам знаешь, под утро может заглянуть проверяющий.

Оба улыгнулись понимающе.

— Хорошо, Миша, за это время постараюсь придумать причину.

— Договорились, заранее спасибо тебе.

Миша вернулся к столу, довольный опрокинул рюмку.

Витя с напарником ходили по берегу Волги. После дождей тут было прохладно, хотя река была спокойной. Витя нагнулся и потрогал воду ладошкой, она была теплой. Видимо, вверх по Волге у истоков стояли теплые солнечные дни. С напарником поднялись на набережную, пошли по главной улице к женскому общежитию у пединститута. Из ворот стадиона им навстречу выбежала женщина со страшным криком:

— Из клетки убежал тигр, опасайтесь!

Витя побежал к телефонной будке звонить начальству. Зазвонил телефон на столе Миши, он взял трубку, на том конце послышался взволнованный голос:

— Из цирка убежал тигр!

— Вот и хорошо придумал, Витя. — Сам подумал, что надо бы поощрить Витю за смекалку.

— Куда собрался, Миша?

— Куда-то далеко, Миша, только одно не надо, только одно не надо!

— В чем дело, Миша, говори, не стесняйся, мы же свои люди!

— Гости принимаешь, Витя?

— Обижать, Миша, я ведь тебя старался, во-первых, ты ведь...

— Яма не пахнет перфором, но ты котла доставляешь, с кем-то...

— Ниша заглянул паке. — Не пугай, он пошел в туалет, он боится...

— Мое, еще продолжай, о чем ты говоришь?

— Ты же сам в это ввязался, в бумажке бумажке, кто-то проку...

— Миша подошел и оторвал. Зашел это по какой-то...

— Почему, дальше можешь объяснить, — он вынул из...

— Вот сейчас, вот сейчас, так они разговаривали, так и...

— Можешь этот вопрос задать, можешь задать, можешь...

— Расписался в журнале, что он подписал, что он подписал...

— У меня в руке одна пачка, Витя, поговори, поговори...

— Верно, все, сад читай книгу.

Совість

Сегодня стояло прекрасное утро. Наконец настал солнечный день лета. Как надоели майские холодные дни с непрерывными дождями. Наверное, горькая редька так не надоедает, как эта сырая погода.

Под конец погода восстановилась, небо было голубое, чистое, без единого облачка. Солнце грело отсыревшую землю, и от нее заметно шел пар.

Народу на автовокзале было мало. И автобус оказался полупустым. Этого можно было и ожидать в середине недели. Свободные от работы люди, видимо, отправились на пляж на берегу Волги, или находятся на дачах и, не вылезая, живут там. С таким никудышным правлением из Москвы народу живет все хуже и хуже. Дальше уже некуда, нищенствует народ, тихий по своему роду и не ожидающий помощи со стороны в этой беспредельной и бардачной современной жизни России. Помнит Витя, как раньше автобус всегда был набит битком. Народ был весел, жил и не тужил о предстоящем дне. А теперь одни кислые лица и тяжелые вздохи о прошлой жизни. Даже жалко смотреть, как вымирает народ на корню.

Витя вытер пот со лба платком, открыл окна с обеих сторон, чтобы создать сквозняк в своей кабине. Тем не менее от двигателя шло тепло. Он заранее запасся квасом, держал его в термосе, который сохранял прохладу. Когда высыхал рот, Витя делал несколько глотков из термоса и тем утолял жажду. По пути приходилось останавливать на остановках, набирать пассажиров, затем высаживать их по требованию ближе к их населенным пунктам. Проехал развилку в сторону Красноармейска. А ехал он в Калинино. У обочины стоял мужчина и махал рукой, чтобы посадили его. Пришлось остановить автобус и забрать пассажира. Мужчина оказался высоким и здоровым, ему пришлось пригнуться, когда входил в дверь, к тому же был он загорелым в отличие от местных жителей.

— Спасибо, водитель, что посадил меня, дай Бог тебе здоровья.
— Он отдышался, вытер голову платочком. — В такую жару не хочется ходить пешком. — Сев на переднее сиденье, спокойно расплатился за проезд. Витя подал ему билет со сдачей с мелочью.

— Да ну тебя, не нужно сдачи и билета.

Витя положил билет обратно в сумку. Про себя подумал, что в Калинино пообедает в столовой на эти деньги.

— Фу, какая жара сегодня, а обычно я хожу пешком. Мне ничего не стоит пройтись километров десять.

Снял с плеча полевую сумку, положил рядом с собой, опрокинулся на спинку сиденья. Расстегнул пуговицы рубашки, махая рукой, дул себе под рубашку, особенно дул в подмышки. Редкие пассажиры пристроились у окон. Все молчали, никому не хотелось разговаривать в такую жару. Только было слышно, как ритмично работал мотор. На остановках мотор ревел, набирая скорость. С одной стороны дороги колосилась пшеница, а с другой стороны рос горох. Зелень радовала глаза. Подъехали к деревне Мачамуш, улица которой выходила прямо к трассе. Было красиво, как ровно стояли столбы на улице деревни. Отсюда внизу виднелось Калинино. Доехав до места, Витя высадил пассажиров и поставил автобус около столовой. Она находилась в длинном одноэтажном деревянном здании с крыльцом. Здесь готовили хорошо, всегда приятно было тут поесть, блюда на выбор, особенно нравилось шюрбе из баранины, наваристое, густое с внушительным куском мяса.

Насытившись, Витя шел довольный к автобусу. По расписанию ему еще рано было отправиться в обратный рейс, в запасе было еще полчаса. Отогнал автобус в лесок. Здесь было прохладно и свежо, солнечные лучи не проникали сквозь густые листья деревьев. Пели птицы, была такая благодать, что приятно было слушать их трели. Аж голова кружилась от обилия кислорода. Автобус стоял в тени под высокими деревьями. Витя распластался на сиденье автобуса, предварительно раскрыв двери. Тут он почувствовал что-то твердое под собой. Оказалась сумка того пассажира, которого он посадил недавно. Видимо, здоровый мужчина забыл ее. У Вити мелькнуло в голове, что нужно срочно вернуть сумку хозяину. Он быстро завел машину и поехал в сторону Вурнар. Проехал с километр, но того мужчины не было видно. Развернулся, спустился в Калинино и поехал в сторону Шумерли, проехал поворот и выехал на прямую трассу. И здесь не было видно того мужчины. Витя повернул автобус в сторону Аликово. Но и тут не видно было того здорового мужчины, попадались одни женщины. Он посмотрел на часы и повернул автобус обратно в сторону Калинино. Подходило время его рейса, он еще никогда не нарушал своего графика. Уже некогда было думать об оставленной мужчиной сумке, он ее закинул под свое сиденье. К автовокзалу подъехал вовремя, для успокоения души еще раз прошелся по автовокзалу, но того мужчины ниг-

де не было видно. Витя подошел к кассе узнать, сколько билетов продано и забрать путевку. Оказалось, что билеты проданы не полностью. Он пошел к автобусу. Здесь без него открыли двери, и салон был забит полностью, негде яблоку упасть, несколько человек торчали в дверях.

– Так, граждане пассажиры, кто имеет билеты, оставайтесь на местах, а у кого нет билета, прошу выйти из автобуса, иначе не тронусь с места. Сами себя только будете задерживать.

Но никто не желал выходить, все стояли как вкопанные, начали ворчать.

– Только зашли и устроились удобно, а теперь прикажете выходить?

– А мне что, пробираться между вами, вы же видите, какой у меня габарит?

– Здоров как бык.

– Смотрите, сами себя задерживаете, да еще в такую жару.

– Вот и поехали быстрее, нечего задерживаться по пустякам.

– Кто там такой уж больно шустрый?

В ответ молчание из салона.

– Чем быстрее выйдут безбилетники, тем быстрее поедem, а по пути ветер будет дуть в окно, появится прохлада.

Ворча, люди начали выходить из автобуса. Некоторые матюгались нехорошими словами.

– А матерщиков я вообще не посажу.

Тут сразу все замолчали, видя, что водитель не шутит, вид у него был очень серьезный. Вите самому не хотелось задерживаться, он закрыл заднюю дверь и пробежался между рядами, проверяя билеты. У кого не было билета, прямо за руку выставлял за дверь.

– Выходите, для всех одинаковые правила.

– Да ну вас.

Некоторые сильно сопротивлялись, никак не хотели выходить.

– Давайте, не задерживайте автобус. От вас зависит, когда мы поедem.

Все-таки безбилетники постепенно начали выходить, кто бурча, кто ворча, недовольно поглядывая на Витю. Он вышел с передней двери и начал обилечивать пассажиров, пропуская поочередно в салон автобуса, люди заходили довольные, улыбаясь. Витя быстро справился с обилечиванием и вскоре тронулся в путь, повез лю-

дей в сторону Чебоксар. Сидя за рулем, он слышал разговор двух женщин, сидящих рядом с кабиной.

– Вот какой молодец водитель, шустро справился с людьми.

– Да, обычно смотришь, копошатся, канителются, еле справляются, обилечивая слишком долго.

– Ты права, Аня.

Женщина держала на коленях сумку, она скользила там, и она обеими руками прижимала ее к животу. Что помоложе спокойно придерживала сумку одной рукой.

Водителю то и дело приходилось останавливать автобус и высаживать людей. До Ишаков автобус почти опустел, стоящих на ногах в салоне уже не было, да и сиденья не все были заняты. Витя больше уже не останавливался на остановках, хотя народу там было полно. Для них ходили свои автобусы. А им категорически запрещалось останавливаться, таков был приказ администрации.

Доехав до автовокзала в Чебоксарах, Витя высадил пассажиров и зашел в диспетчерскую узнать, какая разрядка ожидает его в дальнейшем. Его отправили по другому маршруту, совсем в другую сторону. А он надеялся повторить рейс, чтобы увидеть того мужчину. Но, видно не судьба.

Сделав еще один рейс, он завершил рабочий день, сдал деньги в кассу, поехал в гараж и поставил автобус на его обычное место. Утром, выезжая из автобазы, вспомнил про полевую сумку. Открыв ее, в первом отсеке обнаружил тетрадь, на первой странице которой был список, кому и сколько должен был выдавать мужчина деньги. Во втором отсеке пачками лежали червонцы, полсотенные и сотенные купюры. Витя посчитал деньги, там оказалось пять тысяч восемьсот шестьдесят рублей. Положив их на место, снова закинул сумку под сиденье. Витя подумал и решил завтра попросить диспетчера отправить его по этому маршруту и не снимать с него пока. Он надеялся все же встретить того мужчину и вернуть сумку. Он наверняка выйдет на свою остановку и будет ждать Витин автобус.

В первый день этот здоровенный мужчина не вышел на дорогу. Во второй день тоже не было видно его. Так прошла неделя, а мужчина все не показывался. Незаметно прошел месяц, того не было на горизонте, Витя сам бы с радостью отнес сумку, но не знал адреса. Сумку всю размусолил под сиденьем, подумывал было даже выкинуть ее по дороге, но рука не поднималась на такое, появилось же-

ление оставить ее дома. Он все надеялся, что мужчина когда-нибудь да выйдет на дорогу, и Витя вернет ему сумку.

Сломался автобус, полетела коробка передач. В такую жару стерлись зубцы у ведущей шестеренки. Видимо, мало было масла, проглядел. Витя чувствовал вину за собой. Над было ремонтировать, чем быстрее, тем лучше для себя. Подходил отпуск по графику. Но начальство ни за что не отпустит, пока транспорт не будет на ходу. Чтобы слесаря отремонтировали быстрее и качественно, их надо угощать спиртным. У Вити не было своих денег, он вспомнил про полевую сумку и достал оттуда деньги на водку, надеясь, что с полочки положит обратно деньги.

Ремонт длился долго, слесаря были в дефиците. Половина отпуска ушла на ремонт. Пришлось Вите еще раз взять из сумки сотню рублей для угощения слесарей. Наконец, закончив ремонт автобуса, Витя со спокойной душой ушел в отпуск. Получив зарплату и отпускные, полностью отдал жене, брат ее строил дом, и деньги позарез были нужны на покупку кирпича и стройматериалов. Никого не дожидаясь, после обеда жена уехала в свою деревню. Денег оставила мало, но хватило с мужиками как положено отметить отпуск. Остался Витя ни с чем, карманы были пустыми. Хотел занять у соседей, но никого не застал дома, все где-то отдыхали, или были на работе. «Что я мучаюсь?» — подумал Витя и достал деньги из полевой сумки. В деревне ждала жена, надо было помочь шурина строить дом, не задумываясь он захватил с собой полевую сумку и поехал в деревню. Здесь у шурина каждая копейка была на счету. Больно-то не разойдешься, в этом доме все было подконтрольно женщинам. Исподтишка от прокурорских женских глаз Витя с шурином все же похмелились на доставленные из сумки деньги. С утра жена не давала выпить ни грамма спиртного, а у Вити раскальвалась голова.

— Я не пойму, Витя и брат, вы постоянно ходите выпившими.

— С этой работой без выпивки становишься пьяным.

— Врете, однако, но никак не пойму, когда и где успеваете выпить, в доме вроде все на месте?

Оба улыбнулись, но ничего не сказали. Когда ходили пить воду, из сапога доставали бутылку водки и пили прямо из ковша, наливая каждый себе. Пили вроде как воду эту водку.

Так незаметно прошел отпуск, которого ждешь целый год. Зато стоял большой каменный дом с крышей из оцинковки, блестя на

солнце белизной. Дом получился красивым, всем на загляденье, такого больше не было в деревне. Тут в деревне Витя работал вместо отдыха, в конце сунул руку в сумку, а там пусто, успели все пропить. Возвратился домой трезвый как стеклышко. Пошел на работу со свежим видом и привычно сел за руль.

Потихоньку голову начали одолевать мысли о потраченных деньгах, на душу капала совесть. С каждым днем совесть мучила все больше и больше. Теперь по ночам Витя спал беспокойно, мучили кошмары во сне, он несколько раз вскакивал за ночь. Дошел до того, что его совсем замучила совесть, не досыпался, на работу шел опухшими глазами. На него косо посматривало начальство и с удивлением и водители. Проверяла медсестра, но с Витей было все нормально, и она подписывала его путевку, выпускала на линию. Ничего не понимая, многие мотали головой. Друзья попытались поговорить с ним, но он ни с кем не шел на контакт, все молчал. Так же молча делал свое дело, отрабатывал смену. Задумавшись о злополучной сумке, чуть было не допустил аварию на дороге. Такое повторилось несколько раз в рейсах, только чудом избегал аварий. Раньше такого никогда не было. Решил, что это дело не шуточное. Чтобы совсем не замучила совесть, он тайком от жены начал откладывать каждый месяц деньги в сумку. За год сумел собрать требуемую сумму, не слишком уж ущемляя семью.

Витя специально взял отпуск и отправился искать хозяина сумки по деревням, где он мог проживать. Вышел из автобуса на Красноармейской развилке. Пешком пошел искать в близлежащую деревню, спрашивал у жителей:

– Будьте добры, вы не знаете, где живет такой здоровый мужчина, загорелый под солнцем и ветром, крепкий как дуб?

– К сожалению, не знаем, – отрицательно кивали головой деревенские жители этих мест. – Ты бы хоть имя сказал.

– Понятия не имею, только раз видел-то человека.

– Уму непостижимо, как ты собираешься его найти? – Улыбались, кивали головой крестьяне.

Пришлось Вите обходить всех здоровенных мужчин в округе. Уже третий день колесил он по населенным пунктам. Сегодня с утра люди направили его к очередному здоровенному мужчине. Подошел к красивому дому с резными узорчатыми наличниками. Открыв калитку Витя удивился: нашел подконец того, кого искал, тот находился как раз во дворе.

– Вам кого надо, мужчина?

– Вы что, разве забыли меня? – приветливо улыбнулся Витя, довольный тем, что его поискам пришел конец.

– Я вас совсем не знаю, гражданин.

– Припомните пожалуйста, вы как-то ехали в моем автобусе из Чебоксар.

– Все равно не припоминаю вас.

Витя вытащил из пакета полевую сумку.

– Вы сидели в первом ряду за моей спиной, потому не видели, может быть, моего лица и могли не запомнить меня.

– А я думал, куда могла подеваться моя сумка? Нужно было раздать людям деньги. – Он потер свой лоб, почесал лохматый затылок. – Да, я тогда много пережил, появилась седина в волосах. – Положив инструмент, сел на доски. От стружек пахло свежим деревом. – Пришлось выкручиваться, снять деньги со сберкассы, занять у знакомых людей и раздать рабочим. – После короткой паузы с грустью сказал: до сих пор никак не могу рассчитаться со знакомыми, совестно смотреть им в глаза. – Он открыл протянутую Витей сумку. Вся сумма была на месте.

– Что же вы не выходили на ту остановку?

– Я же говорю, что не помнил, где оставил сумку, то ли солнечный удар случился?

– Я ведь вас еле разыскал.

– Спасибо тебе, дорогой человек, – по-мужски крепко обнял, в нем чувствовалась сила.

– Проходи в избу, ты для меня сегодня самый дорогой гость.

Угостил шыртаном, мясом, напоил хорошим домашним пивом, таким пенистым, что приятно было верхней губе. Положил в две сумки гостинцев. Напоследок в карман Вити сунул тысячу рублей. Душа Вити только теперь успокоилась, как будто скинула с себя тяжелую ношу. За последнее время впервые спокойно заснул, больше не мучили его кошмары.

Валя

Поезд мчался быстро, колеса стучали о стыки рельсов. Володе казалось, что они стучат: «Скорей, скорей, скорей».

Глядя в окно, он не мог оторваться от красот родного простора. В душе чувствовался прилив окрыленности. Мелькали стройные белые березы, попадались между ними и могучие сосны. Пейзаж меняли черные дубовые рощи и орешники под высокими деревьями. Где лес кончался, начинались посадки, а там – разнообразные маленькие дачные долины. Вот показались и жилые дома поселка Лапсары, затем строения Чувашгражданстроя, автобазы, авторемонтного завода, Дома печати. Поезд сбавил скорость, медленно подкатил к вокзалу.

Володя спохватился, пора было на выход. Чемодан давно уже был подготовлен к этому. Он подхватил его за ручку и устремился к

выходу. В тамбуре пришлось подождать, пока поезд окончательно остановится. Вот завизжали колеса, звякнули буфера вагонов. Появилась проводница, совсем еще молоденькая, по-привычному машинально распахнула дверь. Володя выпрыгнул первым на родной асфальт перрона. Он жадно глотнул привычный с детства воздух, по которому очень скучал за все эти годы разлуки. Как бы там ни было хорошо за границей, все равно не сравнишь с родным городом.

Володю никто не встречал. Он специально не дал телеграмму и не оповестил никого о своем приезде. Хотел сделать матери сюрприз. Он, не чувствуя ног, с тяжелым чемоданом выскочил на при вокзальную площадь. Мать недавно писала, что получили новую квартиру на Северно-Западном районе, куда надо добираться на автобусе пятнадцатого маршрута, доехать до конца, как выйти, так сразу повернуть направо, пройти мимо пивного киоска и там на- ткнешься на новый дом.

Вот Володя уже у двери, незнакомой еще ему, новой квартиры. Тихонько нажал на кнопку звонка. Никто не подходил к двери. Он позвонил требовательней. За дверью послышалось шарканье ног. Открылась дверь и за ней показалась мать. Увидев сына, она зас- тыла, не могла сказать ни слова, стояла, как вкопанная. Володя не стал дожидаться приглашения, ступил за порог, поставил чемодан, обнял маму и поцеловал в лоб.

– Ну мать, принимай гостя.

Она от радости расплакалась.

– Ты что, мама, надо радоваться приезду сына, а ты плачешь.

– Это я, сынок, от привалившегося счастья не удержалась.

Она взяла сына обеими ладошками за щеки.

– Дай-ка посмотрю на тебя, моя кровинушка.

Она все не отпускала ладони от его щек. Вдруг опомнилась.

– Да что я тебя держу у порога-то, пойдем, сынок.

– Все нормально, мама.

– Пойду на кухню, что-нибудь приготовлю на скорую руку.

Володя промолчал, только улыбнулся в ответ.

– Ты, наверное, устал с дороги, иди в зал, отдохни на диване.

Мать направилась в кухню. Как она похудела, пока он отсут- ствовал. Володя разулся, разделся и пошел следом.

– Мама, может, чем помочь?

– Не надо сынок, это мне в радость чем-то услужить тебе. Да и не мужское дело торчать на кухне.

– Мне хотелось как лучше.

– Все готово, сыночек, иди к столу.

От аппетитного запаха еды в желудке засосало, чуть ли не потекли слюни. Володя с дороги проголодался, с утра во рту не было ни крошки. В Москве некогда было ходить по буфетам.

Мать хлопотала, все подавала еду под руку.

– Мам, сядь со мной рядом.

Мать тихо и плавно присела напротив, с любовью глядела на сына. Своей шершавой, но мягкой и теплой ладонью поглаживала сына по голове. Такой теплой материнской ласки Володя не ощущал давно. А мать все ласкала и глядела на сына. Глядела и замечала в нем перемены. Каким большим стал, совсем мужчина. Раздался в плечах, сильно выделялись черные брови. А глаза-то, как у отца, как у моего Алексея. Был бы жив, очень удивился бы, как они схожи, ну, как две капли воды. Помню, таким возвратился Алексей домой после войны, но в отличие от сына, грудь его вся была в орденах и медалях. Сапоги лакированные начищены до того, что в них играло солнце.

Провожала его на фронт одна. Встретила после войны, держа дочь за руку. Затем родился сын Володя. Алексей не мог нарадоваться семейному счастью.

– Мама, мам, ты меня слышишь?

Володя слегка тронул мать за плечо. Та вздрогнула от неожиданности, растерянно подняла голову, глаза ее были рассеянными.

– Да, сынок. Вот вспомнила отца твоего. Ты уж извини за старческую рассеянность.

– Да будет тебе, мама, оправдываться, не стоит об этом говорить.

Володе хотелось узнать, чем же занималась мать в последнее время?

– Мама, чем ты занята в настоящее время.

– Я, сынок, второй год на пенсии. В первое время не могла найти себе места. И тебя не было рядом. Хорошо хоть, что была у меня подруга давняя, с ней и проводили время, не то с тоски можно окочуриться.

– Теперь заживем весело.

– Дай-то Бог.

– А как со здоровьем?

– Ничего, сынок, не жалуюсь. Правда, болели почки. Подруга

посоветовала есть много арбуза, последовала ее совету, и вроде стало легче.

По ее виду можно было догадаться, что в одиночку она тосковала и много переживала, под глазами висели мешки.

– Сестра часто навещает?

– Нет, ни разу не была, она совсем забыла меня, лет пять уже не показывалась.

Мать сразу закрустила.

– Душа болит, хочется видеть ее. Ходила на улицу Ленина, наблюдала за ней издали, когда она шла на работу. А подойти к ней сил моих не хватает.

– Да ладно, мать, переживать за нее, она прекрасно устроена, муж ее министр.

Володя обнял мать за плечо, поцеловал в лоб.

– Поживет-поживет одна без родственников и поймет свою глупость и гордость. Когда станет трудно ей, прибежит к матери же. Куда же больше денется?

Мать старалась не показывать вида, что переживает за дочь, но никуда не денешь грустные глаза. Вот уродилась такая холодная бессердечная сестра. Но в кого она пошла? Говорят, что в роду никого не было, как эта Ира.

Володя наелся досыта. Помог матери убирать со стола, помыть посуду. Закончив, пошли в зал. Мать сразу же села в кресло, видимо, чуток утомилась. Володя знакомился с новой квартирой, ведь он тут первый раз. Когда все осмотрел, хотел было сесть на диван, но вспомнил про подарки. Принес из прихожей чемодан, положил на диван и открыл. Сверху лежал большой сверток. Это был подарок для самого дорогого любимого человека в жизни – матери. Он преподнес ее матери.

– Что это, сынок?

– Мам, а ты разверни и узнаешь.

Это был шерстяной костюм, состоящий из юбки и кофты. Мать надела их. Оказалось, что костюм сшит точно по ней.

– Молодец, сынок, все в меру.

– Стараемся для блага матери.

Мать сразу преобразилась, превратилась в другую женщину, помолодела на несколько лет. Взглянув в зеркало, улыбнулась, обняла сына и поцеловала.

– Спасибо, сынок.

Володя был доволен, что угодил матери, порадовал ее. Остальные вещи Володя с плечиками повесил в шифоньер. На дне чемодана обнаружился еще один большой пакет. Это подарок для Вали, для любимой девушки. Оставив чемодан на диване же, направился к телефону, набрал знакомый номер. За последний год Валя что-то редко писала, а в последние месяцы совсем перестала писать. В трубке послышался женский голос:

– Ало, слушаю Вас.

Сердце Володи застучало сильнее, дыхание перехватило, язык не поворачивался. Он еле выговорил:

– Валя, это я.

– Володя, ты?

– Да, моя любимая.

Валя молчала, только слышно было ее беспокойное дыхание.

– Хорошо, что тебя застал. Звонил с вокзала, но трубку взял какой-то мужчина, который ответил, что тебя нет дома.

Ответа не последовало. Володя заподозрил неладное.

– Надо бы встретиться с тобой, Валя.

– Я согласна, прямо сейчас подъеду к магазину «Чебоксарец».

Сразу же последовали гудки. Валя вела себя странно. Володя забеспокоился. Но спокойно подошел к матери, поцеловал ее в щеку.

– Мам, я пройдусь немного по городу.

– Иди-иди, неугомонный, разве удержишь тебя около себя.

Махнув прощально рукой, Володя ушел. Мать опять осталась одна. Жди теперь, когда он придет, беспокойся, как бы что с ним не случилось. Ей захотелось, чтобы он скорей женился и подарил внуков. Интересно, какими же они будут? Лежала как-то раз в больнице и думала, что вот приберет ее Господь Бог к себе, и она больше никогда не увидит сыночка и никогда больше не сможет любоваться белым светом. Но Всевышний внял ее молитвам и пожалел ее, старую, и дал здоровье еще на какой-то срок. Думая так, она мирно дремала в кресле.

Володя пешком добрался до места встречи. Посмотрел по сторонам и увидел ее возле киоска, эту высокую, стройную, худощавую, до боли знакомую фигуру. Она нетерпеливо ходила взад и вперед, жадно посматривала на прохожих, ждала его. Люди выходили из транспорта на остановке «Роща» и по тротуару шли в сторону магазина «Чебоксарец». А Володя шел с другой стороны. Наконец, повернувшись, Валя заметила Володю, застыла на месте. Чуть при-

открыв рот, как маленькая, она моргала длинными от природы ресницами. В ее знакомых больших серых глазах он заметил тревогу. Он невольно замедлил шаг, но все же подошел и поцеловал в губы, как прежде.

– Ну, здравствуй, моя ненаглядная, любимая и желанная.

– Ой, Володя, тебя трудно узнать, вон как возмужал.

Сама прятала от него глаза, не могла прямо смотреть ему в глаза. Опасения Володи, видимо, оправдались. С ней что-то произошло, в ней не чувствовалось той прежней беспечности.

– Валя, почему ты не писала мне в последние полгода?

В ответ ни слова.

– Я подумывал было, что с тобой стряслась какая-нибудь беда и ты находишься в больнице. А ты, оказывается жива и здорова.

Валя не смела поднять на него глаза, низко опустила голову. Но нежно взяла Володю за руку.

– Пойдем, я тебе все объясню.

Повела через дорогу в дубовую рощу, называемую в народе Гузовской. Остановились около широкого дубового пня.

Здесь в любое время года было хорошо, но летом – особенно, когда вокруг все в зелени. Сейчас как раз была та пора. Сели на пень. Валя тяжело вздохнула, расположилась к нему боком, чтобы не видеть его пытливые глаза.

– Володя, слушай меня до конца и не перебивай, хотя и будет тяжело воспринимать то, что я сообщу.

Она, выжидаяще, сделала небольшую паузу.

– Я уже заканчивала последний курс в институте, когда стал ухаживать за мной однокурсник Владик. Я ему не скрывая прямо в лоб говорила, что у меня есть жених и зовут его Володей. Как говорят, отрезала сразу. Но он оказался настырным. Все время упорно твердил, что необязательно ходить с кем-то вместе и думать о близких отношениях. Можно просто оставаться друзьями. С этим я соглашалась. После занятий он упорно продолжал провожать меня домой. Если приглашал меня в кино или театр, наотрез отказывалась.

Валя встала, прошлась вокруг пня, опять села.

– Сдавала сессии на отлично. Защитила дипломную работу. Настал день, когда назначили выпускной вечер. Я не хотела идти туда без тебя, Володя. Сидела одна дома. Но вот звонят в дверь и вваливаются гурьбой девчата. «Почему ты не готова?» – спрашивают

наперебой. Я не стала ничего объяснять, их было много, разве каждой по отдельности объяснишь, когда они все одновременно тараторили. Все же уговорили, и пришлось идти с ними на выпускной вечер. Вначале состоялась торжественная часть. Преподаватели поздравляли выпускников с получением диплома. Вскоре заиграла музыка, начался танцевальный вечер. Я кружилась вместе с девчонками наравне со всеми. Радостям не было конца. Постепенно девчонки определились по парам. Я остался сидеть одна у стенки. Вадик пригласил меня на вальс.

Вот и вечер завершился. Тут подружка Тома объявила, никуда не расходясь, что всей компанией поедут к ней, что мать все уже приготовила и ждет их с нетерпением. Мы все поехали к ней продолжить веселье. Стол был накрыт всевозможной едой и снедью, которую не во всяком магазине встретишь. Но родителей дома не оказалось. Видимо, заранее была договоренность не мешать молодежи веселиться. Сели за стол, всем налили шампанского. Подняли бокалы за окончание института. И я осушила бокал, потому что сообща установили дурацкое условие: кто не выпьет до дна, будет стоять на ногах до тех пор, пока не осушит бокал. Мне не захотелось оказаться белой вороной. Так за вечер пришлось опорожнить четыре бокала. Я никогда в жизни столько не пила. Мне захотелось прилечь и отдохнуть. Я пошла в спальню. Но там уже шушукалась пара. Так что не было возможности отдохнуть. Я решила идти домой. Только успела выйти на улицу, как из-под земли появился Вадик. «Дай, – говорит, – я тебя провожу домой». Я промолчала и возражать не стала. Так мы шли молча рядом. Было уже поздно, и транспорт давно уже не ходил. Такси тоже не видно было, да и я не знала поблизости их стоянки. Решив попутно остановить такси, шли пешком. По пути мне стало плохо. Решила чуток посидеть на скамейке в аллее, подышать свежим воздухом. Но не помогло, становилось душно и дурно. Я расстегнула верхние пуговицы, открыла шею, чуть обнажив грудь. Вадик устроился рядом и стал жадно целовать. Дальнейшее произошло как в тумане, тело стало непослушным, обмякшим. Я только потом поняла, что случилось непоправимое. Через некоторое время почувствовала, что беременна. Хотела сделать аборт, обратилась к врачу, но он предупредил, что впоследствии вообще не может быть ребенка, что в последнее время из-за абортот участилась бесплодность.

Я испугалась от его слов. Несомненно, он желал добра. Я зам-

кнулась в себе. Мать что-то подозревала, все рассматривала мой живот. Родители наши были воспитаны по другому. Дома начались скандалы, я не выдержала и решила выйти замуж за нелюбимого Владика. Сыграли свадьбу. Ребенок родился через три месяца после свадьбы. Назвала твоим именем. Официально с мужем живем уже полгода.

Валя замолчала. Наступила тягостная тишина. Растерянный услышанным, Володя не мог вести разговор. Молча просидели около получаса. Валя не выдержала молчанки, посмотрела ему в глаза. Они были такими печальными, что у нее екнуло сердце. Она поняла, что его лучше оставить одного со своими тягостными раздумьями, молча встала и пошла быстрыми шагами в сторону светящихся фонарей.

Володя как сидел в неподвижном положении, так и не шелохнулся при виде удаляющейся Вали. Начал вспоминать, как познакомился с ней.

– Девочка, я раньше никогда не встречал тебя в этом подъезде.

– Да, мы сюда недавно переехали из другого района.

С того самого момента Володя с Валею подружились. По утрам он всегда поджидал ее у подъезда, затем вместе шли в школу, а после уроков – из школы домой. Он был для нее надежным защитником. В год знакомства она ходила в третий класс, а он – в седьмой.

Проходило детство, они крепко подружились, понимали друг друга с полуслова. Володя окончил школу и сразу же поступил в институт. Успешно его закончив, получил диплом инженера. Его направили на новый строящийся тракторный завод. Ему посчастливилось поработать с пожилым опытным инженером Иваном Петровичем, который научил его очень многому, чему в институте и не учат. Володя постепенно освоился в техническом мире. Он, как лотерею, выиграл направление за границу.

Валя тогда училась на третьем курсе института. Провожая его на перроне вокзала, она посмотрела ему прямо в глаза и, вселяя в него уверенность твердо сказала:

– За меня не беспокойся, Володя, я верно буду ждать тебя. В этой жизни кроме тебя, мне никто не нужен.

Эти слова глубоко запали в душу Володи, согревали и обнадеживали за все три года пребывания за границей.

Тогда Валя на перроне стояла со слезами на глазах. А в глазах

Володи была печаль расставания. Они горячо поцеловались. Впоследствии Володя долго ощущал привкус этого поцелуя. В последний момент расставания Володя снял со своей шеи крестик и надел на Валю.

– Пусть он сохранит тебя от всяких напастей и болезней.

Так они расстались. А через три года вон какая встреча произошла. На улице постепенно замедлялось движение, городской транспорт стал ходить все реже и реже. Прохожие встречались изредка. Володя посмотрел на часы – было уже поздно. Володя зашагал по тропинке вдоль рощи в сторону дома. Здесь все было по-прежнему, горели фонари, выполненные под старинку. Создавался прекрасный вид. Но Володя всего этого не замечал, ему был безразличен окружающий мир.

Встретила мать у дверей сияющими глазами и с хорошим настроением. Но увидев состояние сына, сразу же переменялась, на лице обозначилась тревога.

– Что с тобой случилось, мой ненаглядный сыночек, ушел из дома веселым и жизнерадостным, а вернулся подавленным и грустным?

– Да так, мама, ничего не случилось, не обращай на меня внимания.

Чтобы не смотреть матери в глаза, он отвернулся, стал раздеваться и раздеваться.

– Мам, а где мне спать?

– Твое желание, сынок, можешь в зале спать, если хочешь, то спи в спальне.

– Давай, как в старой квартире, в одной комнате расположимся.

Мать разобрала диван, постелила свежую простыню, принесла подушку. А у самой из головы не выходили встревоженные думы. Наверное, с Валею что-то неладно. Какими дружными были прежде, не разлей вода. По пятам ходили друг за другом. Втайне мечтала, чтобы они всю жизнь были вместе.

А в соседней комнате зашуршала бумага. Мать выглянула и увидела, что сын копошится в чемодане. Ей хотелось узнать, где же он сегодня пропадал так долго, но спросить не решалась. Пусть успокоится и сам расскажет.

– Мам.

Она обернулась к нему с тревогой на душе.

– Что, сынок?

Володя стоял опущенной головой, как будто в чем-то провинился, как раньше.

– Валя вышла замуж.

– Интересно, за кого же?

– За своего однокурсника.

Такого худого известия мать не ожидала. С ней стало плохо, и она начала медленно оседать. Володя вовремя подхватил ее и уложил осторожно в постель.

– Где аптечка?

Мать безмолвно показала рукой на шифоньер.

– Дернуло же меня сказать об этом. Хотелось поделиться с кем-то, а получилось вон что.

Открыв дверцу шифоньера, стал шарить по полкам, наконец нашел коробочку с медикаментами. Мигом достал валерьянку. Накапал в ложку, налил в стакан воды и подал матери.

Ночь провели беспокойно. Володя все ворочался из стороны в сторону. Мать не сомкнула глаз. Только к утру чутко вздремнула.

Утром Володя, позавтракав на скорую руку, отправился на тракторный завод. Встретили его хорошо, чуть ли не с объятиями, тепло здоровались и как один интересовались:

– Ну, как съездил?

С улыбкой на лице Володя отвечал:

– Очень хорошо, лучше и не может быть.

На его рабочем месте все было по-прежнему. Тот же старый стол. Только на месте обшарпанного стула стояло кресло-вертушка на колесиках. Володя с энтузиазмом принялся за дело. Настроение поднялось. Сзади послышался стук каблучков. Обернувшись Володя увидел приближающуюся секретаршу начальника Олю, молодую высокую девушку с голубыми глазами.

– Володя, почему не зашел к шефу?

– Да так, не люблю начальству глаза мозолить.

– Там, у Громова, тебя ожидает Иван Петрович.

Володя без слов рядом с Олей пошагал по главному коридору.

– Знаешь, Оля, сначала захотелось посмотреть на свое рабочее место, потом не удержался, взялся за дело.

– Понимаю любопытных и неумных.

Глядя друг на друга, оба засмеялись, как старые друзья. Начали вместе по направлению из института.

В большом кабинете на креслах сидели Громов и Иван Петро-

вич и о чем-то вели беседу, которой так были заняты, что не замечали вошедших. Оля специально громко спросила:

– Можно войти?

– Да!

Повернув туловище наполовину, начальник остался сидеть на месте.

– Садись, молодое поколение, что же это ты, заставляешь ждать, на проходной давно уже сообщили, что ты явился. Седоволосый, с полуулыбкой веселыми глазами смотрел на молодого инженера.

– Пока отдыхай, Володя, отгуляй свой положенный отпуск.

Громов, встав с кресла, похлопал инженера по плечу.

– Молодец, Володя, тебя тут никак не нахвалит Иван Петрович. Вот мы и решили повесить тебя в должности.

Посмотрел на настольный календарь и на часы.

– Ну мне пора, надо идти в заводоуправление на совещание.

Володя с Иваном Петровичем направились к выходу, вышли на улицу. Тут нарушилась кабинетная тишина шумом проезжающих машин.

– Володя, без всяких возражений пойдем ко мне, посидим, расслабимся.

– Честно говоря, нет никакого желания сидеть за столом.

Сам улыбался добрыми глазами.

– Разве Вам откажешь, такому исключительному человеку, доброму, внимательному учителю.

Чуть ли не в обнимку, тесно прижались плечом к плечу, пошли к остановке, ведя дружеский разговор. Сели в троллейбус первого маршрута. Вскоре добрались до места. В квартире никого не было.

– Проходи, располагайся, будь как у себя дома.

Иван Петрович включил проигрыватель, поставил пластинку, и полилась чувашская народная песня, нежная мелодия, захватывала душу. Не слышавший ее три года, Володя даже прослезился.

Сам хозяин ушел в другую комнату, вскоре принес на подносе еду: салат, аккуратно порезанный шыртан, хлеб. Из бара достал коньяк и рюмочки с широкой горловиной. Сели за стол и повели задушевную беседу.

– Володя, у меня две дочери, старшая вышла замуж, младшая живет с нами.

Иван Петрович внимательно посмотрел на Володю и серьезным тоном сказал:

– Я не прочь, если бы ты поближе познакомился с ней. Почему я это говорю, потому что ты правильно воспитанный человек. Я в этом убедился. Хочется, чтобы младшая дочь была счастлива.

– Не знаю, что и сказать в первом же разговоре на эту тему.

– Ты не говори сейчас ничего. Увидите друг друга, пообщаетесь. Если сойдетесь, то живите себе на здоровье.

Положив руку на плечо Володи, Иван Петрович ласково сказал:

– Привык я к тебе, Володя, как к родному сыну, обоим хочется одинакового добра.

– Видно будет, Иван Петрович, время покажет.

– Нам уж старикам больно много не надо от жизни.

В это время в прихожей щелкнул замок, хлопнула дверь. Появилась девушка с длинными волнистыми волосами. Молодое личико было нежным, по-своему красивым. Была она в простом ситцевом платье, под которым заманчиво выпирали груди, выделялась стройная фигура, красивые ножки.

– Папа, ты дома?

– Да, моя радость.

Она сняла с ног босоножки.

– Пройди, пожалуйста, сюда.

Она прошла в комнату, присела на диван.

– Слушай, Таня, у нас гость.

– И что из этого?

– Мы с ним на заводе работаем вместе, относимся друг к другу доброжелательно. Вот он вернулся из-за границы.

– А ты, папа, про него мне рассказывал.

– Вот и хорошо, что не забыла.

– Папа, я пойду на кухню, проголодалась, очень хочу есть.

– Иди, иди, дочка, если тебе с нами скучно.

Таня скрылась за дверью. Иван Петрович прошептал Володе на ухо:

– Иди, поговори с ней, она, видимо, стесняется перед отцом.

Володя молча пошел на кухню. Таня сидела за столом и пила чай. Перед ней в вазе лежали конфеты и печенье.

– Таня, может, прогуляемся?

– Подумаю.

Володе показалось, что она небрежно посмотрела на него.

– Если так, то я пошел обратно к твоему отцу.

Он вышел из кухни и вновь устроился на прежнем месте. Иван Петрович испытующе посмотрел на него.

– Интересно, почему так скоро вернулся?

– Да ну ее.

Сделав недовольное лицо, он с досадой махнул рукой. Больше к этой теме не возвращались. Сидели вдвоем, обсуждали заводские дела, говорили о технических новшествах, усовершенствовании производства.

Между разговором Володя заметил, как Таня несколько раз промелькнула в дверном проеме, зыркала глазами в их сторону. Володя засобирился домой, попрощался с Иваном Петровичем. Было хорошо после нескольких рюмок коньяка, настроение улучшилось. Он не спеша спустился к выходу из подъезда. На улице дышалось легко свежим воздухом. В ожидании чего-то он постоял перед подъездом. Тут он услышал стук каблуков на лестничной площадке, кто-то явно спускался вниз. В дверном проеме показалась Таня. Она вся была в парадном наряде, разукрашенная и расфуфыренная парфюмерией. Издали казалась нормальной, но вблизи бросались в глаза излишки кремов, лаков и красок.

– Разве нормальные люди так делают: сначала пригласят, а потом сидят себе спокойно, как ни в чем не бывало?

– Таня, мне показалось, что ты отказываешься пройтись со мной.

– Ты бы хотел, чтобы я, даже не познакомившись как следует, пошла сразу же с первого раза?

Володя стоял как провинившийся школьник, которого строго отчитывают.

– Где девичья гордость, если я тут же без возражений пошла бы с тобой? Ты бы сам не стал уважать такую.

– Если так, то я еще раз приглашаю тебя прогуляться со мной.

Протянул руку, пропустил вперед себя. Направились вдоль детской площадки. Медленным шагом через дорогу вышли к лесопарку. В углу строился какой-то дом из кирпича.

– Что здесь будет?

– Дворец культуры тракторного завода.

– Вот и хорошо будет горожанам в вашем районе жить.

Медленно гуляли по лесу. Тут было прекрасно, не хотелось покинуть этот уголок природы. Пробыли тут до тех пор, пока солнце не скрылось за горизонт. Так состоялось знакомство Володи с Таней.

Нагулявшись, сидели около подъезда на скамейке. Вокруг не было никого. Володя несмело и осторожно обнял Таню. Она не сопротивлялась. Тогда он набрал храбрости поцеловать ее. Затем еще и еще раз! Ему почудилось, что он целует не Таню, а Валю. И это чувство взбудоражило целовать девушку без конца и засос.

С Новоужного района Володя домой возвратился на такси. Время было за полночь. Тем не менее мать не спала, сидела и ждала его.

— Сынок, так больше не делай. Неужели тебе трудно было позвонить и предупредить, что вернешься тогда-то, ведь на каждом углу есть телефоны-автоматы?

— Мама, прости меня. Я сегодня столько радостей получил, что затмило все это меня, и я запамятовал о тебе.

Володя нежно поцеловал мать в щеку, с которой сразу же сошла вся озабоченная строгость.

— Такого больше не повторится, мама. В следующий раз обязательно сообщу.

— Да хватит тебе паясничать, сынок.

У Володи закрывались глаза, сделались сонными.

— Вот догулялся. В детстве, бывало, набегаешься за целый день, и приходилось снимать с тебя рубашку и штаны с полусонного.

От усталости Володя плюхнулся в постель, быстро заснул и до утра не шевельнулся ни разу. Спал крепким мужским сном.

Утром его разбудил звонок в дверь. Мать пошла открывать. Из прихожей Володя услышал знакомый голос. А в ответном голосе матери чувствовалась нескрываемая радость. Володя не заставил себя долго ждать, быстро натянул на себя спортивное трико и вышел к женщинам. Валя уже сидела на стуле и разговаривала с матерью. Мать заметила, как взглянули молодые друг на друга. Поняв ситуацию, мать начала искать свою хозяйственную сумку.

— Пойду-ка схожу в магазин, заодно загляну к своей подружке, давно не виделись.

В прихожей мать задержалась.

— Сынок, ты будешь дома? А то я ключи не беру.

— Да, мама.

Торопясь, мать вышла из квартиры. Молодые остались одни, стояла утешающая тишина. Несмотря на тягостное объяснение в роще, они смотрели друг на друга с нежностью, прежние неугасимые чувства притягивали их. Как прежде бывало, Валя присела

Володе на колени, жарко обняла его. Разум у обоих затуманился, они не задумывались, что происходит с ними, полностью отдались воле нахлынувших чувств. Весь день безумно провели вместе. Мать заявила под вечер. Валя сразу заторопилась.

– Пора и честь знать, да и ребенка надо накормить.

– Валя, зачем тебе уходить? Ребенка можешь взять сюда.

– Что подумает твоя мать?

– Моя мама будет очень рада.

В ответ Валя ничего не сказала, вся в слезах опростелась вышла из квартиры.

– Не пойму я этих женщин, на что обиделась сейчас Валя?

Расстроенный, Володя пошел в зал, откупорил бутылку коньяка, выпил рюмочку для успокоения и восстановления сил после бурно проведенного дня. Закусил кусочком шоколада и прилег на диван. Он был выжат до конца и ему не хотелось двигаться.

В тот день Володя понял, что, кроме Вали он уже никого не может полюбить так страстно. Переживая и страдая, он провел беспокойную ночь. Под утро крепко заснул. Проснулся тем, что кто-то теребил его за руку.

– Вставай, соня, а то проспичь все на свете.

Перед кроватью стояла Валя, в одной руке держала ребенка, другой рукой теребила его. Протерев глаза, он все понял и быстро вскочил на ноги.

– Володя, сходи, пожалуйста, вниз, принеси вещи.

У подъезда стояла такси. Володя расплатился с водителем, затащил четыре чемодана домой. В доме воцарилась новая обстановка, новые отношения. Все были удовлетворены создавшимся положением вещей. Мать на скорую руку накрыла праздничный стол.

– Давайте, это радостное событие отметим шампанским, – предложил Володя, доставая бутылку.

Женщины зажали уши, чтобы не слышать выстрела пробки.

– Не бойтесь, сделаю маленький хлопок.

Так не получилось. Пробка шумно вылетела, стукнулась о стекло, послышался звон. Несмотря на это, Володя стоял спокойно и из-под пальцы выпускал воздух. Мать успокаивая сказала:

– Это к счастью, когда бьется в таких случаях что-то, конечно, кроме зеркала.

Володя уже разливал по бокалам шипучее вино. Так они отметили свадьбу молодых.

Через два дня в прихожей раздался длинный требовательный звонок. «Кто может быть? – подумал Володя, идя к двери. – Вроде все дома, никого не ждем». Он открыл дверь. На площадке стоял незнакомый ему человек, длинный худой парень с небритой щетиной.

– Это ты Володя?

– Да, я буду. А в чем дело? Что Вам от меня нужно?

– Отдайте моего сына, верните мою законную жену Валую.

Пришелец, видимо, был выпившим, начал орать на весь подъезд. Захлопали двери других квартир, откуда повысовывались любопытные туловища соседей. На шум подошла Валя.

– Успокойся, идиот, ты же чуть не поломал мою жизнь.

– Ты что ни говори, все равно моя законная жена.

Тут он полез кулаками на Володю. Тот успел увернуться. Незванный гость стукнулся лбом об косяк. Володя взял его за шиворот и столкнул по лестнице вниз.

С тех пор Владик больше не звонил к ним и не приходил.

Володя был счастлив с Валей. Вместе ходили гулять, прихватив с собой ребенка. Или оставляли его матери, а сами шли смотреть фильм в кинотеатр «Сеспель». Володя уже не представлял, как бы он жил без Вали.

Однажды Валя проснулась рано утром. На улице было еще темно. Посмотрела на ребенка. Он спал спокойно. Валя заметила, что на новом месте ребенок стал спокойным, не просыпался ночью и не хныкал, как в прежней квартире. Там Вале приходилось постоянно вставать, убаюкивать сына и ходить потом сонной как в тумане. Наверное, там ребенок нутром чувствовал напряженное состояние в семье. А тут, вон, спит безмятежным сном. Видимо, душа ребенка, как лакмусовая бумага, чувствует окружающую его обстановку.

Валя повернулась к любимому ею человеку. Володя тоже спал спокойно. Валя смотрела на него с нежностью. Чувствуя ее взгляд, Володя проснулся, приоткрыл глаза и проговорил тихим сонным голосом:

– Валуша, почему ты не спишь?

– Так, что-то не хочется, просто хорошее состояние, не верится, что к человеку может привалить столько счастья.

Володя нежно обнял ее за плечи:

– Говори уж, чувствую, что-то хочешь сказать мне.

– Ах, какой шустрый.

Она томно поцеловала его. Он еще крепче прижал ее к себе.

– Осторожно, можешь раздавать, что у меня зародилось внутри.

– Ах какая ты у меня молодчина, – сказал Володя, счастливо улыбнувшись.

– Вот это и хотела я сообщить тебе.

От радости Володя запел было, но Валя поспешно прикрыла его рот ладошкой.

– Ты что, с ума сошел, все спят, да и ребенка можешь разбудить.

Володя вскочил на пол и начал босиком танцевать.

– Фу ты, мой дурачок, иди обниму, и успокоишься.

Запыхавшись, еле отдышался в постели, потрогал ладошкой ее живот.

– Чувствую, будет девочка, помощница тебе.

Валя улынулась, положила свою руку на его руку. Так они пролежали до утра.

– Валюша, давай посетим наш старый дворик? – предложил Володя, вставая.

– Я согласна, – сказала Валя, подходя к спящему сыну.

Попив чаю на кухне и одевшись, Володя тихими шагами прошел в спальную к матери и шепнул ей на ухо:

– Мама, отпусти нас, пожалуйста, погулять?

– Идите себе спокойно, мне в радость оставаться с ребенком.

Мать посмотрела на него с какой-то грустью. Такой ее Володя давно не видел.

– Не переживай, все будет нормально.

Валя взяла Володю под руку, и они вместе спустились вниз.

В старом дворике все выглядела по-прежнему. Только не было их ветхого деревянного домика. Вместо него, как каланча, высился новый дом. От этого вида защемило сердце, появилась грусть, ностальгическая тоска по прежнему тихому дворiku. У Вали потекли слезы по щекам. Чтобы и самому не расплакаться, Володя поспешно сказал:

– Пойдем отсюда, не хочу, чтобы ты плакала, моя радость.

Взяв ее нежно под руку, повел прочь от этого места.

– Есть у меня предложение совершить еще один небольшой культпоход.

– Интересно знать, какой же?

— Здесь недалеко находится мое рабочее место. Давай сходим, заодно посмотришь наш завод.

Веди, коли такое дело.

За большим домом вдали показалось здание заводууправления.

— Кто сказал, что находится рядом, чуть ли не полчаса уже едем?

— Это я специально сказал, чтобы тебе показалось рядом.

Оба улыбнулись, Володя поцеловал Валю.

— Подожди здесь у проходной, я быстро сбегаяю.

Валя стояла и смотрела в даль, на поле, на лесок по пригорку, на зеленые небольшие лужайки, кажущиеся будто вытканными кем-то. Посреди поля пролегла извилистая, как змейка, тропка. Над полем пролетел самолет, сотрясая воздух.

Через какое-то время Валя почувствовала прикосновение руки по плечу.

— Девушка, хватит тебе мечтать.

— Ой, Володя, как быстро ты вернулся.

Он стоял радостный, с лица не сходила улыбка.

— Отгадай, какую радостную весть я тебе принес?

— Наверное, премию получил?

— Нет.

— Тогда сдаюсь, считай, что положил меня на обе лопатки.

— Вот ключи от новой трехкомнатной квартиры.

— Ты просто молодец, Володя, не могу найти слова в знак благодарности.

Валя накинулась на него, начала целовать.

— Говорят, что я женился и что мне как молодому специалисту, положена квартира.

— Мне просто не верится навалившемуся счастью. Люди годами ждут и не дождутся.

— Запомни, наш завод самый молодой в городе, сам строится, заодно и жилье строит.

— Вот хорошо-то.

Взявшись как в молодости за руки, чуть ли не бегом отправились знакомиться с новой квартирой. На перекрестке загорелся красный свет на светофоре. Но молодые уже были на проезжей части дороги и думали, что успеют проскочить. Володя был чуть впереди. Мимо промчалась грузовая машина, задев Володю ручкой замка борта прямо в висок. Володя машинально сделал несколько ша-

гов и упал как подкошенный. Валя подбежала к нему, присела на колени, приподняла его голову и прижала к себе.

– Что с тобой мой миленький?

Но Володя не отвечал. В таком положении Валя просидела до тех пор пока не приехала милицейская машина и скорая помощь. Из машины выскочила девушка в белом халате, с небольшим чемоданчиком в руке. С серьезным видом проверила пульс на руке потерпевшего, сделала несколько уколов.

– Не пойму в чем дело, пульс есть, сердце работает нормально, но он почему-то не приходит в себя?

Валя разрыдалась и не могла остановиться.

Володю привезли в больницу, положили в реанимационное отделение. Там делали необходимые в таких случаях всевозможные процедуры, но он все не приходил в сознание. У его постели поочередно дежурили то мать, то Валя. У обеих глаза были опухшими. Для них день и ночь слились, они дежурили круглосуточно.

Однажды, когда дежурила Валя, пришла ее мать для моральной поддержки дочери.

– Держись дочка, такова уж наша женская доля, кому счастье, а кому горе.

Валя молча положила голову на грудь матери.

– Крепись, Валя, слишком не убивайся, а то ребенок может родиться ненормальным. Еще прибавятся мучения.

– Мама, что ты говоришь, как можно удерживать свои чувства?

– Успокойся, дочка, не один день ведь живем, у тебя все еще впереди.

– Он еще живой, а ты собираешься уже хоронить.

– Только добра тебе желаю, дочка.

Мать посмотрела на дочь и поняла, что увещевать ее бесполезно, все ее мысли были сосредоточены на несчастном больном.

– Валя, я заберу пока внука к себе, тебе итак нелегко приходится.

– Спасибо, мама.

В палате появилась свекровь с маленьким Володей на руках.

– Валюша, иди со своей матерью, отдохни хоть немножко.

Прихватив невинное дитя, те вышли из палаты. Мать осталась одна при неподвижном сыне, жалостно смотрела на него, поглаживая по голове.

Тихо открывается дверь палата, и входит дочь Ира, со слезами на глазах обнимает мать.

– Прости меня, мама, как можешь, за все, за все, за необдуманные поступки в моей жизни.

Посмотрела мать в глаза дочери, они были чистыми, как ее слезы.

– Успокойся, Ира, все же ты моя дочь, я все прощаю.

Так вдвоем в слезах сидели они воздел больничной койки Володи. Допоздна вели родственную беседу, еле расстались.

– Муж, наверное, потерял меня.

– Иди, дочка, только не забывай свою мать, ближе и дороже ее никого нет на свете.

Она опять осталась одна, все думала, как и чем можно помочь сыну. Одна надежда на Всевышнего Бога.

Утром ее сменила Валя. Она пошла на бугор, еле поднялась к Введенскому собору, поблагодарила Бога за возвращение дочери. Поставила свечи перед каждым святым. Читала молитву «Отче наш». На коленях поблагодарила Матерь Божью, что она доброжелательна к ней и что благосклонна вернула ей дочь. Тихо подошла к иконе Святого Николая-Чудотворца, поставила свечку и стала с мольбой просить его вернуть ей сына живым и невредимым. Выплакав слезы, вышла из церкви. У входа набрала в бутылочку святой водицы, подала нищим всю имеющуюся мелочь.

Она вернулась в больницу, отпустила невестку домой отдохнуть. Оставшись одна, достала приготовленную заранее вату, намочила святой водицей и стала осторожно тереть тело сына живительной влагой. Более тщательней терла ватой у его виска. Другой рукой шевелила его голову, несколько раз приподняла и опустила ее. Неожиданно сын открыл глаза и еле слышно проговорил:

– Что ты делаешь, мама, мне холодно, мурашки по телу бегают.

От избыточной радости она потеряла дар речи, так и сидела, раскрыв рот.

– Очнись, мама.

– Ох, и напугал ты меня, сынок. Так и умереть недолго.

Вошедшая в тот момент сестра, увидев такое, быстро выско-чила и привела врача. Тот удивленно кивал головой.

– Феномен настоящий.

От удивления он несколько раз снимал и надевал вновь свои роговые очки.

— Что Вы с ним сотворили?

— Да вот протерла несколько раз его тело принесенной святой водицей.

— Голову тоже?

— Само собой разумеется.

— А мы боялись прикоснуться к его голове, думали, что трещина в черепе.

Врач несколько раз потрогал его голову, шупал виски.

— Все ясно. Видите ли, Вы холодной водой делали ему массаж, сжимали и разжимали мышцы. Опухоль на виске, видимо, спала, вены заработали нормально, и он пришел в сознание.

Материнской радости не было конца. Она поспешила домой, сообщила Вале радостную весть, а сама прихватила необходимые ей вещи и поспешила опять в Введенский собор к иконе Святого Николая-Чудотворца, повесила на икону полотенце. Повесила полотенце и на икону Божьей Матери. В кассу подала списки за упокой и за здоровье и уплатила положенную сумму.

Вскоре в новой трехкомнатной квартире собралась вся семья: дочь, сын, невестка, приемный внук. Пили шампанское и чувашское пиво за здоровье Володи. Не было конца радостям в тот вечер.

В положенный срок Валя родила дочь, через два года — сына. Она отказывалась от аборт, поэтому через каждые два года приносила новое пополнение в семье.

Клад раздора

Строительная база находилась далеко от города Чебоксары. Чтобы добираться туда на транспорте, приходилось прорабам, мастерам и рабочим тратить много времени. Поэтому начальство решило устроить передвижную базу рядом с каким-нибудь строящимся объектом в черте города. Такой удобный объект нашелся почти в центре города. Там выведен был только нулевой цикл, до сдачи объекта работ было непроворот, и займет это еще много времени. Вот и решили, что тут самое удобное место для временной базы, куда с утра могли бы собраться без лишней траты времени и получать разнарядку на день, на неделю, а то и на месяц.

Сначала привезли сюда будку начальника участка, затем – будки прорабов и мастеров, лишь в конце будки рабочих. И вырос рядом со строительной площадкой целый будочный городок.

Однажды утром рабочий люд собрался возле будки начальника участка в ожидании разнарядки. Из форточки будки валил сизый дым, как из трубы котельной. Изнутри был слышен громкий голос начальника, временами доносился смех прорабов и мастеров. Вот из двери вылетел, как открываемая пробка шампанского, прораб Никитин. Он сделал несколько глубоких вдохов и облегченно вздохнул. Затем стал оглядываться по сторонам, явно ища кого-то. Недалеко стояли трое мужчин. Один из них спросил прораба:

– Никитен, не нас ищите?

– Да-да, именно вас. Стоите рядом, а я не вижу вас, глаза застилало дымом курильщиков, аж голова закружилась. Как они там терпят эту гадость?

– За вредность у начальника потребуйте талоны на молоко. Если не может этого, то пусть выписывает спецпремии.

Все вокруг засмеялись.

– Золотые слова говоришь. К сожалению, это невыполнимо.

– Пусть тогда выписывает противогаз.

– Голова у тебя, Анатолий, скажу, работает хорошо.

– Недаром сколько лет работаю на стройке бригадиром.

– Ну, хватит попусту время тратить, а то до обеда можно проболтать. Твоя бригада, Анатолий, пойдет прокладывать теплотрассу по старому району города. Только вот просьба: поменьше трепайтесь языками, особенно с пенсионерами, они любят писать жалобы.

– За кого нас принимаете, мы что, бабы что ли?

– Просто предупреждаю по-человечески. А знаете, сколько усилий ушло уговорить главу города провести трассу именно по тому месту? Ладно, толковый оказался мужик, Евдокимов разборку жалоб местных жителей принял на себя. Им ведь наплевать, сколько государственных средств и денег сэкономим мы на этом проекте.

– А что толку? Вон, сдали новый объект, мы там с утра до вечера почти всю зиму клали стены в холода. Сдали объект – начальство и конторские получили за него премии по одной тысяче рублей, женщины-штукатуры и отделочники – по пятьсот, а от нас, мужчин, отмахнулись стами рублями.

– Потому что боятся женщин. Они однажды загнали начальника в крапивник. Тот еле избавился от них, после этого неделю стыдился появляться на работе, потому что все лицо было покрыто пупырышками от жгучей крапивы.

– А мы, мужики, молчим, потому нас и наказывают.

– Не беспокойтесь, ребята, на том объекте большие деньги, постараемся закрывать хорошие наряды.

– Не остались бы с пустыми разговорами. Вот когда почувствуем, что карманы наши потолстели ощутимо, тогда и поверим.

– Ребята, я с вами работаю только год, но всегда старался не обижать вас.

– Начальник что прикажет, то и сделаете. Он умеет обламывать людей.

– Ладно, поживем – увидим. – Нас немало будет для этой работы?

– Думаю, пока справитесь и втроем. К тому времени, когда другие выйдут из отпусков, вы уже почти завершите там работы.

– Хорошо, давай считать, что этот вопрос мы решили. Но где там переодеваться и складывать инструменты?

В разговор вмешался молчавший до сих пор Василий.

– Никитин, может нам привезете пиломатериал, а мы на скорую руку сколотим маленький сарайчик. И никаких проблем.

– Это еще когда привезут, может лишь к вечеру, да и сколотить сарайчик пройдет дня два, не меньше, – сказал Федя.

– Слушайте внимательно, – поднял руку Анатолий, – подумайте сами, работа у нас передвижная. Если поставим сарайчик, то его постоянно придется передвигать.

– Не паникуйте, ребята, раньше времени.

- А у вас есть дельное предложение?
- Да, вспомнил, дальше уже не ваша забота.
- Приходится слушаться, хотя и сыты по горло обещаниями.
- Для успокоения ваших душ скажу уж. На базе стоит вагончик на колесах, пока он без дела пылится, вот его и приволоку.
- Ребята больше не стали спорить с Никитиным.
- А сейчас я вам дам автобус, чтобы привезти на новое место спецовки и инструменты с прежнего места работы.
- Поняли, чай, не дураки. А ты, Никитин, постарайся привезти вагончик.
- Да будет тебе, Анатолий, переживать. Сам прекрасно знаю, что на подготовку работ на новом объекте обычно уходит минимум два-три дня.
- Ладно, ребята, пора заняться делом, давайте собираться.
- В автобусе было грязно, на сиденьях налет пыли.
- Виктор, неужели тебе безразлично содержать такой свинарник в автобусе? Тут пыль столбом встает, аж дышать нечем.
- Главное, мне здесь, в своей кабине, хорошо, остальное меня не волнует. Тут вас, таких умников, сколько за день бывает.
- Дожил почти до пенсии, должен бы быть благоразумней.
- Тут ежедневно многие заносят свои измызганные робы и грязные инструменты, а еще, к тому же, разные заготовки. Так что не успеешь за всеми вами убирать.
- За что тебе платят-то деньги?
- За то, что кручу баранку и держу машину в исправности.
- Нас отвозишь на работу и целыми днями торчишь на базе. Или конторских баб возишь по магазинам? Для них, чай, протрешь сиденья, да подметешь пол?
- Водила молча сопел в нос, включил скорость, глядя вперед.
- Интересно, как терпят эти конторские женщины этот бардак? Наверное, газеты подстилают.
- Василий ухмыльнулся, вступил в разговор.
- Ты что, он перед этими бабами вылизет весь автобус, пройдет с мокрой тряпкой, с ведром воды и шваброй.
- Нехорошо получается, Виктор. С конторскими ты так, а с рабочими эдак.
- Василий одернул бригадира.
- Да хватит его уму-разуму учить, все равно бесполезно, он уже давно не дитя малое, вон в каких годах.

– Хочешь сказать, что Виктора уже не переделаешь? А совесть-то у человека должна быть.

– Пустая трата времени, смотри повнимательней, он даже встречного транспорта боится.

– И вправду, готов ехать по обочине.

От этих слов Федя фыркнул на весь автобус.

– Ребята, хватит языки чесать, а то целый базар завели, не люблю, как вы, трепаться.

– Что, предлагаешь на все закрывать глаза?

– Лучше присаживайтесь сюда, сыграем в подкидного дурачка.

– Это – игра детская, много ума не надо. Надоело.

– Предлагай получше, если есть у тебя идея.

– Давайте в тысячу одного, давно не играли.

Все с этим согласилось, каждый утвердительно кивнул головой.

– погоди, бригадир, не садись, потерпи чуток.

Федя вытащил из-за сиденья тряпку, протер два сиденья, расположенные напротив друг друга.

Вскоре игра вошла в азарт. Слышны были оживленные реплики и шлепки карт. Изредка автобус подбрасывало на ухабах. Приходилось поддерживать карты, чтобы на рассыпало их по полу. За игрой и не заметили, как добрались до места. Высадились из автобуса вместе со всем скарбом, который сложили кучей прямо на землю. Виктор специально газанул. Ребята зачихали от дыма.

– Во какой злопамятный, гад вонючий.

– Это тебе, Толик, за нотации в автобусе. Впредь умнее будешь.

Вскоре автобус скрылся за поворотом. Трое остались посреди дороги, как забытые родителями сироты.

Старый район города Чебоксары выглядел исключительно красиво под зеленой листвой долголетних деревьев. Двухэтажные дома казались сказочными теремками. Их украшали нарезные наличники. Что ни дом, то свои узоры – одни наличники краше других. Так что, одно загляденье. Казалось бы, все тут радовало глаз. Омрачало лишь одно здание в конце улицы, какой-то захламленный дом без занавесок на окнах и с пыльными стеклами. Видимо, дом не жилой. Можно предположить, что история обычная: одинокая старушка ушла в мир иной, дети не приехали, или им вообще не сообщили. Некому

передать дом, и через полгода государство присвоит его себе.

Стоял июль месяц, самый разгар лета. Сильно припекало солнце. Не было ни малейшего дуновения ветерка. Листья деревьев замерли в мертвом покое. Кучу скарба ребята оставили прямо у дороги и устроились в тенечке под ветвистой березой, разлеглись на зеленой траве. За домом нашли ящичек. На него постелили газету и начали резаться в карты. Наигрались до отвращения. Бросили колоду карт и разлеглись на траве. От безделья не знали, что делать дальше.

Василий тяжело вздохнул, выплюнул травинку, которую жевал.

— Сходить бы на реку Волгу, искупаться.

Но ему никто не ответил. Вскоре Федя захрапел. Время шло очень медленно. Когда работаешь, этого не замечаешь. Анатолий то и дело поднимал голову и глядел на дорогу.

Под конец рабочего дня подкатили вагончик-будку. Притащил его ЗИЛ.

— Слава богу, что привезли. А то ломали головы, куда бы деть вон ту кучу нашего скарба.

Ребята окружили Никитина, выжидающе глядели на него. Тот уставшим видом глядел на них.

— Что так долго не приезжал?

— У этого вагончика не оказалось ни одного путного колеса. — Прораб с злостью плюнул на землю. — Свои же шофера перетаскали все четыре колеса.

— Расспросили бы у водителей.

— Да кто выдаст своих? — Он вытер вспотевшее лицо носовым платком. — Пошел на склад выписать новые колеса. Кладовщица ни в какую. Пришлось пойти к начальнику, а его не было. Вот сидел и ждал его до послеобеденного приезда.

— Ну и досталось же тебе, Никитин.

— Спасибо водителю, что помог мне. Как выписал колеса, новые я отдал ему, а с его машины поставили на вагончик. Иначе их тут в первую же ночь грабанули бы. Теперь и волки сыты, и овцы целы.

— Большое тебе спасибо за это. Теперь есть где переодеться и складывать инструмент.

Ребята перетаскивали вещи в будку. Анатолий проверил окошечки. Все было в порядке. На дверь повесили замок. На этом рабочий день завершился.

Прождали три дня, пока появился экскаватор. С его появлением работа закипела. Ребята забивали колышки по линии теплотрассы. Экскаваторщик ориентировался по ним, копая траншею для теплотрассы. Ребята втроем выравнивали, дно, а кое-где и стенки. Работали в одних трусах, загорели, как негры. Пот стекал с них градом, некогда было перекурить. Работа кипела вовсю. Анатолий еле успевал переворачивать железобетонные лотки, зацеплять стропами автокрана. Федя с Василием укладывали их в траншею.

В одном месте, недалеко от заброшенного дома, остался небольшой бугорок на дне траншеи. Василий начал убирать землю штыковой лопатой и выкидывать наверх. Под лопатой послышался скрежет, будто острие задело камень. Вася еще подумал, откуда тут может взяться камень. Он копнул еще, опять скрежет. Тогда он начал копать вокруг этого места и наткнулся на глиняный горшок, весь почерневший от земли. Василий взял горшок в руки, он был цел и заткнут тряпкой. Он взялся за затычку, а она в руке рассыпалась, как зола. Тряпица вся превратилась в труху. Тогда парень перевернул кувшин и высыпал содержимое. Оттуда посыпались цепочки, перстни с огромными камушками, сережки, старинные монеты. Василий от неожиданности разинул рот, выкатил глаза, застыл на месте и не знал, что делать дальше. Сзади подбежал Федя, толкнул в спину.

– Ты что тут, спишь что ли?

В ответ ни звука.

– Ну что встал, кто за тебя будет работать?

Взял Васю за плечо, оттолкнул в сторону, шагнул вперед и под ногами заметил вываленное из кувшина добро.

– Откуда привалило такое добро?

– Вот из этого кувшина.

Вася бросил кувшин и завалил скорей землей.

– Раз такое дело, держи себя спокойней, чтобы не вызвать подозрений. И не верти головой.

– Я должен лучше посмотреть, может, еще кувшин есть.

– Потом, Вася, не зыркай по сторонам и не привлекай внимания других.

– Ну ты даешь, Федя.

– Ты своим отрешенным взглядам всех напугаешь. Спокойней веди себя, разговаривай, как ни в чем не бывало, как обычно. Давай шевелись, складывай в темпе, – сказал Федя и подставил свою ши-

рокую кожаную фуражку. Что не вошло туда, рассовали по карманам.

– Главное, теперь не лопухнуться, требуется серьезный подход.

Федя огляделся. На них никто не обращал внимания. Бригадир усердно возился у лотка, выпрямлял крючок ломом. Крановщик держался за рычаги, внимательно следил за Толей. Экскаваторщик копал землю на другом конце улицы. Федя еще раз оглянулся на то место, где они подбирали добро, заметил золотую монету, чуть в стороне у стенки траншеи еще две монеты.

– Чуть ведь не просветились.

Подобрал монеты и сунул в карман. Затем крикнул в сторону Толи:

– Бригадир, давай сделаем перекур!

– Вы что, ребята, только что начали работать!

– Так нужно, потом сам поймешь!

– Никаких расхлаждений, надо работать!

– Надо, бригадир!

– Я хотел как лучше, чуть пораньше пойти на обед!

Но Васю и Федю ничем нельзя было удержать, они во всю прыть неслись к будке.

– Непослушные, что вы глухие что ли?!

Те только махнули руками.

– Ты ори еще на всю улицу. Голова большая, а бестолковая. Значит у них есть причина на то, – сказал крановщик.

Те залетели в будку, тяжело дыша, будто пробежали стометровку.

– Наверное, что-то случилось, с ними никогда такого не бывало, сколько я помню по совместной работе.

Анатолий со злостью плюнул, кинул лом, затем поднял и воткнул в землю, сверху надел рукавицы, крановщику подал знак, чтобы отдыхал, и поплелся к будке. Когда распахнул дверь будки, Вася и Федя испуганно резко обернулись.

– Ребята, никак не пойму, что стряслось с вами?

– А где крановщик?

– Остался в своей машине. Не пойму, почему шепотом разговариваете, будто какой-то заговор готовите?

– Толя, закрывай дверь на крючок.

Федя опрокинул фуражку на стол. Со звоном выпали женские

побрякушки и старинные монеты, которые покатались по столу, еле успевали ловить, чтобы не укатились на пол и не затерялись. Набралась приличная куча предметов драгоценных украшений и золотых монет. Выпотрошили и содержимое карманов.

– Ребята, откуда вы взяли столько добра?

– Место надо знать, – сказал с усмешкой Федя.

– Может, и мне подскажете, где оно, такое место?

Анатолий взял со стола одно кольцо и тут же изменился в лице, в глазах застыло изумление.

– Так это же старинные золотые и бриллиантовые предметы. Этим ювелирным изделиям нет цены.

Василий простодушно смотрел на все это богатство.

– Нашел я в траншее клад, теперь не знаю, что с ними делать.

– Сдай государству, и тебе дадут двадцать пять процентов всей этой стоимости, и не будет никаких проблем, живи себе спокойно.

– Ты что, Федя, совсем офигел, или на солнце перегрелся? Дай потрогаю голову.

– Пусть сам Василий разбирается.

– Слушай меня внимательно, Василий, я все же старше тебя.

Эти драгоценности, запомни, всегда в цене, чем получать в магазине, пусть жена носит на здоровье и на зависть подружек.

– А если спросят, откуда все это?

– Что у тебя языка нет что ли, скажешь, что семейные реликвии, от бабушки остались.

– А это еще надо доказать.

– А сдашь государству, лишишься таких вещей, что потом всю жизнь будешь каяться.

– Не знаю, ребята, что и делать в такой ситуации.

– Долго не думай, голова заболит. Ты, Вася, забери все это домой, а там с женой решите, что с ними делать.

Федя горстями закидывал драгоценности в сумку.

– Э-э-э, так не пойдет, как забирай, так себе, а нас побоку что ли?

– Толя, не лезь к нему. Их нашел Вася, куда их девать, это его дело.

– Ребята, пожалуйста, не ссорьтесь из-за меня. Сколько лет работаем вместе, никогда не ссорились из-за денег. И на калымы ходили, всегда делили поровну.

– Ну вас, как считаешь лучше, так и поступай, Василий.

– Нетушки уж, сделаем так, чтобы не было обидно никому, разделим на троих.

Федя молчал, стоял в сторонке, опустив голову.

– Про это никому ни гу-гу, ни одной душе.

Анатолий ловко разделил кучу на три части, стараясь сделать их одинаковыми.

– Выбирайте любую долю. Вася, тебе, как нашедшему, выбирать первым.

Со стола быстро исчезли побрякушки. Каждый свою долю сложил в свою сумку, которые повесили рядом с чистой одеждой. Заулыбались, заблестели глаза, все остались довольны таким исходом.

– Ребята, это дело надо отметить, чтобы все пошло чин-чинарем, без лишних проблем.

Федя схватил сетку и ринулся к дверям. Анатолий задержал его за руку.

– Может, не надо, ребята, лучше трезвыми принести их домой.

– А кто предлагает именно сейчас выпить? Останемся после работы, закроемся и сядем за стол. Никто нам мешать не будет.

– Я все же против выпивки, да и жена после этого меня съест.

– Что вы с такими живете, или сами раскисли от таких баб?

– Напрасно, бригадир, отказываешься. Если не отметить такую удачу, фортуна может отвернуться от нас.

– А ты хочешь напиться, и чтобы потом по пути милиция забрала? Вот где будет фортуна твоя.

С улицы сигналила машина. Приехал МАЗ с полуприцепом, привез лотки.

– Пойдем, ребята, а то работа стоит. Мы не должны привлекать к себе лишнее внимание со стороны других.

Шофер, весь потный, кричал из кабины.

– Вы что, уснули там?

– Будешь шуметь, разгрузим в конце рабочего дня.

– Вы что, с ума посходили?

– Видишь сам, нас тут мало, мы должны своим основным делом заниматься. Если так торопишься, то приехал бы со своим стропальщиком.

– Ребята, по-человечески прошу, будьте снисходительны ко мне.

– Вот это другой разговор и обращение человеческое.

Водитель показывает на свои ручные часы и говорит:

– Хотел сегодня пораньше сорваться с работы, приехал родственник из деревни.

– Так, не шуми, засеки время, через пятнадцать минут кузов будет пустым.

– Еще никогда такого не бывало, сколько я помню, всегда еле-еле раскачиваются, разгрузка проходит с натяжкой.

– Давай, крановой, подавай стрелу!

Анатолий вскочил на кузов, с ходу зацепил два лотка. Крановщик кричит из своего скворечника:

– Ты что, охренел? Положено по одному цеплять!

– Если хочешь, чтобы я тебе лишний часок подписал, то успокойся тогда.

– Дождешься от тебя добра.

Крановщик не успевал убирать руки от рычагов. Кран чуть ли не вставал на дыбы, клонился в стороны. С одного места разбросали лотки вдоль траншеи. Глаза жгло едким дымом от выхлопной трубы, по лицу текли слезы вместе с потом, заболела голова. Анатолий побежал в будку вымыть лицо. Водитель остался очень доволен, каждому жал руку.

– Молодцы, ребята, держите слово, не бросаете их на ветер. Сразу видно, что вы мужики надежные.

– У меня тоже есть к тебе одна просьба. Наш крановой по пьяне не помнит, где оставил гибкий большой шланг.

– Не пойму, зачем он вам нужен.

– Ты что, первый раз!

– Да нет, меня попросили, пока человек в отпуске, поработать за него. А так я на своей машине обычно вожу кирпичи под башенные краны.

– Видишь, ты подъехал сзади от крана, а от выхлопной трубы дым идет прямо в кузов. А шлангом мы отводим дым в сторону.

– В следующий раз постараюсь привезти.

МАЗист уехал довольным, только пыль поднялась за ним. А ребята продолжили работу. Лотки ложились на место играючи. Крановщик кричит из скворечника:

– Ребята, что с вами случилось?! Работали вроде равномерно, а теперь еле успеваю за вами! Даже передохнуть не даете, руки вспотели на рычагах!

– Жить стало веселей!

Федя перевернул фуражку задом наперед, получилась как кепка.

– Удивляете вы меня, ребята. Посмотрите на время, переработали уже пятнадцать минут. Наверное, завтра солнышко выйдет с другой стороны.

– Хватит подкалывать.

– Если серьезно, то сегодня выполнили две нормы по сравнению с другими днями.

– Разве плохо?

– А мне все равно, мне ведь платят по часам.

– Я тебя не обижу.

– Помогите убрать лапы, у меня есть еще дела.

Федя с Васей дружно выскочили из траншеи и стали убирать лапы. Анатолий цеплял стропы за крючок буфера. Все было готово в считанные минуты. Шофер газанул и уехал.

Переодевались также шустро. Каждый спешил домой. Перед выходом из будки Анатолий посмотрел в окошко, нет ли кого из посторонних.

– Договорились, что про клад никому ни слова.

– Что повторять несколько раз, мы что, бабы базарные?

Шлепнули по рукам, и каждый направился в сторону своего дома. Анатолий зашел в свою квартиру. Не успела за ним закрыться входная дверь, он прямо с прихожей крикнул:

– Ирочка, принимай подарочек!

Он вытащил их сумки тяжелый узелочек, небрежно кинул на стол. Тряпка развязалась. Из узелка высыпались драгоценности, покатались по столу монетки, падали на пол и катились дальше во все стороны.

– Ты что, сумасшедший, кого ограбил, или ювелирный магазин подчистил?

– Разгляди хорошенько, открой свои глаза, разве золотые монеты продаются у нас?

– Ничего не пойму, дорогой.

– Успокойся, лапочка, на работе клад нашли.

– Один что ли?

– Нет, втроем разделили поровну.

– Вроде смысленный человек, мог забрать весь клад один.

Анатолий застыл на месте, не понимая Иру. Это его раздражало, начинало портиться хорошее настроение.

– Вот женщина ненасытная, недовольная. Радуйся и будь довольна, что это принес.

Она посмотрела на него нехорошими глазами.

– Спасибо надо сказать Васе, который нашел клад и поделился с нами. Другой послал бы подальше на три буквы.

Он не стал больше обращать внимание на Иру. Думал, что разговор окончен. Анатолий все еще в хорошем настроении снял с ног пыльные сандали и поставил в угол. Но когда поднял голову, увидел, что глаза Иры какие-то неестественные, расширенные, как у кошки перед прыжком.

– Подумай серьезней, Толя, этим сыт не будешь, в жизни постоянно деньги нужны, желательно наличные.

– Не ты ли все время твердишь, когда приношу получку, давай купим серьги, в другой раз – цепочку. И этому нет конца и краю.

– Это же хорошо.

– Что ты знаешь хорошего, ведь понятия не имеешь, как на стройке дается каждая копейка, в снег, дождь, жару.

– Зато на природе, на свежем воздухе.

– А ты посмотри, на стройке многие мужики не дорабатывают до пенсии, или уходят на другую работу, на более легкую. Редко у кого выдерживает организм. Все жалуются на букет болезней.

– А ты-то вон какой здоровый.

– Спасибо на добром слове. Но тебе сколько ни приноси, все мало, как ненасытной утробе.

– Дурачок, это все капитал, в любое время можно продать.

– Дарю тебе эти драгоценности, пожалуйста, успокойся на этом, больше меня не трогай и не нервируй своими глупыми рассуждениями.

У Анатолия окончательно испортилось настроение, загрустила душа. Потыкав вилкой макароны, оставил вилку, к котлетам даже не притронулся. Внутри горело, чаю не хотелось. Заглянул в холодильник, там стояла бутылка кваса. Выпил бокал, охладил нутро. Ушел в зал, включил телевизор и лег на диван. Вникся в то, что там шло, постепенно начал забывать неприятный разговор с женой на кухне.

Ира тихо подошла и легла рядом с Анатолием. Терлась о мужа грудями, взгляд был лисий. Надеялась, что Анатолий заговорит первым. Тот сделал равнодушное лицо и продолжал глядеть телевизор. Ире надоело ублажать мужа безрезультатно. Она решила по-другому обратить на себя внимание мужа и ткнула ему пальцем в бок.

- Ты что это, неприятно же!
- А Ира с язвительной ухмылкой:
- Долго собираешься дуться на меня?
- Что я девочка что ли, обижаться на тебя?
- Зачем тогда молчишь?
- Просто мне неприятно разговаривать с тобой, на начатую на кухне тему.
- А с кем же я должна вести разговоры, как не с тобой? Все для семьи стараюсь.
- Но не нахальным поступком, ни к чему хорошему это не приведет.
- Что ты предлагаешь?
- В жизни всегда оставаться человеком.
- Ира обняла и поцеловала мужа в щеку, в шею. Тому даже стало щекотно, что он засмеялся.
- Вот на такого приятно смотреть.
- Присела ему на живот.
- Кишку раздавишь.
- А Ира смотрела на него масляными глазами.
- Придумала, как у твоих товарищей выманить золото.
- С ума ты сошла, ненормальная!
- Все-таки ты дурачок, был таким, таким и остался.
- Остынь ты своей головой, или от такого богатства крыша поехала?
- Когда есть возможность, надо набивать пустые карманы.
- Представь себе, какими глазами я буду глядеть на товарищей, с какой совестью находиться среди них?
- Подумаешь какая беда, перейдешь в другую строительную организацию, работающие руки везде нужны.
- Проработал десять лет на одном месте, ко мне все относятся с уважением, мой портрет постоянно висит на доске почета, имею грамоты.
- Какая польза от тех бумаг, разве в известное место сходить да подтереться ими.
- Перестань, из этого коллектива никуда не собираюсь уходить.
- Отвернулся в другую сторону, кровь вскипела, нервы напряглись, потеряв спокойствие, взорвался.
- В конце концов я привык здесь, там у меня второй дом!

Он усталился в одну точку, его бесил замысел Ирины. Как только мог, про себя старался успокоить себя.

– Все-таки ты дослушай меня, Толя. У меня появилась неплохая идеяка.

– Все-таки ничего умного нет в твоей голове.

– Что подороже, спрячу у матери в огороде.

– И что из этого?

– Ты меня на перебивай, дай высказаться до конца.

– Я уже чувствую, что ничего хорошего не скажешь, и не надо говорить.

– Остальное отнесем в милицию и заявим о твоих товарищах.

Их драгоценности отберут, а все деньги достанутся нам, потому что мы заявим первыми.

– Такого никогда не дождешься от меня, только через мой труп.

– А ты вникай в мои слова.

– Вот бесстыдная женщина, совсем потеряла человеческую совесть.

На лице Иры не появилось никакой краски.

– Принес столько золота, а она недовольна, ей все мало. Другая радовалась бы, а от этой «спасибо» не дождешься. Наоборот, она заражена чрезмерной алчностью, жгет ее внутри желчь ненасытности.

– Успокойся, мой милый.

Начала ласково гладить по голове.

– Не доводи меня до греха, иначе отлуплю как сидорову козу, хотя никогда пальцем не трогал тебя.

Ему в глаза глядели настырные ее глаза.

– Вон отсюда, негодница!

– Пожалуйста.

Сама спокойно повернулась в другую сторону.

– Ты совсем оборзела, Ира. Другие мужики вон как лупят своих жен, может, и мне отлупить тебя сейчас? Ты же не такая была, не заходила до такой наглости.

Все ворочался Анатолий, никак не мог успокоиться, внутри все горело, сон не шел. Не выдержав, он встал, натянул трико. Пошел на кухню, открыв холодильник, достал бутылку водки. Из горлышка без остановки влил содержимое себе вовнутрь. Вслух выругался.

– Довела ведь мужика до красного каления. Как сегодня не хотелось пить.

Закусил грибами. В голове зашумело затуманилось. Теперь глаза сами закрывались, все же набегался за день, устал.

Лег на отдельную кровать, спокойно заснул и до утра ни разу не просыпался. Проснулся от звонка будильника, протерев глаза, посмотрел на диван. Жены не только там, но и дома не оказалось. Было это непривычно странно. Обычно, когда Анатолий уходил на работу, Ирина все еще нежилась в постели, как кошка, растягивалась на кровати, вытягивая руки и ноги и изгибаясь в талии.

На столе теплилась еда прикрытая тарелкой и кухонным полотенцем. За все время совместной жизни первый раз сама приготовила завтрак. Все еще не веря, проверил ванную, туалет. Ирины в квартире не оказалось. В душе было тревожно, сердце не находило места, в голове роились несвязные мысли. Все это не давало покоя Анатолию. Собрал в себе силы, отправился на работу. Все уже было на месте, этим он чуток успокоился.

По лицам ребят явно чувствовалась, что они довольны, с них не сходила таинственная улыбка.

После обеда немного решили отдохнуть, чтобы пища улеглась в утробе и лучше переваривалась. Василий полупшепотом завел разговор, при этом все время поглядывая на дверь.

– Да не беспокойся ты, она закрыта на крючок.

– Так слушайте. Пришел я домой, показал принесенные украшения жене. Она сначала испуганно изумилась, затем несказанно обрадовалась, стала примерять каждую вещь на себе, до самого вечера вертелась перед зеркалом, никак не могла нарадоваться этими блестящими безделушками.

Федя выплюнул спичку на пол, довольным своим голосом завел свой восторженный рассказ.

– Моя как увидела эти вещички, крепко обняла меня и стала горячо целовать, от такой радости чуть не задушила, еле вырвался из ее объятий.

– Потом что, поволокла в постель?

– Да ты что, при детях-то?

– Ну рассказывай дальше, интересно же знать?

– Василий, когда ты рассказывал, я тебя не перебивал. И ты мне не мешай. Моя сбегала в магазин, принесла бутылку водки. Обмыли дары, как в таких случаях положено по традиции. Когда опорожнили, обнялись и запели песни родные, чувашские.

Тут ребята вопросительно посмотрели на Анатолия.

– Бугор, ты что молчишь?

– А мне нечего рассказывать.

Анатолий промолчал о своих неприятностях с Ириной, только буркнул:

– Вот сегодня мы тут можем отметить удачную находку.

– Ай да молодец, Толя. Вот за это и уважаю тебя, что все для нас делаешь в свое время.

– А я как денюжат прихватил, чувствовал, что что-то намечается.

Как раз в это время послышал резкий стук в дверь и сильное дергание.

– Кто это там, кому не терпится ворваться сюда?

Торопливо откинув крючок, Федя отошел в сторону, чтобы не мешать входящему. Резко открывается дверь, и, чуть не сбив Федю, врываются два милиционера, будто в свою квартиру.

– Кто здесь будут Василий и Федор?

Те с недоумением поднялись на ноги.

– В чем дело, командир?

– Разговорчики! Собирайтесь, поедем в отделение.

– Хоть причину-то скажите?

– Много будешь знать, быстро состаришься.

– Дайте хоть переодеться нам.

– Подождем на свежем воздухе, здесь пахнет потными носками и портянками.

С недовольным, высокомерным видом выходящий первым милиционер сердито пнул ногой дверь, та не поддалась, тогда он рукой и ногой толкнул непослушницу, та послушалась с недовольным скрипом, и оба незваных и неожиданных пришельца вышли наружу, оставив дверь открытой. То один, то другой то и дело поглядывали вовнутрь будки, боясь не убежит ли кто.

Переодевшись, все трое вышли.

– Вы хоть мне, как старшему тут, как бригадиру скажите, в чем все-таки дело-то?

– Если хочешь того, можем и тебя забрать и держать в обезьянике.

– Это вы можете, а вот по-человечески объяснить не хотите.

– Нам начальство что сказало, то и выполняем.

Ребята дружно молчали.

– Еще есть вопросы?

– Нет.

– Тогда поехали, нам некогда тут расхоложиваться.

Федю и Васю посадили в «воронок», за ним старшина закрыл дверь и ручку забрал с собой в кабину. Машина тронулась с места, завывла сирена, за нею осталась поднятая пыль.

Анатолий, как вкопанный, остался на одном месте. Работа приостановилась. В такую сухую погоду класть да класть бы лотки. А если пойдут дожди, то хоть караул кричи, или молча меси жижу вязкой глины. А если к тому же подвезут трубы и придут сварщики, то начнут подгонять. К нему подошел крановщик.

– Застыл как столб и никого вокруг не замечаешь.

– Не пойму, за что их забрали?

– Если у них нет грехов, то скоро отпустят.

– Вроде не примечал за ними никаких грехов.

Крановщик протянул путевку Анатолию.

– Отпусти ты меня, все равно ведь не работаем.

– Куда торопишься, вдруг начальство нагрянет.

– Ну ты скажешь тоже, это же новый объект, еще не промелькнулся в бумагах, вот когда начнут подписывать процентовки, тогда и прибегут сюда.

Анатолий некоторое время подумал, посмотрел на крановщика.

– У меня нашелся левак, надо помочь людям.

– Сказал бы сразу, все мы хотим жить. Ну давай свою путевку, так и быть, подпишу за весь день.

– Хочешь, до дома подброшу?

– Не трать на меня времени, на городском транспорте доберусь.

– Спасибо тебе за все хорошее. Не переживай за дружков, у таких хороших людей все будет нормально.

– Дай-то Бог, твоими устами мед бы пить.

Крановщик уехал. Работал один экскаваторщик. Анатолий пошел к нему. Забил еще несколько колышков, чтобы хоть у него не остановилась работа. Больше ничего не оставалось как убраться восвояси.

Ира встретила его у порога, вся сияющая, в новом цветастом атласном халате, цветущая, как майская роза. Нежно взяла за руку и повела на кухню, усадила за стол, с которой убрала развернутую газету. Стол был накрыт всевозможной едой. Такого Анатолий за всю женатую жизнь не помнит.

– И что за праздник такой сегодня?

Ира молча обняла его, поцеловала в губы.

– Ты что, не работала сегодня?

– Взяла отгул ради такого дня.

Ира села Анатолию на колени. Глаза хитро прищуренные.

– Теперь мы с тобой будем богатыми, заживем в достатке.

Ира налила ему водки.

– Договаривай до конца, в чем же все-таки дело?

– Наши драгоценности и драгоценности твоих товарищей оценили в двести сорок тысяч рублей.

У Анатолия раскрылся рот, будто отвалилась челюсть. Он не мог сказать ни одного слова.

– Нам с тобой полагается двадцать пять процентов, значит, мы получим шестьдесят тысяч рублей.

– Ты от жадности совсем с ума сошла что ли, как могла пойти на такую подлость?

– Посуди сам, деньги теперь будут твоими, что хочешь с ними делать, то и делай. Может, поедем на юг, купим дом у моря, будем жить там. Это мечта любого человека.

– Добываемые такой ценой эти грязные деньги мне не нужны, они принесут только зло, как аукнется, так и откликнется.

– И с кем я живу, с этим бестолочем? Деньги сами идут в карман, а он ищет истину.

– От твоих слов волосы дыбом встают. А ну тебя, разве переспоришь тебя.

Махнул рукой и вышел из-за стола, не притронувшись ни к водке, ни к еде.

– Только тебе, Ира, могла придти на ум такая подлость. Нормальному человеку никогда такое не может придти в голову.

Больше он ничего не сказал, сердито покинул кухню.

На другой же день он написал заявление об увольнении, добился, чтобы оформили без отработки. Он не мог глядеть в глаза не только товарищам, с которыми столько лет работал вместе, но и незнакомым. Начальству и конторским сказал, что увольняется по семейным обстоятельствам.

Рассчитали его быстро. На работу никуда не стал устраиваться. Запил по-черному, стал ушиваться у пивнушек. С утра уходил из дома и возвращался только к вечеру изрядно выпившим.

В один прекрасный день Ирина получает повестку к следовате-

лю. Там ей учинили допрос. А дело было в том, что сосед матери видел, как Ирина что-то закапывала в огороде. Хотя и был он стариком преклонного возраста, его разбирало любопытство, и он выдрал доску ограды, залез в соседский огород и выкопал драгоценности, которыми был изумлен. Но не сразу отнес их, куда следует. Под конец все же решился и все там рассказал.

Через месяц состоялся суд. Народу в зале суда было битком. Решением суда Васе и Феде полагалось получить по двадцать тысяч рублей. А из положенных Анатолию двадцати тысяч пять тысяч выделили старику, выкопавшему и отнесшему драгоценности. А остальные пятнадцать тысяч перечислить детскому приюту. Суд принял решение не возбуждать дело на Ирину и отпустить ее с миром. Так из-за ее жадности они с Анатолием остались на бобах.

От такого стыда у Анатолия схватил инфаркт. Он свалился на пол прямо в зале суда. Приехала скорая помощь. Ему сделали несколько уколов. Он не приходил в себя. Тогда его увезли в больницу. Там он еще оклемался, лежал под капельницей. Лежал и думал Анатолий, что зря заставил Василия делиться найденным им кладом. Вот за жадность, видимо и наказал Бог. Не зря же говорят, что ему сверху все видно.

В больницу приходила Ирина, садилась рядом, разговаривала с ним. Но Анатолий хранил гробовое молчание, закрывал глаза. Он не притрагивался даже к фруктам, приносимым ею, отдавал соседям по палате. Если те отказывались, безжалостно выбрасывал в мусорное ведро.

Здесь, в больнице, Анатолий познакомился с молодой медсестрой Верой, которая ухаживала за ним, как за малым дитяти. Как-то сидели около больницы на скамейке, и она спросила:

— Что это к тебе одна жена ходит, неужели у тебя нет друзей-товарищей?

Ему пришлось рассказать о случившейся с ним истории, после чего думал, что и Вера отвернется от него. Но она больше зауважала его, стала старательней ухаживать за ним. Однажды она подошла к нему под вечер и сказал, что к нему пришли двое мужчин. Он вышел к ним. Там стояли Федя с Васей.

— Вот мы решили придти к тебе в гости.

— Какие вы молодцы, а то я соскучился тут в одиночку, подумывал, что вы забыли меня.

— Как забудешь такого бригадира, столько добра нам сделал.

— Да ладно вам хвалить-то, а то вырастут крылья, как у шести-крылого Серафима.

— Быстро опустим на землю, если понадобится.

— Хотели принести с собой водку, но кое-кто посоветовал, что сердечникам подойдет лучше коньяка.

Федя вытащил из кармана бутылку коньяка, достал нарезанный на дольки апельсин. Вася достал припасенный заранее стограммовый граненый стаканчик.

— Ребята, мне только чуток, все же боюсь, ведь прохожу курс лечения.

Выпили по рюмочке, крикнули и вытерли усы.

— Анатолий, возвращайся к нам обратно в бригаду. Без тебя нам тяжело.

— Не знаю уж, что делать-то ребята.

— А мы с Федей решили скинуться и купить тебе «Жигулей».

— Спасибо, ребята.

У Анатолия от растроганности выкатились слезы.

Под конец ребята хлопнули его по плечу.

— Ну, выздоравливай, бугор.

Выписавшись из больницы, Анатолий не вернулся домой. Его к себе на квартиру повезла медсестра Вера. Оказывается, она жила одна в трехкомнатной квартире. Родители ее, выйдя на пенсию, уехали к себе в деревню в Яльчикский район.

Сколько жил Анатолий с Ирой, у них все не было детей. А тут через девять месяцев Вера родила дочь. В честь бабушки ее назвали Настенькой.

Отомщение

Как и подобает по законам природы, наступила осень. Каждый день лил непрерывный дождь. Становилось все прохладней и прохладней. Кругом было сыро и слякотно. Даже не хотелось выходить из дома. Но пока не включили отопление, и в квартире было холодно. Спасало лишь одно, что приходилось постоянно возиться на кухне, готовя на зиму всякую снедь.

Тома возилась на кухне с утра до вечера в субботу и воскресенье. А муж, развалившись на диване, смотрел телевизор. В кухню стало так душно, что Тому затошнило. Но внутренний голос говорил ей, что готовит она на всю зиму и для всей семьи. Так что приходилось ей привязываться к плите в прямом смысле этого понятия.

Но вот прекратились дожди и настало солнечное бабье лето. Солнцем быстро высушило слякоть. В субботу, как обычно, Тома возилась на кухне. Солнце приветливо светило в окно. Тома посмотрела в окно и ей так захотелось на улицу, бросив все кухонные дела. Она бросила ложку на стол, сняла с себя фартук и пошла в зал.

– Хватит мне день-деньской торчать на кухне, и у меня, наверное, должна быть личная жизнь.

– В чем дело, Томочка?

– Меня уже тошнит от этой кухни, хочется развеяться на свежем воздухе.

– Пожалуйста, моя дорогуша, но ведь ты прекрасно знаешь, что наша фирма собирается заключить важный договор. – Он отодвинул бумаги с края стола, откинулся на мягкую спинку. – Мне позарез не хватает времени закончить этот проект.

Тома подошла к нему с боку, положила руку на плечо. Он взял с плеча ее руку и нежно поцеловал.

– Шеф на работе смотрит искоса, так и ищет причину уволить, вот и приходится проявлять инициативу, вон, принес бумаги домой.

– Вон, на улице как распогодилось после проливных дождей и серых дней. Мне надоело постоянно торчать у плиты.

– Я тебя понимаю, Томочка, поэтому поступай, как тебе хочется.

Тома задумчиво посмотрела в окно, вглядываясь куда-то вдаль.

– Давно не видела я свою сестру Наталку.

Она посмотрела в зеркало, выбрала себе платье под настроение.

– Пойду-ка я к ней в гости.

– Я не против. Вижу, как ты измоталась в последнее время, закрывая банки.

Тома пошла в спальную. Там дети сидели за столом и занимались уроками.

— Детки, вы пойдете со мной к тете Наташе?

Подняли головы, отрываясь от занятий с недовольными лицами.

— Мама, нам некогда, у нас началась учебная пора, вот выполним домашние задания и пойдём гулять, а пока нам некогда отвлекаться.

— Что-то в доме все сегодня деловые. — Она махнула рукой. — Тогда пойду одна.

Дети посмотрели на нее удивленно, они впервые видели ее такой решительной.

Тоня привела себя в порядок перед зеркалом, кое-что взяла в подарок сестре и положила в дамскую сумку. По пути зашла в кулинарный магазин, купила торт и натуральный сок.

Наташа обрадовалась приходу сестры. Они обнялись и поцеловались. Затем, сидя за столом, долго вспоминали прошлую жизнь и просидели до позднего вечера. Разговор между сестрами все не кончался, каждой хотелось выговориться о своей судьбе, о своих неосуществленных желаниях.

Опомнившись Тома глянула в окно, а там было уже темно, горели лампы на фонарях вдоль городской улицы.

— Ой, мне пора собираться домой, наверное, меня потеряли дома.

Не хотела Наташа отпускать сестру так поздно и сказала:

— Переночуй у нас, хоть насладимся, Тома, ведь так редко видимся.

— Да и мне хочется подольше побыть с тобой.

— Вот, вот, мы ведь все же родные, вон, пустует кровать сына. Ты же знаешь, что он служит в армии.

— Нет, нет, еще раз нет. Муж будет беспокоиться, он будет переживать за меня, да и дети не лягут спать без меня.

Сколько лет они уже живут вместе с мужем, Тома никогда не засиживалась так допоздна. А сестре не хотелось отпускать ее.

— Ведь поздно, Тома, наверное, уже не ходят автобусы до метро.

— Ничего со мной не случится, сестра, я уже сколько лет живу в Москве, мне все нипочем.

— Успокойся, я поняла тебя. Но что поделаешь в этой трудной

жизни, этот алкаш всю страну пропил, а его приближенные продали все, что смогли. А какая богатая и могущественная страна была. Народ столкнули в нищету. – Возмущенно кивала головой Наташа. – Приходите почаще, не забывайте нас.

– Вот потому и мучаемся, сестра, лишний раз сходить в гости карманы пусты.

– Ты права, раньше ходили друг к другу без всяких проблем, отдыхали и веселились вдоволь. Ездили каждый год на юг, теперь остались одни воспоминания. Страна жила в радости, люди веселились от души.

– Теперь люди волком смотрят друг на друга.

– Дожили, говорят, дальше некуда.

– Да, просто выть охота.

Обе грустно вздохнули.

– В нашей жизни были хорошие времена. Что останется нашим детям?

– Чего себя зря расстраивать, от нашего разговора ничего не изменится, пока наверху не поймут, что им без народа не жить.

Еле простились у порога, обнялись и расцеловались. В душе было так тяжело, что глаза прослезились. Все не верилось, что не вернуть прошлые веселые времена. Аж щемило сердце от тоски по былым дням.

Тома вышла на улицу, во дворе было темно, скорее пошла на дорогу, где было светло от уличных фонарей. Быстро шагая по тротуару, она задумалась о своей сестре Наташе. Она была старше ее на три года, все учила, как можно жить лучше. Сама перебивалась, как говорится, еле-еле душа в теле. Муж у Наташи был бестолковым, жил только ради себя. Не замечал ее хорошие качества. В молодости она была красивой. От переживаний Наташа похудела, поседела раньше времени. Томе больше не хотелось расстраивать себя, думая о сестре. Сама выбрала себе такую жизнь. Что теперь осуждать ее, ничего от этого не изменится.

Стуча каблучками по асфальту, Тома шла по ночному городу. Приятно было шагать, не то, что днем. Редко ходили машины, воздух был не задымлен. Дышалось легко, чувствовалось прекрасно. Она вспомнила, что сегодня суббота, большинство народа отдыхает, потому мало транспорта на дороге. Она пошла медленней. Рядом притормозила машина, высунулась мужская голова.

– Шагая таким темпом, далеко не пойдете.

Томе не хотелось разговаривать с ним, как шла, так продолжала идти.

– Садитесь, женщина, в машину, быстро довезу до места.

– У вас же не такси?

– Поэтому с вас возьму меньше, чем таксисты, обслужу высшим классом.

– Раз такое дело, не откажусь, все равно на горизонте не видно такси, до метро еще далеко.

Тома села рядом с водителем. Он все время странно разглядывал ее. Заметив это, Томе стало не по себе, появилась подозрительность к этому водителю. Только сейчас опомнилась, что он не спросил у нее адреса. Завернули на Измайловский парк, он остановил машину среди деревьев. Сердце Тома екнуло, душа ушла в пятки. Она тут же подумала, как бы он не убил ее. Стала смотреть, чем бы можно было ударить его по голове в случае чего для самозащиты, но ничего не увидела под рукой, ни одного тяжелого предмета. Тут послышался его приказной тон:

– Так, раздевайся по-хорошему.

– Сейчас, минуточку, но сначала хочу в туалет.

Водитель немного помялся, подумал. – Раз такое дело, иди.

Тома взяла сумку с собой.

– Ее можешь оставить.

– Ты что, я без сумки, как без рук.

– Давай скорее у меня, а то терпение лопнет.

Пошла Тома в лес, там было темно, только в небе сверкали звезды. Она подумала, надо бежать. Собрала силы и давай бежать по лесу. Ветки хлестали по лицу, пришлось одной рукой защищаться от них и продолжать бежать. Уже выбилась из сил, как выскочила на какую-то дорогу. Подумала, что наконец-то спаслась. Тут навстречу вылетела машина. Тома замахала рукой. Машина резко затормозила, открылась дверь. Она скорей запрыгнула вовнутрь и услышала знакомый голос:

– От меня никуда не убежишь.

Так стало обидно, столько приложила сил и все без толку.

– Так, долго ждать мне, когда снимешь свое нижнее белье?

– А если мне не хочется этого?

– На тебе, твердолюбка, если не понимаешь по-хорошему.

Он несколько раз ударил ее по щеке. Было так больно после лесных веток.

– Если будешь сопротивляться, буду бить по тем местам, где не останутся следов от ударов, и до тех пор, пока не добьюсь своего.

Тома подумала, может, он садист или маньяк какой, стоит ли испытывать судьбу свою. Значит, не стоит злить его, главное, чтобы выжить в данной ситуации. Подумала она и о семье, как же они проживут без нее, если этот тип порешит ее.

– Ну хорошо, и где же будем?

– Прямо тут, в машине.

Тома начала раздеваться, у самой текли слезы по щекам от такой своей беззащитности. Такой слабости в себе у нее еще никогда не было. Сделав дело, молча оделись. Когда села на место, Тома спросила:

– Как тебя звать-то, водила?

– А зачем тебе это нужно?

– Так было хорошо, мне понравилось, можно бы еще повторить, хочю встретиться с тобой.

– Такой ответ мне нравится, – заулыбался он, в темноте видны были белые зубы. – Звать меня Леней.

– Телефон есть у тебя?

– Конечно, я рад такому сближению.

Довольный такой, достал из бардачка записную книжку, включил свет в салоне, чиркнул номер телефона, оторвал листочек и подал Томе. Завел машину и поехали от это проклятого места. От такого исхода дела у Лени поднялось настроение. Он начала травить анекдоты и рассказывать веселые истории из своей жизни. Он масляными глазами поглядывал на нее. Тома в ответ через силу выдавливала вынужденную улыбку. Ей было очень тяжело в эти минуты, внутри скребли кошки, хотелось кричать, исцарапать все лицо Лени, чтобы и ему стало плохо, как ей сейчас.

Доехали до родной улицы. Леня высадил Тому у подъезда, на который она указала. Сам все еще не уезжал, пока не увидел, как она зашла в подъезд. Тома поднялась чуть выше и посмотрела в окно. Отсюда видно было, как он выкурил сигарету, выбросил окурок и только тогда уехал. Тома вышла из незнакомого подъезда и двориками пошла к своему дому. По темным дворам и переулкам еле добралась до дома. Муж и дети встретили ее радостно, обрадовались ее возвращению.

– Что с вами стряслось, так поздно никогда не ложились спать?

– Мама, мы ждали тебя, долго не было тебя, вот и соскучились.

– Сами знаете, давно не видела сестру, от нее разве быстро уйдешь, все не отпускала, хотела даже оставить ночевать.

– Понимаем, мама, потому терпеливо ждали, – дочь подошла и обняла, – мы наготовили тут ужин.

– Вот молодцы, дайте раздеться. – сняла плащ, повесила на вешалку. – Ой, как я устала, пойду приму ванну.

Она закрылась в ванной, встала под душ и под напором воды вдоволь наплакалась. Когда вышла из ванной, в квартире было тихо, все спали. Тома успокаивала себя тем, что осталась жива и здорова, но нервы оставались натянутыми. Она достала из шкафа бутылку коньяка. В ее жизни еще ни разу не было, чтобы пила одна. В компаниях и то редко пила алкогольные напитки. Налила в тонкую рюмку коньяку, выпила, затем повторила несколько раз. Лишь после этого успокоилась, дошла до кровати и вскоре уснула.

Всю неделю Тома ходила сама не своя, убитая этим горем унижения ее женской чести. В конце недели, когда пришла с работы, у двери встретил муж. Взяв за руки, пылливо посмотрел в глаза.

– Что с тобой, Томочка?

Она отвернулась в сторону, опустила глаза.

– Не заболела ли ты случайно?

– Просто мне все не по себе, болею женской болезнью, должен сам понимать. – От вранья у нее покраснели уши.

– Ложись отдохни, все сделаю сам, сладость ты моя, – поцеловал в ее бледные губы.

– Нет, нет, не беспокойся, мой милый, – вся встрепенулась Тома, лицо ее стало еще тревожней.

– Как съездила к своей сестре Наташе, тебя будто подменили. Она задумчиво смотрела в пустоту.

– Просто изменилась, может, им трудно жить от нехватки денег.

– У них все нормально, это у меня в душе боль, – подумала Тома.

– Закончили свой проект, все подписали, шеф выделил нам по пять тысяч рублей премии. Можем отдать Наташе половину.

– Посмотрим, не беспокойся ни о чем, мой муженек, отдыхай, смотри свой телевизор.

– Странно, хочешь ей сделать приятное, а она все недовольна, – резко мотнул головой и ушел в зал.

Тома принялась за хозяйство в доме, чтобы хоть на время забыть о тех неприятных минутах. Но в голове крутились мысли, не давали покоя. Она думала, если пойти заявить в милицию, то вряд ли его накажут, следов от его спермы не осталось. А если попробовать еще раз и тут же пойти на судэкспертизу? Если он найдет умного адвоката, то его могут оправдать. А о ней может пойти нехороший слух. Во дворе за ее спиной могут тыкать вслед пальцем. Пойдет нехорошая слава. Начнут шептаться бабки во дворе. Тогда прощай спокойная жизнь, мужу и детям не дадут прохода с насмешками и ухмылками. Тогда, хоть меняй квартиру на другой конец города. Здесь уже привыкли, все стало родным, никуда не хочется уезжать отсюда. Так размышляла Тома. Наконец, пришла хорошая идея.

В один из ближних свободных дней Тома позвонила Лене из уличного автомата.

– Давай встретимся, я куплю бутылку водки и прихватила сытную закуску.

– Я же за рулем.

– Лиха беда, возьмем такси, хоть немножко отдохнешь по-человечески.

– Правильно придумала, вот хорошо, давно так не отдыхал, прямо сейчас лечу на крыльях.

К назначенному месту Тома подъехала на такси. Была она в привлекательном наряде, чтобы Леня ничего не заподозрил. Увидев ее, тот заулыбался, и улыбка не сходила с его лица. Сели в такси, водитель поинтересовался:

– Так, куда едем?

– На старое место нашего знакомства, – она локтем толкнула Леню в бок. – Говори ему куда ехать, у меня девичья память.

Доехали до места. Здесь было спокойно и тихо. Земля успела высохнуть за последние солнечные дни. Людей не видно было. Когда Леня ушел с пакетом вперед, Тоня шепнула таксисту:

– Подъезжай через час, не переживай, заплачу, сколько положено. Если сам не сможешь подъехать, попроси другого.

– Все понял, замечено, постараюсь сам подъехать.

Зашли в глубь леса, устроились на маленькой уютной поляночке. Тома выкладывала закуску, достала бутылки. А Леня не давал

покою, все лез к ней, целовал в оголенные места. От его прикосновений брала дрожь, прибавлялась злость на него.

– Ты, оказывается, симпатичная женщина, и прическу выбрала по вкусу.

– Не спеши, Леня, сначала выпьем, расслабимся немного, хорошенько закусим, наберем сил.

– Нет, хочу прямо сейчас.

– Ты лучше поухаживай за дамой, открой бутылки, мне красненького, а себе водочки налей.

Налив себе полную рюмку, опрокинул залпом.

– Фу ты, какой-то незнакомый привкус.

– Тебе показалось, наверное, вон лучше закуси.

Поев немного, Леня медленно повалился на землю.

Из леса на дорогу Тома вышла на встречу такси. Таксист подъехал, как договорились, ровно через час.

– А где мужик ваш?

– Да лежит пьяный, не добудишься.

– Может, помочь?

– Нет, не стоит. Вы когда-нибудь таскали пьяного?

– Не приходилось.

– Тогда не навязывайтесь зря, вчетвером нужно таскать, как набитый песком мешок все выскальзывает из рук и падает на землю.

– Жалко человека, может застыть, все же осень стоит.

Таксисту не давала покоя мужская солидарность, вся хотел помочь.

– Я постелила под него бумагу. В конце концов я не нанялась сторожить его, поехали.

– Это ваше дело, вам видней.

Он завел машину, довез до того места, откуда забрал сегодня. Таксисту было любопытно, как там спит мужик. Думал, что доведет мужика до его дома, будет дополнительный барыш. За это время мужик, наверняка протрезвел, да еще в такое время года, земля все же прохладная. Поэтому, больше не раздумывая, возвратился на то место. Видит, мужик лежит в крови между ног, рядом лежат два человеческих яйца. Мошонки аккуратно защиты белыми нитками. Еле растолкал таксист мужика. Леня проснулся.

– Ой, как больно, немоготу. – Леня хват рукой между ног. – Куда делись мои яйца?

– Вон перед твоим носом лежат.

– Ну и заразы эти женщины, всего одну рюмку выпил и упал на землю.

– Видать, подлила чего-нибудь.

– Пока спал, успела прооперировать, мужики никогда до такого не додумаются.

– Видимо, ты сильно обидел эту женщину. Запомни, никогда не причиняй им боли, тем более – душевной.

– Разве их обидишь, вон до чего додумалась.

– Давай скорее поехали в больницу, пока ткани совсем не омертвели, может обратно сунут на место яйца и зашьют.

Яйца положили в пакетик. Леня еле передвигал ноги, ругая женщину на чем свет стоит. Продолжал ругаться вплоть до больницы.

Разумное решение

На город незаметно наступила осень. Лили непрерывные дожди. Везде мелькали разноцветные зонтики разной величины. Было сыро, прохладно и неприятно, брала дрожь. Даже в городском транспорте было сыро. У всех пассажиров, отправляющихся на работу, были мрачные лица. Вот и сегодня с утра моросил дождь, не было конца низко плывущим над землей тучам. Вспоминались летние теплые дни, как было приятно телу под яркими солнечными лучами. А теперь под этой сыростью по спине пробегали мурашки.

К обеду легкий ветерок все-таки немного разогнал тучи. Со скучившимися по лучам солнца люди ожили, взбодрились. Глазам приятны были желтизна листьев деревьев и яркая краснота ягод рябин, которые в дождливые дни почему-то не замечались.

После обеда, уже с другой стороны, опять приплыли низкие тучи. Вновь пошел дождь. Михаил Иванович смотрел в окно унылыми глазами. В такой ненастный день тянуло спать. Он то и дело потягивался, разводил руки в стороны, зевал так страстно, что сводило скулы. Время от времени протирал сонные глаза. Думал, как досидеть до конца рабочего дня на своем стуле, не лучше ли сходить в буфет и попить крепкого чая.

Тут открывается дверь нараспашку, за образовавшимся проемом стояла секретарша. Мужики, шутя, поговаривали, что у нее ноги растут сразу от ушей. Не соизволив зайти в кабинет, из коридора спросила:

– Михаил Иванович, у вас, что, телефон не работает?

– Да, вот вызвал мастера по ремонту телефонов, но он что-то не пришел.

– А что случилось с телефоном?

– Убиралась тут уборщица, видимо, где-то что-то задела шваброй.

– Ясно, вот по какому поводу пришла к вам, Михаил Иванович. Вас вызывает к себе шеф.

– Понятно, сейчас приду.

Он ничего не стал трогать на столе из документов, как они лежали на столе, так и остались лежать. Он прикрыл за собой дверь, щелкнул самозакрывающийся замок. Быстрыми шагами по коридору поспешил к массивной двери, обшитой дерматином. Секретарша уже сидела на своем месте, работала на компьютере. За-

метив его, развернулась к нему на крутящемся кресле.

– Пройдите, он вас ждет.

Михаил Иванович зашел в кабинет. Шеф сидел в кресле, еле вмещаясь в нем. Он был полным румяным мужчиной, с постоянной улыбкой на лице. Не выпуская из руки трубку телефона, сказал:

– А, присаживайся, подожди минуточку, я сейчас.

Михаил Иванович сел на стул напротив его. Эта минуточка протянулась примерно минут на пятнадцать. Наконец, шеф положил трубку, облегченно вздохнул, у него даже лоб вспотел.

– Как начнешь разговаривать с этими женщинами, так никак не сможешь прервать их. У них идут потоки слов, могут продолжаться бесконечно. Вот и приходится выслушивать всякую несусветную чушь.

Достал из холодильника местную минеральную воду «Чебоксарскую», открыв бутылку, налил воду в прозрачный высокий стакан, сделал несколько глотков.

– Вот зачем вызвал я тебя, Михаил Иванович. Хочу послать тебя в командировку.

– Что, более молодых нет в нашем заводском управлении?

– Есть-то есть, да толку от них нет. Большинство из них протолкнуто сюда родителями. Ничего не могу поделаться с ними, бестолковыми.

– Пусть натаскиваются, набирают опыта в трудностях, что с ними постоянно нянчиться.

– Нет конечно, постепенно нужно освободиться от них, вот и приглядываюсь.

– Чего таскаться мне постоянно по этим гостиницам, пока разберитесь здесь, на месте, хотя бы на этой неделе.

– Чего стоит твой опыт, заменяет нескольких молодых специалистов.

– Первый раз слышу такую похвалу за все время работы здесь, спасибо хоть на этом.

– У тебя все получается, есть дипломатический подход к людям, это редкий дар.

– Только теперь заметили, когда набрали этих оболтусов.

– В этом ты прав, Михаил Иванович.

– Мне нужно подумать.

– Нечего и говорить, кроме тебя, в министерстве никто не сможет добиться подписи этих бумаг.

Михаил Иванович задумался.

– Ладно, так и быть, после твоего возвращения недельки на две дам путевку в санаторий «Чувашию».

– Вот это другое дело, завтра же поеду.

– Нет, сейчас же, время не терпит отлагательств. Иди в бухгалтерию, оформи командировку, получи должные на такой случай деньги и премию, без этого нельзя. Я уже распорядился. Московский поезд уходит через час.

Михаил Иванович успел позвонить жене Ире, чтобы она не беспокоилась и не переживала за него в его отсутствие. Первым делом зашел в магазин «Огонек», купил три бутылки чувашского бальзама, в Москве его любят. Затем поспешил на железнодорожный вокзал. Подошел к кассе и поинтересовался:

– Билеты на сегодня есть?

– Вы что, где ходили до сих пор, наверное, только проснулись? К сожалению, на сегодня билетов нет, только на завтра.

– Летом билетов не бывает, это понятно, сейчас вроде осень.

– Но народ-то ездит в Москву, не только вам нужно.

– Странно такое слышать.

Михаил Иванович отошел в сторону, думал, как же поступить. На автобусе ехать не хотелось, не тот возраст, да и погода сырая. Мотаться на автобусе до Москвы, а там ходить в министерстве с опухшими от недосыпания глазами. Нет, подумал, не пойдет. Принял разумное для себя решение.

– Будьте добры, дайте пожалуйста, на завтра один купейный билет.

– Вот это другой разговор, – улыбнулась приятной внешности девушка, успокоила тревожную душу.

Расплатившись, билет положил в паспорт. На улице из темноты кто-то окликнул его сзади.

– Миша, это ты?

Обернулся. К нему подходил мужчина. Черты лица был знакомы ему, но никак не мог вспомнить его.

– Миша, это я, Василий, одноклассник твой.

– Ой, вспомнил, как безудержно летит время.

– Как ты уехал в Чебоксары, так с тех пор и не виделись.

– Прошло лет двадцать с тех пор.

– В каком районе живешь-то?

– Недалеко отсюда, в Новоожном районе, около кинотеатра «Победа».

– Дай-ка посмотрю на тебя поближе.

И крепко обнялись, даже прослезились оба, по щекам текли скупые мужские слезы.

– Видишь, Миша, как меня деревня потрепала. Мы ведь с тобой одногодки, а я на вид выгляжу лет на десять старше тебя.

– Я ведь всю жизнь в кабинетах просидел, а в квартире на диване полеживаю, что нам делать больше городским.

– А я с утра до вечера на ногах, все пахать приходится.

– Наверное, полный двор живности?

– Ты что, Миша, как без скотины в деревне, без мяса нечего есть, сил не будет, не сможешь ноги таскать.

– Ну что стоим перед вокзалом как сироты, пойдем куда-нибудь, посидим по-человечески, вспомним молодость.

– Миша, ты лучше меня знаешь Чебоксары, веди, куда пожелаешь.

Михаил Иванович повел своего одноклассника в расположенный рядом с вокзалом магазин «Елена», где был рюмочный отдел. Здесь было много народу, было шумно, особенно около игровых автоматов, где толпилась одна молодежь.

– Пойдем в другое место, Василий, где не будет шума, и можно спокойно посидеть.

– И где же находится это заведение?

– Сейчас увидишь, пройдем по переходу под железной дорогой, мимо нового автовокзала, перейдем проспект Мира, а там прямо на углу расположено кафе «Ли́ра».

– Ты наговорил дорогу, мне кажется, что это далеко.

– Нет, здесь рядом, под рукой. Я там бывал несколько раз, меня туда тянет, потому что там спокойно и не так дорого.

Разговаривая, быстро дошли до места. Здесь было действительно спокойно. Люди приходили, выпивали и уходили. А кто сажился за стол, мог находиться там столько, сколько душе было угодно, никто не мешал и не приставал.

Так и сидели они вдвоем. То Василий закажет, то Миша. Повторили этот процесс несколько раз, начали пьянеть. Когда решили, что дошли до кондиции, вышли из кафе. Миша проводил Василия до его родственников. Еле расстались, все хотели продолжить душевный разговор. Может Миша и остался бы, но ему завтра нужно ехать в командировку.

Михаил Иванович вышел из троллейбуса на остановке «Кино-

театр Победа» Посмотрел на часы, время было десять часов ночи. Открыв дверь своим ключом, разделся в коридоре. Подумал, что вот теперь спокойно отдохнет под боком жены после бурной встречи с одноклассником. Открыл дверь спальни и услышал сладострастные стоны жены Иры, мужские тяжелые вздохи и сопенье. Михаил Иванович включил свет и видит, что жена лежит под совсем незнакомым чужим мужчиной. Оба были совершенно голыми, им было жарко в этот осенний холод. Хмель у Михаила Ивановича моментально прошел.

– Ба, вот дает жена, не успел муж за порог выйти, как легла уже под любовника.

Ирина не смела взглянуть на мужа.

– Сколько мы спим с тобой, Ира, ты никогда с таким наслаждением не стонала.

Ирина ничего не смогла сказать, застыла на месте и иступленным взглядом уставилась в пол, не смея поднять голову. Боялась сделать лишнее движение, чтобы не вызывать излишней агрессии со стороны Миши, иначе он возьмет да убьет ее, а от этого можно уберечься лишь смиренным молчанием, потому и притворилась смиренной овечкой.

И мужчина боялся делать лишние движения, забился в уголок, как мышь. А Михаил Иванович спокойно расхаживал по комнате как кот перед охотой. Взяв пиджак от костюма мужчины, он вытащил из кармана паспорт и полистал его, узнал адрес любовника жены.

– Так, значит звать Виталием Васильевичем. Какой у вас домашний телефон?

– Зачем вам нужно еще другую семью разрушить?

– А зачем вы залезли своей неверной душой в мою постель?

Дрожащими губами Виталий Васильевич проговорил шестизначный номер телефона.

Одной рукой сжав трубку, другой рукой Михаил Иванович стал набирать номер. Тут Виталий Васильевич хотел привстать, но тут же получил кулаком удар по голове.

– Сидеть на месте, пока никто вам не давал разрешения двигаться!

Тот мигом укрылся под одеялом.

– Как звать вашу жену?

– Анюта.

– Ало, Анюта, это вы?

– Да, а кто вы, и в чем дело?
– Срочно приезжайте сюда.
– Кто вы такой, чтобы давать мне такие указания.
– Я рядом с вашим мужем нахожусь в данный момент. – Он передал трубку Виталию Васильевичу. У того дрожала нижняя челюсть. – Говори без лишних эмоций, чтобы приехала сюда прямо сейчас.

– Ало, Анюта, приезжай немедленно, можешь даже взять такси.
– Объясни, как доехать и куда зайти.

Всех мучила жажда, хотелось пить, но Михаил Иванович удерживал себя и тем не давал двигаться с места. Как тяжело было ждать конца разрешения конфликта. Сжимал кулаки, скрежетал зубами, хотелось избить их до полусмерти, уничтожить как мух ненужных. Это была невыносимая пытка. Он про себя успокаивал себя, по привычке гладил по животу, как это делал на работе. «Наломаешь дров, – думал Михаил Иванович, – потом будешь еще больше мучиться, вот этого и остерегаюсь».

Виталий Васильевич с Ирой с опаской посматривали на него, как бы чего не вышло непоправимого. Где-то через полчаса в коридоре раздался звонок.

– Сидите на месте, для вас же будет лучше!

Открыв дверь, Михаил Иванович увидел стройную симпатичную женщину, даже через пальто была заметна ее прелестная фигура. Про себя подумал: «Что еще нужно этому ловеласу? Такая прекрасная женщина создана природой, чтобы ее любили и нежили за ее необычную красоту. Везет же таким придуркам, как этот Виталий Васильевич. Ладно еще была бы непривлекательной, можно было бы ходить налево, немножко развлечься, не разрушая свою семью».

– Где мой соколик?
– Скорее всего, ворон он черный, вот что я вам могу сказать одним словом.

У Анюты, то ли от страха, то ли от неизвестности, забегали глаза.

– Говорите, не томите женскую душу
– Вон смотрите и любуйтесь своим пакостником.

Зашла Анюта в спальную, стянула с них одеяло. Те лежали на кровати все еще голыми, блестя телами.

– Ах ты, окаянный, врун несчастный! Витя, ты же сказал, что поедешь в деревню, а сам наслаждаешься с любовницей, изменя-

ешь своей жене! — Она с яростью начала рвать волосы мужа, царапать лицо, хватая за уши, трясти его голову. — Что тебе не хватало в жизни, кобель несчастный!? Я тебя лелею как ребенка, а ты вместо благодарности вон какие номера выкидываешь!

Истерика, слезы, шум-гам, скандал на всю квартиру. Анята накинулась кулаками и на Иру. Трепала обоих поочередно, слышался женский визг. Михаил Иванович вышел из спальни, в ручку сунул ножку стула, чтобы не смогли выйти. Сам пошел на кухню, чтобы не слушать сыр-бор этой разборки. Достал из холодильника бутылку водки, разлил в четыре рюмки. Вернувшись в спальную, увидел, что Анята успокоилась, все трое сидели по разным углам.

— Идите за мной на кухню.

Тройка появилась на кухне, на свету алели свежие царапины, синели искусанные места и места тумачков.

— Давайте выпьем, чтобы успокоиться, затем обсудим, как нам дальше жить, и примем разумное решение.

Все молча опустошили рюмки.

— Теперь слушайте меня внимательно. Если моя Ира любит вашего, как вы назвали, Витю, пожалуйста, пусть живут вместе, для любви нет запрета.

Все вытаращили глаза на хозяина квартиры, никак не поймут, то ли шутит, то ли говорит всерьез. Анята вопросительно посмотрела на него.

— Мне, что, прикажете одной куковать?

— Успокойтесь, Анята пока не лезьте вперед батьки в пекло. — Михаил Иванович проложил руку на ее плечо. — Зачем одной, мы с вами будем жить.

Анята улыбнулась, глаза посветлели, она прислонилась к нему.

— Я согласна без лишних разговоров, сразу видно, что вы хороший и добрый человек, к тому же надежный, рассудил мудро и принял разумное решение.

Виталий Васильевич остался жить с Ирой в этой квартире. Михаил Иванович переехал жить к Аняте. Стали жить в любви и согласии. Михаил благодарил Бога, что судьба свела его с Анятой, с которой жил в благодати и радовался. Только немного жалел, что напрасно прожил с Ирой столько лет.

Анята души не чаяла в Мише, даже помолодела на несколько лет, жили они счастливо и никогда не расставались.

Доверяй: да проверяй

Дня три стояло тепло, грело солнышко, немного успел растаять снег. Но сегодня было холодно, с севера дул холодный ветер. Володя стоял на остановке, отвернувшись от ветра, ждал троллейбуса пятнадцатого или восемнадцатого номера. Наконец подъехал троллейбус, медленно тормозя, остановился. Дорога была скользкая. Володя вошел в троллейбус. У входа толкалась кондукторша и беспардонно громко спросила:

– Что у тебя там, показывай, не стесняйся?

Володя спокойно достал проездной билет, помахал перед ее носом.

– Приходится к каждому подойти и требовать, так каждый раз, народ все наглеет и грубит.

– А вы повежливей с ними.

Пассажиры со средней площадки в сторонке ухмылялись.

– Будешь тут с вами вежливой, когда с нас требуют выполнения плана, постоянно укоряют, почему, мол, приносите мало денег.

Одна женщина заворчала, раза два фыркнула:

– Что толкаетесь, поаккуратней протискивайтесь, не наступайте на ногу.

– Не нравится, ездите на такси.

Пошла кондукторша дальше, прижимая к груди сумку с деньгами и билетами, посматривая по сторонам на пассажиров. На задней площадке стояло несколько мужчин. Один из них недовольно ворчал:

– Только с черного народа стараетесь содрать последнюю копейку, богатые, вон на своих машинах ездят.

– А что я могу поделать, такая уж моя работа.

Теперь кондукторша молча обходила пассажиров, надзорным взглядом проверяя проездные документы, или обилечивая остальных пассажиров. Володя, выйдя из средней двери зашел в заднюю. Здесь было свободней, не толкались, устроился поудобней. Стоявший рядом с ним мужчина был прилично одет, вид солидный. Заметив приближающуюся кондукторшу, он отвернулся к окну. Кондукторша остановилась сзади него.

– Сколько лет работаю, за это время выработался нюх на безбилетников. – И не отходила от него. – Эй, давай показывай проездной, долго мне еще ждать?

Мужчина молча опустил глаза.

– Пожалуйста, не кричите, на следующей остановке выйду и пройду пешком.

– Надо было идти сразу своими ногами.

– Хотелось быстрее добраться до работы.

Кондукторша злобно сверкнула глазами.

– Я никогда не поверю, что такой солидный мужчина без денег.

– Случилось так, что сейчас еду получать деньги.

– Будем тут мне зубы заговаривать.

– Извините, пожалуйста, такое случилось первый раз в жизни.

Володя вступился в разговор.

– Пусть едет, что, вам жалко что ли, тут полно свободного места.

– Если жалеешь, то заплати за него.

– Рад бы, да только проездной имею с собой. Как получаю деньги, сразу приобретаю проездной билет, чтобы не таскать в карманах мелочи, они у меня долго не задерживаются.

– Вот-вот, тут вас много ездят заступников.

Троллейбус остановился, двери открылись, мужчина, незаслуженно оскорбленный, вышел с унылым видом. Народ молчал, каждый старался не замечать подобного инцидента, отворачивался в сторону. Кондукторша пошла дальше, властно требуя с каждого пассажира.

– Так, показывайте документ на проезд, если нет его, оплатите проезд.

Володя уныло посмотрел в окно троллейбуса, думая, как жизнь круто изменилась в отрицательную сторону. Теперь у людей одно на уме, это – деньги. Добрые отношения между людьми, видимо, остались в прошлом. Все-таки в жизни все же есть совесть, приличие, добропорядочность, ведь на этом и держится наша жизнь. В большинстве между людьми нормальные отношения. Володе противно было думать о хамстве, распутстве, алчности. Володе не давали покоя подобные мысли. Но он думал и о том, как выжить в этом жестоком мире, наступившем с началом ограбления народа высшими эшелонами власти, не думающими о будущем. Жируют, наслаждаясь одним днем, грабя свой работающий люд.

Кто-то толкнул Володю в бок. Он обернулся. Перед ним стоял чернявый мужчина.

– О старый знакомый, давно не виделись!

Володя посмотрел на него оценивающим взглядом. С папкой в руках он выглядел деловым человеком.

— Где ты пропадаешь, Алик, в последнее время что-то не видно тебя в нашем Новоюжном районе, раньше постоянно маячил?

— Да вот занялся торговлей, из Чувашии вожу картошку на Север, иногда — в Самару.

— А толк то есть?

— Конечно в последней поездке прибыль составила около пятидесяти тысяч рублей.

— Это неплохо.

— Я ведь сдаю товар перекупщикам. Самому некогда торговать, стоять за прилавком. А так сдал оптом, получил деньги и обратно в Чебоксары.

— Конечно, если такой куш, то можно крутиться. За такую сумму на заводе нужно пахать два года.

Улыбнулся Алик, довольный. Лицо у него было круглое, губы полные, выглядел по-своему интересным мужчиной. Разговаривал с акцентом.

— Хорошо, что встретил тебя, Володя. Мой напарник живет на улице Ленинского Комсомола.

— А, тут рядом, видимо, потому зашел ты на этой остановке.

— Сидит Саша дома, ничего не хочет делать, вот и приходится бегать одному. — Вытер свой нос ладонью вверх, шмыгнул. — А деньги делим пополам, поровну на каждого.

— Не знаю, это ваше дело, я не могу судить с фонаря.

— Не в этом дело, просто хочу сказать, мы с тобой работали на тракторном заводе, притом в одном цеху, давно знаем друг друга.

— Да, это было давно.

— Вот почему хочу предложить тебе в напарники. — Алик улыбнулся своей улыбкой, сузил глаза. — Я предлагаю тебе поехать со мной.

Володя призадумался, немного помолчал, затем не спеша сказал:

— Так сразу с бухты-барахты не могу ответить, надо вначале хорошенько подумать, прежде чем делать такой шаг.

Володя посмотрел в окно, как бы не пропустить свою остановку.

— Смотри сам, дело хозяйское, никто силом не заставляет. — Алик остановил взгляд на Володе, выпучил свои красные глаза, на-

блюдая за реакцией Володи. – Увидишь, как за неделю обернемся с немалыми бабками.

– Заманчиво, конечно, что и сказать.

Троллейбус подъехал к Володиной остановке. Он махнул рукой.

– Ну, пока, я приехал.

– Постой, мы с тобой не решили этот вопрос.

– В следующей раз.

Они стояли у выхода, разговаривая, сзади люди толкали и недовольно ворчали.

– Пропустите нас, встали тут на проходе.

Больше ничего не говоря, Володя вышел из троллейбуса. Алик не отставал от него, шел в сторону дома Володи. Идти по этой дорожке было неудобно, за зиму намело снегу, и дорожка сузилась. Если идти вдвоем рядом, то и дело приходилось пропускать встречных. Дворники не убирали на этом участке. Рядом был кооперативный дом, деньги сюда не выделяли, хотя жильцы платили больше, чем жильцы государственных домов. А у коммунальной конторы, тем более, было наплевательское отношение на все это. Алик шел то рядом с ним, то сзади него, болтая без умолку, не отставал ни на шаг от Володи. Говорил, какие деньги он зарабатывал.

– Я вот вложил свой капитал в один гастронорм, он находится в центре города.

– Там пятиэтажные дома, покупателей, наверное, будет мало-мало.

– Но зато богатые и надежные клиенты.

– Не знаю, что у тебя получится, из-за двух-трех покупателей быстро получить обороты.

– Видно будет, как пойдут дела.

– Сейчас основная масса людей ходит на рынок, ищет, где бы купить продукты подешевле.

– Пока я взял площадь в аренду в овощном магазине с одной задумкой. – Алик остановился, приподнял руку и указательным пальцем показал вверх. – Она у меня будет как перевалочный пункт.

– Ну ты раскатал губу, дальше некуда.

– Как я задумал, так и получится, все финансы вложил туда.

Алик проводил Володю аж до дверей квартиры. А Володе было неудобно не пригласить его, и он вежливо предложил зайти. В квартире никого не было, жена на работе, дети в школе. Первым делом Володя поставил чайник на плиту, чтобы согреться после уличного

холода. Тем временем Алик достал бумаги из папки и начал объяснять, что к чему. В Синьялах нужно загрузиться картошкой, но до этого нужно съездить в Новочебоксарскую колонию за сетчатыми мешками, а затем наполнить картошкой в Синьялах.

– Да, вполне резонно и понятно, – кивал головой Володя как деловой человек, а сам ничего не кумекал в этих цифрах, лишь названия населенных пунктов были ему знакомы.

– Еще нужно съездить в Красночетайское, один частник обещался продать несколько тонн капусты.

На плите закипел чайник, Володя выключил газ, на скорую руку заварил чай. Достал пирожки и положил на тарелку. Открыл банку варенья, большой ложкой зачерпнул и положил в вазу. К этому времени заварился чай, от него шел аромат. Было приятно ощущать это носом.

– Присаживайся к столу, Алик.

– Вот и хорошо, я люблю чай, у нас в Узбекистане без него не проходит ни одного дня.

Володя выпил кружку чая, ему этого было достаточно. Он вышел из-за стола, пошел в ванную, полотенцем вытер вспотевшее лицо. Пока он вернулся на кухню, Алик успел опрокинуть шестую кружку. Только опустошив весь чайник, он вышел из-за стола.

– Ладно, спасибо за угощение, я пошел домой, завтра приду к тебе.

– Что будем делать?

– Вместе пойдем в бывшее УПТКа, там сейчас автобаза. Найдем полуприцеп, машину, называемую короче фурой.

Так они распрощались у порога. В душе Володи все равно было тревожно, что-то не лежало к Алику, вкралось сомнение. Вечером, когда жена вернулась с работы, он рассказал о предложении Алика. Жена была не против, но напоследок серьезным тоном сказала:

– Смотри, Володя, будь осторожней, сейчас все перевернулось шиворот на выворот.

– Что, я маленький что ли.

– Везде слышно одно плохое, пока ничего хорошего нет с этой демократией, никому нельзя верить, тем более – доверять.

– О чем ты говоришь дорогая, мы же с ним в одном цеху МЦ-8 работали в 1986 году.

– Исполнились бы твои намерения.

Так легли спать. До самого утра Володя спал спокойно. Как и договорились, в восемь часов утра в коридоре раздался звонок. Володя угостил Алика чаем. Затем вместе пошли пешком на автоба-

зу. Сюда не ходил ни один общественный транспорт. Алик оставил Володю у одной фуры.

– Ты стой здесь, никуда не уходи.

Сам Алик с папкой под мышкой бегал по автобазе, с пеной у рта договаривался с людьми. Наконец, через пару часов, когда Володя уже промерз и ходил вдоль машины взад и вперед, на горизонте появился Алик. По улыбке до ушей на его лице было понятно, что он договорился насчет фуры. Теперь шли они на остановку в приподнятом настроении. Хотя они и делали круг, но не хотелось идти пешком до дома Володи. Алик все не отставал от него. За кружкой чая Алик заговорил неспешным тоном.

– Мне нужны шестьсот рублей для заправки фуры соляркой, – сам смотрел на Володю, как на должника.

– Причем тут я, никак не пойму тебя, Алик?

– Ты что, не хочешь быть компаньоном в нашем деле?

– Конечно хочу, какой может быть разговор. – Весь вспылал Володя, даже немножко покраснел от такого неудобного разговора, плотнул несколько раз чай из кружки, немного успокоился. – Но ты, Алик, говорил, какие деньги зарабатываешь в своей коммерции.

– Я же тебе в прошлый раз говорил, что весь капитал вложил на аренду магазина.

– Что, это все твои деньги?

– Получилось так, немного не рассчитал, все ушло.

– Хм, как же ты так ведешь свои дела?

– Всякое бывает, теперь занимать у людей под проценты накладно, слишком большая ставка.

– У меня нет денег, я сейчас не работаю, нахожусь в отпуске.

– Мы же с тобой теперь компаньоны, думай, где можно найти такую сумму денег.

– Одно остается, придет жена с работы, я с ней переговорю насчет этого.

Опустошив чайник, вспотевший Алик ушел.

С женой Володя поговорил перед ужином, стараясь быть спокойным.

– Денег у нас в наличии нет, да и откуда могут быть, если твои отпускные и зарплата ушли на латание дыр.

– Это нам нужно, чтобы в нашей семье появился капитал.

– Понимаю, дорогой, чего ты хочешь, – обняла мужа, – ты бы хоть конкретно поинтересовался его делами, проверил.

– Я его давно знаю, он не такой человек.

– Все равно, доверяй, да проверяй.

– Да ну тебя с твоими подозрениями, – махнул рукой Володя, глядя в ночное окно.

– Ладно, успокойся, я хочу как лучше. – Она опять обняла его, теперь сзади, поцеловала в шею. Было щекотно, Володя невольно улыбнулся. – Так и быть, попрошу на работе у девчонок.

На этом успокоился Володя. На следующий день Алик опять пришел. Володя объяснил, как обстоят дела. Слушая Володю, Алик вновь опустошил чайник. Прощаясь у двери, Алик деловым тоном сказал:

– Оставайся дома, что тебе со мной таскаться, – придержал Володю, когда тот полез за курткой. – Отдыхай, пока есть свободное время.

Довольный, Володя остался дома, хорошо, что сегодня не надо мерзнуть. Дни становились длинней. Солнышко начало греть крыши, появились длинные сосульки. Вечером Алик опять заявился, прямо с порога спрашивает:

– Нашел деньги на солярку?

– Да, как договорились, нет разговора на эту тему.

– Ну где деньги?

– Зачем сейчас и все сразу?

– Ты что, не понимаешь, надо заправить машину. – Начал он немного нервничать это было видно по его глазам. – Я тут в одном месте договорился подешевле покупать.

– Вот вместе и пойдем, заправим эту фуру.

Алик немного замялся, потоптался на месте и резко сказал:

– Тогда на продукты нужны, надо поискать, где что есть, а то на остановках чем будем себя заправлять?

Убедив себя на этом, Володя пошел в спальную к жене. Она сидела на диване, штопала носки.

– Дай-ка мне деньги.

– Ты не давай ему деньги руки, поедете вместе, по пути наберете, что будет нужно, были бы деньги, купить можно все.

Володя передал слова жены Алику.

– Я хочу купить баранину подешевле и сварить на дорогу.

– Вот тебе сто рублей, их хватит килограмма на два, если подешевле, то и на больше.

Алик обиженно посмотрел на Володю, но деньги все же взял и

положил в карман. Опустошив чайник, с недовольным видом вышел из-за стола.

– Завтра жди меня в десять часов. – Посмотрел в окошко из кухни. – Отсюда как раз хорошо просматривается дорога, ты увидишь подъезжающую фуру.

Утром Володя лежал в постели, размышляя, сколько денег он заработает и как будет их тратить на нужды семьи. Встав пораньше, посидел с женой на кухне, затем проводил ее на работу с поцелуями, расставаясь на недельку. Оставшись один, напевал веселую мелодию, не спеша побрился в ванной, довольным видом глядя в зеркало. Затем, собрав вещи, поставил у двери. Позавтракав, сел у окна, поглядывал на дорогу. Ждал, когда подъедет фура и остановится у его окна. Прождал до обеда, так и не подъехала машина. У него упало настроение, он больше не стал глядеть в окно. Пошел в зал, включил телевизор и таким образом стал коротать время. Еще была надежда у Володи. Думал, может, что-нибудь случилось там, может, с машиной, а может, еще с чем-либо. Пришла жена с работы, усталая, да к тому же с полными сумками.

– Я думала, что ты уехал и находишься в пути.

– Прождал Алика весь день, а его все нет.

– Конечно, ты у меня такой доверчивый человек. – Жена вышла из себя, ругалась напрапалую. – Я так и знала, он слишком уж хорошо пел, так делают всегда кидалы.

– Тебе, дорогая, работать психологом, а не на этой фабрике.

– Хорошо еще, что не отдала все деньги, – поправила на себе кофту, выпятила грудь. – За эти деньги мне нужно пахать целый месяц.

А Володя молча ждал, поглядывая в окно. Он думал, неужели в наше время люди так измелъчали, или это признаки демократического строя? Раньше, бывало, человек всегда отвечал за свои слова. Если нарушал, то это было позором на всю округу.

Пролетело два года, сто рублей так и не вернулись к Володе. Ходил в тот магазин, куда как будто вложил деньги Алика, но там и слыхом не слыхивали о таком человеке. Плюнул Володя на все и со злостью выговорил:

– Вот и доверяй после этого людям. – А сам вслух подумал: – Без веры в людей все равно нельзя жить на этом свете. Но, тем не менее, доверяй, да проверяй.

После этого Володя ко всем относился с сомнениями. У знакомых ребят узнал, что Алика сидел в тюрьме за мошенничество.

Ловушка

Местность здесь на зависть замечательная, кругом леса, в окружении которых расположен поселок. Ни одного завода, который отравлял бы воздух. Зато находилось много всевозможных производств. Местность эта дана богом, просто как санаторий. Поселок большой, но что интересно, ни одного училища, кроме двух средних школ. Что удивительно, Батырево вон село, и то открыли филиал университета. Старики говорят, что раньше в поселке Ибреси был лесной техникум. К сожалению, не смогли уберечь потока таких знаний, но это не зависело от жителей поселка, такова воля высшей власти, руководству, которой не хотелось вешать на шею лишнюю заботу. Потому поселковым юношам приходилось уезжать из родного поселка и мотаться по разным городам страны, чтобы учиться дальше после окончания средней школы. В основном, кто в Алатырь, кто в Чебоксары, а кто в Москву отправлялся.

Вот шестеро юношей почти с одного двора, большинство одноклассников, свои в доску, собрались как-то во дворе. К ним присоединился Серега из Чебоксар, приехавший к друзьям. Мать была родом из Ибресь, каждое лето возила сына к своей матери, то есть

к бабушке Сереги. Здесь у них был хороший сад. В этом доме Сереге жилось прекрасно. С дворовыми ребятами и рос он с детства и привык к ним, становясь их другом.

Все решили учиться в Канаше, в училище, всей дружной компанией поступили туда. Время летело незаметно быстро. Среди них самым шустрым и бабником оказался Семен. Не прошло и недели, как он познакомился с девушкой Машей. Она не очень красива, но и не дурна, просто обыкновенная девушка на внешность, так себе средненькая. Вначале к ней ходил один Семен, дня три все ночи провел у Маши. Каждое утро возвращался веселый и довольный, полный энергии. Вскоре Семен начал постепенно потухать. На занятия шел невыспавшимся, с опухшими глазами, на уроках все время зевал. Он был до того вялым, что ребята не узнавали его. Как-то за разговором ребята узнали, что Маша живет одна в собственном доме. Они посоветовались.

– Так, Семен, после занятий идем к тебе в гости.

– Может, не надо, пока не узнал Машу достаточно хорошо.

– Ты чего жалеешь для друзей этого добра?

– Пожалуйста, ради вас на все готов пойти.

Кончились занятия, всей компанией пошли в магазин, купили торт для знакомства и гурьбой завалились к Маше. Она удивленно расширила глаза. Потом постепенно свыклась со всеми ребятами. Посидели, попили чаю, весело шутили. Стало еще веселей, играли в карты в дурака. На улице темнело, ребятам пора было уходить. Они начали одеваться. Маша встрепенулась и встала около дверей.

– Ребята, оставайтесь, что на ночь глядя будете ходить, грязь месить.

Те стояли в нерешительности, идти или оставаться.

– Не все ли равно вам, где ночевать?

– Возможно, ты права, Маша.

– Постелю вам на полу, будете штабелем спать.

– Неплохую мысль подала Маша.

Вновь сели играть в карты. Кто проигрывал, шел готовить ужин вместе с Машей на кухню, крутился там, чистил картошку, лук, тер морковь, остальное Маша доканчивала сама. С ней не было скучно, время проходило быстро. В следующие дни Маша вовсе не вставала с постели и не выходила из спальни, разве только по нужде в туалет. Ей все подносили в постель, она оттуда распоряжалась, что нужно делать по дому и в кухне.

В такой суете ребята не заметили, как пролетели две недели. Даже не хотелось им ездить домой в выходные дни. Первым решился и собрался в дорогу Серега.

– Ребята, наверное, моя мать переживает в Чебоксарах, сколько времени не был дома, впервые в такой длительной разлуке с ней.

– Смотри, тебя видней, а то можешь оставаться.

– Нет уж, я насытился этой Машей.

Улыбаясь, Серега распрощался с ребятами, пошел на автовокзал, купил билет, сел в автобус и поехал в Чебоксары. Мать встретила Серегу объятиями. Вдруг мать почуяла идущий от сына запах и отвернула нос.

– Не пойму, что это от тебя так дурно пахнет?

– Да ну тебя, видно, померещилось.

Мать посмотрела ему в глаза, о всем догадалась и дала команду:

– А ну-ка иди в ванную, скидывай всю одежду, сам искупайся как следует.

Вечером, как обычно, ребята время проводили весело, сидели за столом, играли в карты. На этот раз Семену не везло, проигрывал уже в третий раз. Он все нервничал и злился, еще хуже проигрывал. За все время первый раз ему так и не везло. Недовольный, пошел на кухню, свой пыл остужал, гремя посудой у плиты. Вдруг кто-то сильно постучал в дверь, такого еще ни разу не было.

– Кто там в такой поздний час ходит, делать нечего что ли?

Ребята сначала застыли на месте, затем резко встали и дружно пошли к двери, чтобы в случае чего защитить Машу.

– Это я, Саша!

– Вас тут много ходит, иди проваливай, пока тебе морду не набили.

– Ты что, Маша, не узнаешь своего дядю Сашу?

Маша по голосу узнала родственника.

– Через дверь не видно, кто за нею стоит.

Маша расторопно отодвинула задвижку, открыла дверь. За порогом стоял мужчина в черной робе и в фуражке из такого же материала.

– Вижу, вижу, как ты встречаешь родственничка, – сказал он, заметив ребят, стоящих стеной с сжатыми кулаками. Недовольно фыркнул, угрюмо отвернулся от них, вытер ладошкой мокрое лицо, капли стряхнул на пол, с него текла вода как с мокрой курицы, ноги были сырые. А на улице, барабанил дождь во всю мощь.

– Откуда ты такой, дядя Саша?

– С тех мест, попасть куда никому не желаю.

– Загадочно как-то говоришь, дядя.

– Только что освобожден из Чебоксарской тюрьмы, вернее, вышел из колонии. Тут в Канаше заглянул к корешу, посидели немножко. Баба его расшумелась, невольно пришлось уйти оттуда. – У порога же он скинул мокрую верхнюю одежду, снял отсыревшую обувь. – Вот пришел к брату и в родной дом.

– В таком случае проходи, располагайся в своем доме.

– Никто не писал, и мне неизвестно, где мой брат.

– Мать умерла зимой от рака. После этого отец загулял, был сильно пьяным, не дошел до дома метров десять, замерз около нашего забора.

– Вот дела, только сейчас от тебя я узнаю обо всем этом.

– Пойдем на кухню, дядя Саша.

Опустив голову, он последовал за ней. Она положила ему с тарелку жаркое. На кухне остались вдвоем.

– Сколько ребят тут, не устала, Маша, раздвигать свои ноги бесплатно!

Маша загадочно улыбнулась, пошла в спальную, из-под кровати достала бутылку водки, припасенную для случая, принесла и поставила на стол перед дядей Сашей.

– Умненько, девочка, правильно встречаешь своего дядю.

Она улыбнулась довольной улыбкой.

– Ну-ка, позови своих архаровцев.

Маша сходила, привела ребят на кухню.

– Где там у тебя рюмки, ну-ка достань на всех.

Он разлил водку по рюмкам, опрокинул в рот свою. Вышло так, что один он выпил, из ребят никто не дотронулся до рюмки.

– Нет, ребята, так дело не пойдет.

– Мы просто не хотим.

– Вы, ребята, не мужички что ли, научились только между ног лазить?

Те посмотрели друг на друга, по одному взяли за рюмки, не хотелось посрамить себя перед чужим человеком. Прошлись вторым кругом, и бутылка показала пустое дно. Дядя Саша пошарил по карманам, они были пусты. Взглянул на ребят и сразу оценил.

– Так ребята, раскошеливайтесь, у кого сколько есть, сегодня будем гулять в честь моего освобождения.

Ребята полезли в карманы, начали считать свои деньги.

– Э, так не пойдет, деньги на стол.

– Нам нужно оставить на дорогу в Ибреси.

– Ничего, вон ходит пригородный поезд, доберетесь бесплатно.

– Там тоже ревизоры.

– Ничего не девочки, как-нибудь доберетесь, будьте пошустрее, всего лишь.

Денег набралось еще на шесть бутылок. Двое из ребят быстро сбегали в магазин, который находился рядом же, что не стоило большого труда слетать туда.

За столом ребята быстро окосели, потому что мало закусывали, да не привыкли еще к спиртному. Разбрелись по углам кто куда и вскоре захрапели. Один дядя Саша сидел спокойно, будто его ничего не брало. Остались еще две бутылки нетронутыми. Дядя пальцем поманил Машу к себе.

– Слушай внимательно, Маша, своего дядю.

– Я весь во внимании.

– Ты без денег?

– Да, ты верно угадал, нигде не работаю.

– Я тоже гол как сокол, только что освободился, ни кола, ни двора, ни гроша за душой. – Посмотрел на ребят, лежащих бесчувственно вразвалку, кивнул головой в их сторону. – Вот с кого можно создать деньги, с этих лопухов.

– Как и откуда, они сами еще не работают, только учатся?

– Ты не перебивай, когда старший ведет речь. – Облокотился на стол, выразив умное лицо. – Вот эту молодежь спустим в подпол, пока они невменяемое состоянии, с трезвыми с ними не справились бы мы с тобой.

Открыли дверцу подпола, разложили на землю фанеру, что стояла на веранде, чтобы ребята не простудили внутренности. По одному спустили в подпол, укладывали на фанеру штабелем. На дверцу подпола надвинули большой сундук, еле-еле подтаскивая вдвоем. Дядя на сундук постелил матрас и устроился спать.

– Завтра пусть каждый, из них напишет записку к своим родителям, чтобы те отдали по тысяча рублей.

– Ты что, дядя, совсем обнаглел?

– Молчи, соплячка, кто тебе одолжит денег, будешь с голоду лежать в постели, никто даже воду не поднесет.

– Вроде неудобно перед ребятами.

– Знаешь что, неудобно только штаны через голову надевать. – Он встрепенулся, выдвинул челюсти вперед, изображая делового человека. – Сколько тобой пользовались эта молодежь, кто-нибудь из них подал хоть копейку?

– Нет, но кормили, как говорится, на убой, всегда была сыта, как никогда в своей жизни.

– Это все мелочи жизни.

– Тае не говори, дядя, каждый из них старался ухаживать за мной, носил шоколадку.

– Ты еще совсем ребенок.

– Что ни говори, они все равно хорошие.

– Вот, слушай, если ребята будут артачиться, скажешь, что всей группой изнасиловали тебя, мол, напишешь заявление в отделение милиции, тогда быстро упекут всю компанию в тюрьму на большой срок за групповуху, эта статья на то потянет.

– Какой ты сообразительный, дядя Саша дай-ка расцелую тебя за гениальную мысль, – Маша обняла дядю, всего зачмокала. – Хорошо бы все получилось так, как задумал.

– Все получится, не переживай, – дядя Саша посмотрел на стены, потом на потолок, почесал затылок. – По тысяча рублей, пожалуй, будет маловато, пусть пишут три тысячи, в наше время их родители в состоянии найти такие деньги.

– Их шестеро, по три тысячи с каждого, это составит восемнадцать тысяч. Неплохая сумма получается, можно рисковать, вот жалко, седьмой уехал в Чебоксары, было бы больше.

– Считай, на этом решили мы с тобой, Маша, ты только во всем слушайся меня, племянница.

– Все поняла, выполню твои указания беспрекословно.

На этом на сегодня поставили точку. Дядя Саша лег спать на этом сундуке, укрывшись одеялом. Маша легла на свою кровать и тут же захрапела.

Рано утром ребята начали стучать и кричать наперебой.

– Ой, холодно, откройте скорей, пить хотим, мочи нету, в горле все пересохло!

Дядя Саша проснулся, протер глаза и понял, в чем дело.

– Маша, неси чайник.

Выхватив из ее руки чайник, вышел во двор, вытащил кляп с отдушника, протянул туда чайник, заодно закинул детский горшочек, почему-то хранившийся до сих пор. Снизу не переставали стучать.

- Почему не выпускаете нас, в чем дело?
- Вы заслужили это наказание, так надо.
- Интересно знать, кому надо?
- Любите с горки кататься, любите и саночки возить.
- Не пойдем, чем мы провинились?
- Все вы переспали с Машей, сейчас ничего не делается бесплатно.

В подвале тут же воцарилась тишина.

– Значит, все это правда. – Дядя Саша обратился к Маше. – Где у тебя тетрадь племянница?

– Сама не знаю, есть ли у меня чистая бумага на сей день, не помню, когда писала в последний раз.

– Давай, шевелись побыстрей, раскинь своими мозгами, Маша.

Она наконец вспомнила, где лежит тетрадь, открыла шифоньер и отыскала тетрадь.

– Вот вам бумага, пусть каждый из вас напишет родителям, чтобы те заплатили три тысячи рублей. – У него тоже шумела голова, он опрокинул рюмку водки и продолжил дальше. – В конце напишите, если они не заплатят, то вас посадят в тюрьму.

– Мы не будем писать и расстраивать родителей.

– Смотрите, сейчас Маша напишет заявление в милицию о групповом изнасиловании и отнесет куда следует. Там не станут чикаться с вами, быстро расправятся, и тогда загремите, самое малое семь лет заключения, – дядя Саша тыкал в пол пальцем, – а если урки узнают, по какой статье вы сели, то пропала ваша жизнь, ох, как там не любят насильников.

В подвале было темновато, только в отдушину проникал свет. Свыкшись в темноте, они все же видели друг друга.

– Да, вот какие у нас дела, попали в непредвиденную ловушку.

Все задумались, Семен раза два глотнул из чайника.

– Вот какие эти женщины стервы, что с нами мужчинами делают.

– Может, будем рыть землю и выйдем наружу, тогда покажем этому дяде Саше кузькину мать.

– Ты подумал своей башкой, тогда тем более посадят в тюрьму за разбойное нападение, к тому же в их доме. Правда на их стороне.

– Верно говоришь, я-то не подумал хорошенько об этом.

– Нам ничего не остается, как согласиться с этим дядей Сашей.

На некоторое время в подполе воцарилась тишина, затем слышался тихий шепот:

– Давай подавай свою бумагу и ручку.

Дядя Саша через половую щель подал тетрадь и ручку, включил свет в подполе и начал диктовать, в какой форме писать записку родителям, чтобы было побольше жалостливого тона, тогда ни одна мать не удержится, сделает все для защиты своего сына. Через час просунули тетрадь обратно. Дядя Саша пролистал ее, все написали так, как он диктовал.

– Вот и ладненько, что и надо было доказать. – Все шесть листов сложил и сунул в карман. – Маша, оставляю тебя одну, ни в коем случае не открывай дверцу, ни под каким уговором, если откроешь, тебе будет хана, разорвут тебя на куски эти архаровцы.

– Что мне прикажешь делать?

– Я им сунул горшок в отдушник, можешь подать им чайник с водой.

– Я поняла, все будет о'кей.

– Поголодают пару дней, ничего с ними не случится. Это им будет урок на будущее, со слабыми легче справиться, – он посмотрел на сундук, груз показался маловатым. – Давай-ка еще кровать поставим поверх сундука. Вот теперь точно никуда не выйдут отсюда.

Радостно подмигнула Маша, легла на эту кровать.

– Я поехал в поселок Ибреси собирать деньги, там у меня живет кореш, вместе сидели.

– Хорошо, только не задерживайся долго, в этом поселке, особенно у дружка своего.

Автобусы из Канаша в Ибреси ходили регулярно. Дядя Саша без проблем добрался до своего кореша. Принял друг хорошо, с хлебом солью. За столом, за бутылкой водки дядя Саша рассказал, зачем приехал, попросил, чтобы вместе ходить по этим домам.

– Ты в своем уме предлагать мне такое? Здесь меня каждая собака знает.

– Я тебе пару тысячонок отвалю за составление компании.

– Никаких денег, мне жить в этом поселке. Если в городе возможно такое, то тут невозможно, я еще не потерял полностью совесть.

– Ты хоть скажи, где примерно эти дома.

– Все они находятся в одном месте. – Посмотрел виновато на

кореша. — Если в гости, то приходи в любое время, а с такой просьбой никогда не появляйся у меня.

Так дядя Саша один ходил по квартирам, на крики женщин говорил одно:

— Понесу в милицию заявление о групповом изнасиловании.

Это сразу утихомиривало женщин. У матери Семена не было ни гроша за душой. Такое сообщение ее сразило с ног. Но она собрала силы и пошла к сестре. Та вошла в ее положение, взяла у дочери полторы тысячи рублей, составляющие ее отпускные и получку. Пятьсот рублей дала мать. Пришлось идти с поклоном к братишке. Он дал тысячу рублей.

Таким образом, дядя Саша за один день собрал восемнадцать тысяч рублей. Преспокойно и довольный вернулся домой. В доме была тишина, Маша лежала на кровати. Он выпустил ребят из подпола. Те вышли злые и мрачные.

— Больше так не попадайтесь ребята, никогда не пейте с незнакомым человеком.

— Набить бы тебе морду хорошенько, чтобы не забыла, только побежишь в милицию, это и спасает тебя.

У всех внутри кипела молодая кровь. Семен не выдержал, со всей силы пнул дядю Сашу в почки, тот свалился на пол как подкошенный.

— Это тебе за урок.

— Караул, убивают человека! — закричала Маша на всю избу.

Ребята бегом скорей на автовокзал.

Семен зашел домой с опаской, но мать встретила с объятиями:

— Сынок мой любимый, пользуйся, пока мать жива.

Семен сразу же успокоился, хотя и не ждал такого исхода.

Друга одного из ребят мать растила одна, ее звали Соней. Жила она без мужа, и никто ее не интересовал. Никто не мог ей запретить поступать так, как она хотела. Вот она и приняла контррешение. Подробно узнала от ребят адрес этого дяди Саши и его племянницы Маши. Собралась и поехала в Канаш, нашла дом и стала дежурить. Долго ждать не пришлось, из дома вышел мужчина. По описаниям ребят, этот самый дядя Саша. Он направился в магазин за водкой, по лицу было видно, что он с большого похмелья. Соня пошла следом, разговорилась с ним и вскоре вошла в доверие. Голодный по женскому телу, дядя Саша смекнул, что может использовать ее и пригласил в дом.

Соня пила с ними водку, стараясь пропустить рюмку-другую и пить по полрюмки. От похмеля на старые дрожжи парочка родственников быстро опьянела. Первой не выдержала Маша, завалилась на кровать и вскоре засопела. А дядя Саша как сидел на стуле, так и упал под стол. Только и был слышен храп на всю избу.

Соня заметила, откуда доставал деньги дядя Саша, когда во второй раз ходили за водкой в магазин. Она достала деньги из-под подушки, быстро посчитала, было пятнадцать тысяч рублей. Видимо, три тысячи рублей успели пропить за эти дни. Соня спокойно положила деньги за пазуху, закрепила булавкой.

Вышла на улицу, уже было темно, дул холодный ветер. Чувствовалось, что вот-вот выпадет снег на замерзшую землю. Пешком пошла к железнодорожному вокзалу, чтобы разогреться, прибавила шаг. Быстро добралась до железнодорожного вокзала, здесь было светло. На привокзальной площади стояло несколько машин на выбор. Соня подошла к первому попавшемуся таксисту, машина которого стояла с краю. Договорилась с водителем отвезти ее в поселок Ибреси. Тот был очень рад, что попалась удачная клиентка. Видимо, устал ждать клиентов. Она попросила остановиться около круглосуточного магазина. Хотелось сделать себе отменный праздник. Набрала в два пакета, чего душа желала.

Таксист довез ее прямо до ворот родного дома в любимом ею поселке.

Продажа автомобиля

I

Как не хотелось уезжать из Ибресь, где провел детство и школьные годы, живя в бараке рядом с Чернореченским прудом. Под носом был водоем, где в любое время можно было рыбачить. В том пруду рыба кишела, начиная с карасей, кончая пескарями. В трудное время это здорово помогало. Бывало, нужно сварить уху, тут же быстренько наловишь рыб. Школа находилась в трехстах метрах от дома. Мать одна оставалась жить в этом бараке.

— Мама, как налажу нормальную жизнь, так сразу заберу тебя к себе.

— Да ладно уж, сынок, главное, чтобы ты жил хорошо.

Этот наказ матери всегда помнил Николай Заволжский. Устроился работать в поселке Кугеси, жил на частной квартире. Познакомился с красивой девушкой Олей. Оказывается, она из Яльчикского района. Долго не раздумывая, Николай купил землю неподалеку от центра. Девушка оказалась боевая, помогала ему во всем, поэтому смогли построить новый добротный дом. Только после этого Николай поехал в Ибреси за своей матерью. Прямо с порога заявил ей:

— Мама, я за тобой приехал, с намерением забрать к себе.

— Успокойся, сынок, сначала присядь за стол, попьем нашего ибресинского чая с вареньем из собранных в лесу ягод.

— Всегда рад этому предложению, мама, да еще с вареньем, от которого по всему дому распространяется приятный аромат.

Николай, отдуваясь, пил горячий чай, даже аж весь вспотел. Расслабившись, дышал свежим чернореченским воздухом, шедшим из открытого окна. Внутри становилось тепло и хорошо, отчего ему ничего больше не хотелось на этом белом свете. Мать придвинулась к нему поближе.

— Я тебя одна вырастила, отдавая тебе все.

— За это я благодарен тебе, мама.

— Вот и хочу сказать, живите там без меня, не хочу быть помехой.

— О чем ты говоришь, мама?

— Все о том же, я прекрасно вижу, как живут люди со своими снохами в одном доме.

— Да у меня Оленька золотая. Таких не найдешь днем с огнем!

— Может быть, я ничего не хочу сказать против нее, она за мной ухаживает, как за родной матерью.

— Видишь, ты сама не отрицаешь, как тебе будет хорошо у нас.

В это время открывается дверь нараспашку, появляется соседская девочка.

— Можно к вам в гости?

— Какой может быть разговор, для тебя, Маша, всегда дверь открыта.

Николай внимательно посмотрел на нее, вспомнил Ивановых, еще маленькой, бегала соплячка.

— Приехал сын, хочет забрать с собой в Кугеси, как ты думаешь, Машенька?

— Хочу, чтобы ты осталась, я буду ухаживать за тобой.

После этого разговора больше не возвращались к этой теме. Так мать осталась жить в Ибреях. Появились тут первые машины-копейки. Глядя на них, Николаю Заволжскому было завидно. Ему очень хотелось иметь собственную машину. Понимая, что ему никто не поможет, устроился на работу. Если даже в выходные попросят, в командировку никогда не отказывал, лишь бы положить лишнюю копейку в копилку. Таким трудом, не покладая рук, Николай Заволжский купил машину, красный «Жигуленок-тройку», который блестел со всех сторон, даже внизу от коррозии была черная пленка. Катался теперь по Кугеси очень довольный. С шиком летал в Чебоксары, катался с удовольствием по проспекту. Ездил почти каждый выходной день к матери в Ибреси. Особенно летом, ходить за ягодами и грибами. Никакого курорта не надо было, которые не сравнишь с родными Ибреями.

II

Пролетели три года, на базе появились еще новейшей марки «Жигули 06». Выглядели очень красиво, стоили семь тысяч триста рублей, как его «тройка». Особенно понравился Николаю Заволжскому зеленый цвет, притом такой нежно-светленький. Прямо грела машина всю душу. И она не давала ему покоя, стояла перед глазами. Несколько ночей ему плохо спалось. Это заметила его жена.

— Что случилось с тобой, мой дорогой?

В ответ молчание, не хотелось расстраивать ее по мелочам, надо было еще накопить денег на машину.

— Может, ты завел любовницу и не хочешь говорить мне откровенно?

— О чем ты говоришь, Оленька?

— Если ты молчишь как партизан, что я должна думать?

— На базу привезли машины, хочется купить.

Поцеловала так нежно его в плечо.

— Иди завтра же в сберкассу, сними деньги, сколько тебе необходимо на машину.

Николай улыбнулся довольный.

— Давно бы так надо сделать.

— Видишь ведь, как достаются нам деньги, ниоткуда со стороны не приходят, все приходится этими руками зарабатывать.

Вытянул свои ладошки перед собой.

— Потому я такого люблю тебя, уверена в тебе.

Двумя руками нежно уложила его на постель, лежа сбоку, положила голову на его грудь.

— Спи, мой дорогой, что бы ты ни делал, все к лучшему.

Николай почувствовал теплое мягкое тело любимой жены. Сразу стало спокойно на душе. А тревога улетучилась куда-то в ночную тьму. Вскоре тихо заснул Николай.

После работы Николай Заволжский поехал в Чебоксары, по улице Гагарина направился в магазин «Автолюбитель». Здесь перед большой витриной ходило много людей с намерениями приобрести машины. Оказывается, здесь старые машины стоили дороже новых. За его «Тройку» давали аж восемь тысяч рублей. Удивился этому Николай Заволжский. К нему подходит смуглый мужчина, совсем не похожий на местных жителей, на чувашей.

— Слушай, дорогой, если хочешь продать свою машину еще подороже, — вертя рукой, указательным пальцем показал наверх, — то езжай в город Самарканд.

— И насколько, примерно потянет там? В среднем где-то около десяти штук.

— Хорошая идея, надо будет подумать об этом.

— Нечего думать, если нужны деньги, на дороге они не валяются, эти две тысячи рублей.

Сев в свою машину, Николай Заволжский поехал в Кугеси. Приближаясь к своему дому, заметил своего знакомого Валеру. Тормознул прямо около него, поднялась пыль столбом и все ему в лицо.

— Ты чего тут разъездили, не мог тормознуть на асфальте, обязательно надо заехать на обочину?

— Неожиданно все получилось, проехав мимо тебя, только узнал твою личность, Валера.

— В следующий раз так не делай.

— Видел, сзади меня ехала машина?

— Да, за тобой следовал «Москвич».

— Его я должен был пропустить по правилам.

— Конечно, я не подумал об этом, Николай.

— Что-то становится тепло, наступает настоящее лето.

Сморщив свое лицо, Николай посмотрел на солнышко.

— Думаю, не выпить ли пива «Жигулевского»?

— Мне все равно, я-то нахожусь в отпуске.

— Долго еще будешь стоять?

— Что выпить ли приглашаешь?

— Меньше разговору, давай запрыгивай в салон.

Заехав в магазин, купили двенадцать бутылок пива. Николай поставил машину около своего дома. Проходя через двор, попутно забежал в сарай, где сушилась рыба. Сорвал с нитки пару больших лещей.

— Ой, я это очень люблю, где ты только достаешь их?

— Да тут рядом под рукой, Цивильск съездил на своей легковушке.

— Как хорошо иметь свою машину.

— А ты чего не имеешь?

— Коплю, стараюсь с каждой получки класть на сберкнижку.

Открыв калитку, пошли в сад. Легкий запах свежего ветра ударил в нос. Тут начиналось все распускаться, зеленеть кругом. Что радовало глаз, стояла такая красота после долгой холодной зимы. Расположились прямо на траве около дома. Пару раз, глотнув пива, Валера вздохнул с большим удовольствием.

— Ох, как приятно все-таки жить на этом белом свете, только пиво утоляет жажду в такое время.

Посмотрев на пиво, Николай с неохотой выпил всего лишь немного.

— Что с тобой случилось, Николай?

— Да вот хочу продать свою машину подороже.

— Сплавляй с рук, какие проблемы в наше время.

— Говорят, в городе Самарканд подороже можно толкнуть.

— Давай поехали, я как раз в отпуске, в случае чего могу заменить за рулем.

— Это прекрасная идея, бензин стоит четыре копейки за литр, много денег не надо.

— Любой человек, сидящий за рулем, нальет ведро бензина бесплатно.

— А я служил в Самарканде в разведдивизионе, там меня там все и подкупает.

Николай Заволжский несколько раз тяжело вздохнул.

— Хочется увидеть свою часть, прошло, сколько лет, как она теперь выглядит, все равно есть ностальгия по прошлому.

Николай положил ладонь на грудь ближе к сердцу.

— Наверное, и мне тоже на работе нужно написать заявление на отпуск.

— И поедем в Узбекистан, в своей жизни я там никогда еще не был.

От радости Валера вскочил, подпрыгнул с юношеской задоринкой.

— Хоть посмотрю, как люди в тех краях живут, чем дышат. — Валера посмотрел на Николая. — Тем более, ты знаешь этот город, нам будет намного легче.

Разговаривая на приподнятом тоне, они выпили пиво. Николай еле проводил Валеру за ворота, тот все бесконечно болтал об этой поездке.

Проснувшись утром, Николай Заволжский услышал шум на кухне. Постарался быстренько помыться, чтобы успеть поговорить с женой, пока та не ушла на работу. Она готовила завтрак на плите. Николай подошел к ней сзади, поцеловал в шею.

— С добрым утром, моя Оленька.

Та пробурчала с недовольным голосом:

— Что за праздник был у тебя вчера?

— Надо было немного расслабиться по-мужски, поговорить с человеком.

— Видела я ваши пьяные рожи, все болтали про какой-то Самарканд.

— Это город, хочу поехать туда, там, говорят, машину можно продать подороже.

— Езжай, разве тебя удержишь, если что-то забил в голову, то оттуда ничем не выбьешь.

— Наверное, стараюсь для семьи, лишнюю копейку положить в карман.

— Такой уж ты у меня неугомонный, ничего не поделаешь, такого и люблю тебя. — Поцеловала в щеку, посмотрела на часы. — О, о, о, я опаздываю на работу, заболталась с тобой.

Оля быстренько пошла в прихожую, надела туфли, посмотрела в зеркало, поправила прическу и зацокала своими туфлями.

Николай прямо с утра пошел в свою контору к начальнику с заявлением. Тот без разговора подписал его. Отношения были дружеские, потому никак не мог отказать ему в его неожиданной просьбе.

Поехал Николай Заволжский к Валере прямо домой. На двери в ушко была воткнута простая деревяшка. Значит, где-то поблизости должен находиться Валера. Заглянул в сарай, там никого не было. Застал его в огороде, тот копал грядки, готовил для ранних овощей.

— Не пропала охота поехать со мной, Валера?

— Какой может быть разговор, хоть сейчас готов ехать.

— Давай тогда одевайся, время не ждет.

— Мне всего лишь пять минут нужно, портфель с необходимыми вещами уже готов.

И тут скрипнула калитка, заходит старший брат Валеры Олег.

— Вот кого еще надо брать с собой, специалист по машинам, от Бога золотые руки.

— Да я не против этого предложения, будет нас трое, все водители, можно будет ехать без всяких остановок.

— Не могу, друзья, ехать с вами.

— Почему, Олег, что за причина удерживает тебя?

— Прекрасно знаете, что я получил новую квартиру, паспорт и военный билет отдал на прописку.

— Обычно требуют паспорт.

— А здесь решили по-другому, по-своему.

— Кому нужен твой паспорт в пути, а за рулем будешь в тех местах, где на трассе отсутствуют гаишники.

Посмотрел Олег на обоих, лица были невеселыми.

— Ладно, так и быть, уговорили вы меня, друзья.

Расположившись втроем в салоне, выехали из Кугесей в сторону Цивильска. Оттуда направились в Канаш. Выехали на Ульяновскую трассу, добрались до Куйбышева. А там начался Казахстан, одна степь кругом, по сторонам трассы колышется ковыль. Добра-

лись до города Ташкент. Он был весь в развалинах. Дороги очень плохие, еле выехали из старого города. Строился новый Ташкент, такой красивый весь в фонтанах, везде цветы. Выбравшись из этой местности, напрямик поехали в старинный город Самарканд. Добрались до места, где стояли старинные строения, отделанные мозаикой. Разглядывали их мужики, трогали руками.

— Надо же, сколько столетий стоят, а какие еще красивые, хоть бы хны, ничего с ними не делается.

— Умели в то время строить и отделывать.

— Давайте поехали, два брата акробата.

Первым делом Николай Заволжский решил посетить свою воинскую часть. Посмотреть, как она изменилась, встретить своих однополчан — командиров и поговорить с ними. Увидев свою казарму, у него внутри что-то екнуло и так кольнуло. Что стояли одни воспоминания, ностальгия по прошлой службе в этой части. Ходили в самоволку к местным девчонкам, но они от солдат шарахались в сторонку, как от огня. Все равно находили девчонок, вместе гуляли, вдоволь общались с ними. Хоть была немного отдушина у солдат в той армейской жизни. К сожалению, никого не встретил из своих знакомых лиц. Офицеры разошлись по городам Советского Союза. Некоторые продолжали службу в Москве.

Переночевав в машине, путники прямо с утра поехали на местный восточный базар. Люди тут разгуливали в халатах и тюбетейках. Громко разговаривали между собой на той площадке, где продавали автомобили. Подкатили свою машину, опустили стекла. Солнце с утра начинало греть эту землю. Один из людей тут как тут, нагнулся и посмотрел в салон.

— Чего сюда приехали, дорогие люди?

— Да вот хотим продать свою машину.

У того моментально засверкали глаза. Темно-коричневыми пальцами быстро заработал на четке. Обошел вокруг автомобиля, внимательно его рассматривая, даже нагнулся под движок.

— Пока не знаю, какая у вас цена. Давайте за восемь тысяч возьму не глядя. — Хлопнул рукой несколько раз по крыше. — Продавай, мужик, хорошая цена.

— За такую цену могу продать и у себя.

— Сколько бы ты хотел?

— Не меньше десяти тысяч. — Закивал головой по сторонам. — Мне еще отсюда надо добраться домой на самолете, вон, сколь-

ко придется потратиться, овчинка выделки не стоит. — Он раскинул руки по сторонам.

— Она же у тебя старая.

— А на базаре два дурака, один продает, другой покупает. — Махнул рукой на этого человека. — Если не хочешь, не мешай другому покупать.

Подошел второй человек, видимо, слышал их разговор.

— Добавлю на ваш самолет еще пятьсот рублей.

Теперь немного улыбнулся Николай Заволжский, но не торопился соглашаться, пока они не поднимут цену. Подошедший первым сказал:

— Я забил эту машину первым.

Подлетел третий, начали болтать на своем языке. Собралась толпа, окружила машину, больше никого не подпускали к ней. Порядочно надоело слушать ихнюю бесконечную болтовню. Солнышко поднималось все выше, в салоне невозможно было дышать.

— Все равно здесь не продашь дороже восьми кусков.

— По разговору можно понять, что все они перекупщики машин.

— Восток дело тонкое, мы не пойдем.

— Что нам здесь париться, мужики?

Еле расступились спорящие люди, пропустили машину. Нажав на газ, вылетели из базара. Перекупщики вслед кричали:

— Подожди, может, договоримся о цене!

— С вами вряд ли найдем общий язык!

Выехав за территорию базара, остановились в тени под деревом. Теперь Олег заговорил с такой наивностью:

— Может, завтра вновь вернемся сюда?

— Это бесполезно, мы уже промелькали перед ними, а их лица не запомнили, кто даст гарантию, что завтра не подъедем к тем же перекупщикам.

— Конечно, вы правы, это два брата о перекупщиках. Как поступим в дальнейшем?

Довольный такой, Валера вставил слово.

— А мне даже очень понравилось путешествовать по неизведанным местам.

— Ну и скажешь ты, брат, одна пустыня тут.

— Кроме армии, я никуда не выезжал из своих Кугесь.

— Что здесь мотаться без толку?

— Хоть посмотрим на древнюю цивилизацию.

— Хватит спорить, братья, мне это порядком надоело, все равно не полетим на самолете, хоть и продадим машину. У Олега нет паспорта, приобрести билет на самолет.

— Совсем забыл про это, — Олег сразу сник, больше не спорил с братишкой.

— Ребята, у меня есть одно предложение.

— Давай говори, не терпится выслушать тебя, Николай.

— Поехали в Бухару, там, тоже есть базар.

— Я согласен с тобой, поехали не задумываясь.

— Все, замечано, мужики, я понял вас.

Он посмотрел на Олега, тот согласно кивнул. Утром были на том базаре. Тут оказалась такая же картина, что и на предыдущем базаре с этими перекупщиками. Нашли чайхану, заглянули туда, досыта поели бешбармак. Попили зеленый чай. Наконец, утолили голод и жажду. Два брата смотрели на Николая Заволжского, что тот предложит о дальнейших действиях.

— Раз такая пошла масть, попробуем поехать в Ашхабад, может, там получится по-другому.

— Назад ходу нет, теперь только вперед.

Как по команде встали, вышли довольные из этой чайханы. Николай Заволжский заметил, как сидели мужики, загнув свои ноги, пили чай. Когда уходили отсюда, люди оставались в таком же положении. Николай Заволжский вспомнил свои Ибреси, первую чайную. Быстро пообедав, люди возвращались на работу. А здесь хоть бы что, могли сидеть целыми днями, такой уж Восток.

Добравшись до города Теджей, проехали его. Николай, машину повел в сторону Ашхабада. У дороги был пост ГАИ, проверили документы, отпустили без разговоров, у них документы были в порядке. Здесь начиналась самая настоящая пустыня, кругом барханы песка. Солнце здесь сильно пекло, была настоящая жаровня. Учитель географии рассказывал, что на песке можно зажарить яйца. Под открытым небом тут точно можно зажарить и человека.

Дорога проходила прямо рядом с границей Ирана. И тут в пути находился шлагбаум, рядом настоящий воинский КПП. Встретил их офицер — старший лейтенант. Спокойно не спеша, приближался он к ихней машине, а за ним шли два солдата с автоматами Калашникова. Офицер резко козырнул.

— Прошу ваши документы для проверки ваших личностей?

Николай Заволжский достал из бардачка свои документы и подал офицеру. У него и у Валеры все было в порядке. Кивком головы обратился к Олегу:

— А где ваши документы, мужчина?

— Мои лежат в багажнике.

По-своему строго сказал старший лейтенант:

— Вы вдвоем можете ехать дальше, а третьего прошу выйти из машины.

Невольно пришлось подчиниться этому приказу. По этому указанию из машины вышли все трое. В сторону ребят Николай Заволжский махнул рукой.

— Подождите, ребята, не мешайте мне говорить.

Два брата остались у автомобиля.

— И где же у него документы?

— Понимаете, старший лейтенант, получилось у нас так, что мы все трое, собрались в дорогу стихийно.

— Это понятно, я вижу вас прекрасно.

— Вышла несурaziца, он свой паспорт отнес в паспортный стол для прописки.

— Тогда нечего было выезжать ему из дома.

— Он бы обошелся без нас, но мы не можем обойтись без него, у него золотые руки, разбирается в технике незнай как. — Николай старался убедить офицера. — У человека радость, получил новую квартиру.

— Все равно не могу, не уговаривайте меня. — Завелся совсем в другую сторону старлей. — Может, он диверсант, хочет перейти границу в сторону Ирана.

— Пожалуйста, не смешите меня, если бы он был врагом, то точно приготовился бы как следует.

Улыбнулся Николай Заволжский, но старался сдерживать себя, чтобы не испортить все дело.

— Обычный простой парень из Чувашии, живет в поселке Ку-геси.

— У нас здесь служили ребята из Чувашии, очень классные парни.

— Видите, какие у нас люди, и я тоже служил недалеко отсюда, в Самарканде в разведзвезде.

— Приходилось встречаться с ними, со служивыми из этой части.

— В жизни пересекаются судьбы людские. — Развернув свою грудь, Николай Заволжский, постучал по ней кулаком. — Я за Олега поручаюсь как за себя.

— Пишите заявление, что такой-то за него отвечает полностью, если что-либо случится.

— Нет вопросов, сейчас же напишу что надо для этого дела. Быстренько настроил целый лист, подал ему.

— Не вижу паспортных данных.

— Минуточку старший лейтенант, сейчас напишу.

Закончив писать, Николай Заволжский, оформил все необходимое.

— Но все равно хочется проверить ваши слова. — Старлей повернулся к солдату. — Рядовой Смирнов, заводи машину.

— Есть, товарищ старший лейтенант.

Прокрутил стартер долго, видимо, в карбюраторе испарился бензин. Наконец, завелся, тройло в двигателе.

— В чем причина, Олег, скажи на милость?

Взяв из «Жигулей» длинную отвертку и открыв капот УАЗика, начал замыкать свечи на корпус.

— Глуши мотор, всего лишь надо заменить вторую свечу.

— А почему, Олег?

— Пробита она, идет на двигатель.

— Дай торцевой ключ, за пять минут будет готово.

Рядовой Смирнов принес запасную свечу. Ничего не стоило Олегу открутить пробитую свечу и вставить новую.

— Теперь заводи свою технику.

Двигатель работал как часики, ровно, без перебора.

— Действительно так, как говорили твои друзья, у тебя золотые руки. — Довольный старлей посмотрел на них. — Честно говоря, мне даже расхотелось расставаться с вами. — Плавно махнул рукой в сторону солдата. — Открывай шлагбаум. А вам желаю доброго пути.

Все трое сев в машину, поехали дальше по этой ровной дороге. Добрались до города Ашхабад. Здесь на базаре была такая же картина, как в прежних двух городах, одни посредники, так что и не стоит мечтать продать машину за хорошую цену. Тут жара стояла невозможная, долго находиться на открытом воздухе под палящим солнцем было небезопасно. Пот лился ручьем, точнее градом. Высунешь руку в открытое окошечко машины, ничуть не было про-

хладно, никакого эффекта это не давало, хотя от быстрой езды значительно чувствовался встречный ветер. Ребята были в одних трусах, но они от пота насквозь промокли. Около резинок белел соляной налет.

В двигателе закипел антифриз, не мог охладиться. Доставали флягу с водой, мочили тряпки, накрывали радиатор и двигатель, чтобы поскорей охладились, но влага испарялась на глазах. Эта процедура с мотором повторялась несколько раз. У Кызыл Арвана начал дуть встречный ветер. Невозможно было ехать по этой дороге, летел один песок, им было покрыто все. На дороге стояло несколько легковых автомобилей. Им навстречу из кабины вышел бабай и говорит:

— Соберитесь несколько машин, загрузимся на трелер.

Показал на широкую платформу, которая была прицеплена к мощному КраЗу.

— Довезу до Набит – Дага, только готовьте по пятьдесят рублей с каждого автомобиля.

Надо было его ждать, когда соберутся еще люди. А пока не хотелось сидеть без дела. Николай Заволжский немного прошелся, носком туфли швырял затвердевшие куски песка. Позвал Олега и Валеру.

— Ну что скажете, братья акробаты?

Братья сжимали плечи, мол, не знаем, что и делать.

— Поехали что ли, хуже нет вот так, ждать.

— Не знаем, если видишь, что ездят только КраЗы, значит, очень опасно ехать, — с сомнением и осторожностью говорил Олег.

— Знаете, ребята, не люблю так сопли разводить. — Николай Заволжский резко махнул рукой, плюнул в сторону. — Думаю, мужики, что нам не резон куковать здесь.

— Наверное, как всегда, ты и прав, Николай Заволжский.

— Спустим немного колеса, в случае чего, вы будете толкать.

— Мы всегда готовы, ты только скажи.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Если ты так настроен, Николай Заволжский, то мы за.

Посмотрел Олег на братишку, тот в его поддержку согласно кивнул головой. Сходу запрыгнули в салон, тихо нажимая на газ, поехали в эту пустынную тьму, только одни фары, освещали эту песчаную дорогу. Некоторый раз буксовали колеса, машина стояла на одном месте. Приходилось выходить и толкать машину с боков,

потому что из-под колес летел песок. Ехали всю ночь в этом пустынном мире. Еле-еле, выбились из сил. Ребята решили немного отдохнуть, открыли двери нараспашку, сели на сиденья насладиться и восстанавливать силы. Слышат неподалеку мужские голоса. Николай Заволжский захотел узнать, кто это такие. Решил проверить, что за люди находятся с ними? Подходя поближе, видит, что стоит будка от ГАЗ-53. Около кабины мужики пьют пиво, сами весело разговаривают.

— Приятного аппетита и хорошего отдыха.

— Давай с нами за компанию, джигит.

— Спасибо за приглашение, но я не один.

— В чем дело тогда, джигит?

— Друзья мои тоже хотят пить, продайте, пожалуйста, пиво?

— Какой разговор, сколько тебе нужно этого добра?

Крупными шагами, подойдя к машине сзади, открывает двери, а там кузов полностью загружен пивом.

— Ничего, если я у вас куплю ящик?

— Конечно, дорогой, бери, если надо.

Сначала расплатился с этим мужиком, затем снял свою рубашку и напихал туда это пиво. Еле донес до своих «Жигулей». Увидев это добро, ребята от радости аж подпрыгнули. Тусклые их глаза заблестели.

— Ура, хоть утолим свою жажду!

Каждый взял себе по бутылке и раскупорил. Сходу опрокинули, даже не заметили, как оно уместилось в животе.

— Все-таки нас пожалел Бог за нашу настойчивость двигаться вперед.

— В этом ты прав, но больше всего мы страдаем за нашу глупость.

— Ищем себе лишнюю заботу в этой жизни.

Все трое засмеялись, в последнее время это случалось нечасто. Выпили ящик пива с наслаждением. В итоге все захмелели, в головах забалдело. Сразу жизнь превратилась в розовый цвет, так было хорошо. Хотелось еще выпить этот напиток, успокаивающий все нутро. На этот раз пошли вдвоем с Олегом к машине ГАЗ-53. Они тут всю гуляли.

— Мужики, нам оказалось маловато, не можете нам еще продать?

— Нет уж, дал один раз, все, хватит.

— Наши души хотят еще немного праздника.

— Там у нас, в своем ауле, люди тоже хотят пить пиво.

Непринужденно так Олег начал болтать по-чувашски. А тот в ответ по-туркменски. И не поймут друг друга, вытаращили глаза.

— Ладно, понял я тебя прекрасно, но могу дать лишь пол-ящичка.

— И на этом спасибо.

Ребята выпили еще десять бутылок и вскоре уснули. Утром возвратился КраЗ со своим тралером, привез легковые автомобили. Бабай напрямик направился к Николаю Заволжскому.

— Ты больше так не делай, мне тут весь калым испортишь.

— Что хочу, то и ворочу.

— У себя там можешь поступать так, как тебе вздумается. — Бабай опустил свои черные брови вниз. — А у нас тут по-своему положено делать.

Бабай еще раз посмотрел сердито.

— Больше не говори никому, что проехал своим ходом.

— Успокойся, я же к тебе в карман не лезу.

Недовольный бабай пошел к своему КраЗу. Мужики поехали дальше на своих «Жигулях». Наконец-то, добрались до города Красноводска. В этом краю ни одного дерева. Кругом один песок. Подъехали к паромному причалу. Надо же, перед самым носом паром отплыл. Заняли очередь, стали ждать прибытия следующего. Встали самыми первыми. Глядели с нетерпением на водный простор, чтобы увидеть появления парома с другого берега. Подходит наглого вида мужик, который пропускает машины на паром.

— Эй, ребята, есть ли у тебя в баке бензин?

— А как же ездить без горючего?

— Давай-ка слей мне в мою бочку, вот сюда сворачивай.

— Мне с чем прикажешь оставаться?

— Будешь со мной пререкаться, не пушу на паром.

Невольно молча слил это топливо, чуть ли не до доньшка в эту емкость. В это время в ряд стали уже несколько машин. Видимо, заметил чужой номер на автомобиле Николая Заволжского этот местный архаровец. В действительности, лишь одна его машина была с чужим номером. Опять подходит этот наглец к ним.

— Слушай, наверное, у тебя есть еще бензин, в запасном баке?

— А рожа твоя не треснет?

— Знаешь, если со мной будешь разговаривать в таком тоне, —

он махал рукой перед его лицом, — то сейчас же крикну шоферам, они твою машину в момент столкнут на обочину.

Подумал немножко Николай Заволжский, в чужом краю не найдешь правды. Ничего не сможешь предпринять против этой наглой рожи. Все нутро передернуло, так захотелось врезать по этой противной физиономии. Скрипя сердцем, пришлось еще раз слить топливо в эту бочку. Увидев коробку сахара на заднем сидении Валера быстро смекнул и убрал сахар в карман. Надоел этот паромщик, потому он решил сделать по своему. Кагда Николай сливал бензин, к нему подошел Валера.

— Дайка, подержу шланг.

— Если хочется, на, бери.

Невеселый Николай отошел в сторону. Валера посмотрел по сторонам, не видит ли кто-нибудь. Но все занимались своими делами. В это время Валера взял горсть сахара и засыпал прямо бочку. Слив бензин, они машину отогнали в сторону.

В итоге получилось, что стали последними в очереди. Николаю Заволжскому не сиделось на одном месте. Внутри все кипело от такой беспардонности. Ходил вокруг своих «Жигулей», носком пинная изрядно надоевший песок. По идее, вначале хотелось отдохнуть, после ночного похождения ныло все тело.

Наконец, подплыл к причалу этот долгожданный паром. Загрузились на палубу самыми последними. После всего пережитого решили отдохнуть немножко, выспаться вдоволь в этих каютах. Взял самые лучшие номера. Оказались они на самом верху. Как только начал греть солнышко, здесь невозможно было дышать. Валера со злостью топнул ногой.

— Называется, спокойно отдохнули.

Глаза, видимо, потускнели от безвыходности.

— Ой, как хочется пить и есть, но деньги оставил в автомобиле.

— И наши там в пиджаке.

— Туда не пускают, даже к своим машинам.

— Ничего не поделаешь, если у нас в бошках пустота.

— Подумали бы хорошенько, если бы не тот наглец паромщик, всех нас сбил с панталыги.

— Да, ты прав, у нас в это время в головах вместо соображения было одно зло.

Опечалившись, мужики стойко выдерживали создавшееся неудобства.

Вечером паром прибыл к долгожданному берегу, для всех это было радостью. В городе еле заправили «Жигули» бензином. Измученные жарой, ребята немного отдохнули в машине. Ночь провели в этой тесноте. С утра поехали на базар продавать «Жигули». Оказалось, что тут точно такая же ситуация, как в предыдущих. Уставший весь, Олег вялым голосом сказал:

— Давайте поедem домой, наверное, трасса до самых Чебоксар проходит рядом с Волгой.

— Нет уж, раз затеяли дело, надо довести его до победного конца.

Валера весь возбудился.

— Рядом тут находится самая богатая республика в Советском Союзе.

После этих слов оба брата посмотрели на Николая Заволжского. Ждали, что он скажет дальше. Тот спокойно рассудительным голосом не спеша, выговорил:

— Прав Валера, на полпути нечего останавливаться.

Олегу пришлось невольно кивнуть головой.

— Согласен я с вами и за неунывающую в жизни компанию.

Ехали теперь, не спеша по горным дорогам. В той пустыне все выглядело однообразно, постоянно укачивало, все время тянуло ко сну. А тут все по-другому, кругом одна зелень. Фруктовые деревья приносили пользу. А простые деревья давали свежий воздух. Ребята ехали с большим настроением, постоянно меняли друг друга за рулем.

Заехали на территорию Грузии. Тут была совсем другая картина. Остановились у придорожного кафе. Зашли вовнутрь, здание было построено из природных камней.

— За все время встретили единственное кафе, сложенное со вкусом.

— Да, вы правы, ребята мои.

Сели за стол, официант принес каждому по шашлыку. Давно не евшие мяса, в момент обчистили от деликатесного шашлыка по несколько шампуров.

— Какое вино прикажете подать?

— Мы все за рулем.

— Для расщепления этого мяса не помешает немножко хорошего вина.

Ребята, вытаращив удивленные глаза, с интересом смотрели на него и слушали его.

— Без вина в Грузии не накрывается ни один дружеский и компанейский стол. Это у нас традиция.

Мужики ничего ему не сказали.

— Дело хозяйское, мое дело предложить.

Наелись досыта, всем стало так хорошо, что даже не хотелось уходить отсюда. Наконец, довольные поехали дальше. Но вскоре у всех начался понос. То и дело останавливали автомобиль, бегали за кусты опорожниться.

— Зря мы не послушали, ребята, этого грузина, надо было взять бутылку вина, сейчас не случилось бы с нами этого казуса.

— Как говорится, если бы знать, куда упадешь, то заранее постелил бы солому.

Все равно не унывали мужики, смеялись друг над другом. Весело добрались на своих «Жигулях». Здесь проходили две улицы по всему городу. С интересом рассматривали дома, проехали по главному проспекту.

Дальше по Северной Кавказской дороге добрались до Сочи. После этого за полторы суток доехали до родной Чувашии. В итоге, так и не продали машину.

Через своих знакомых Николай Заволжский узнал, что один армянин ищет машину. Николай тут же отправился к нему. Тот моментально без всяких разговоров выложил восемь тысяч рублей. Получилось так, что Николай Заволжский не получил никакой прибыли от продажи. За что купил, за то и продал. Как говорится, махнул, не глядя, на «Жигули 06» зеленого цвета.

Оглавление

Музыканты	3
Купил машину	13
Безработица	22
Несерьезный разговор	29
Богачи	35
Банкир	40
Халява	46
Стеснительный	54
Гадюшник	62
Премия	69
Причина	72
Совесь	77
Валя	84
Клад раздора	105
Отмщение	125
Разумное решение	135
Доверяй, да проверяй	142
Ловушка	150
Продажа автомобиля	160

Жирнов-Ибресь Николай Трофимович

КЛАД РАЗДОРА

Рассказы

Художник В.С. Шведов

Подписано в печать 02.06.10. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 11,25. Уч.-изд.л. 10,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 225.

Отпечатано в типографии ИП Сорокина А.В., «Новое Время».

428034, г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, 50/1.

Тел.: (8352) 41-27-98, 46-43-46. E-mail: newtime1@mail.ru

55:00

